

Министерство просвещения
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет

ТРУДЫ КАМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

ВЫПУСК XXI

ПГПУ
Пермь 2022

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет»

ISSN 2658-7637

**ТРУДЫ
КАМСКОЙ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ**

Выпуск XXI

Сборник научных трудов

Пермь
ПГГПУ
2022

УДК 902/904
ББК Т4 (2РОС36-4ПЕР)
Т 782

Т 782 Труды Камской археолого-этнографической
экспедиции. Вып. XXI: сб. науч. тр. / под общ. ред.
А.М. Белавина; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Пермь,
2022. – 152с.: ил. и табл.
Текст (визуальный) : непосредственный.

Настоящим выпуском продолжается серия научных изданий ПГГПУ «Труды Камской археолого-этнографической экспедиции». Настоящий выпуск включает в себя статьи по археологии, этнографии, фольклористке, историко-культурному наследию Предуралья и иных территорий России от каменного века до современности.

Сборник будет полезен специалистам по истории, искусству, этнографии и археологии Евразии, преподавателям и студентам профильных факультетов вузов, научным работникам, сотрудникам музеев.

УДК 902/904
ББК Т4 (2РОС36-4ПЕР)

Редакционная коллегия:
д-р ист. наук проф. А.М. Белавин (гл. редактор);
Н.С. Батуева (отв. за выпуск)
д-р ист. наук, проф. Н.Б. Крыласова;
канд. ист. наук, доц. А.Н. Сарапулов;
канд. ист. наук, доц. Ю.А. Подосенова

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

**Издание осуществлено при поддержке Министерства образования и науки
Пермского края, соглашения № С-26/1192 от 19.12.2019 г. в рамках программы
развития «Пермской археолого-этнографической школы»**

© Коллектив авторов, 2022
© Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет, 2022

УДК 902/904

DOI: 10.24412/2658-7637-2022-21-3 -12

Н.С. Батуева,^{1,2} Д.А. Демаков,² Е.Л. Лычагина^{1,2,3}
СТОЯНКА КОСА III – ПОЗДНЕМЕЗОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК В
ВЕРХНЕМ ПРИКАМЬЕ (по материалам раскопок 2021 г.)

¹Пермская региональная общественная организация
«Археологи Прикамья», Пермь, Российская Федерация

²Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (ПГГПУ),
Пермь, Российская Федерация

³Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Российская Федерация

В настоящее время на территории Пермского края известно около 100 памятников, относящихся к мезолиту. Особый интерес вызывают стоянки, расположенные в северной части региона. Один из таких памятников - стоянка Коса III, расположенная в Косинском муниципальном округе Пермского края. В 2021 г. отрядом Пермской региональной общественной организации «Археологи Прикамья» и Камской археолого-этнографической экспедиции под руководством Н.С. Батуевой был разбит раскоп площадью 24 м². При полевых исследованиях очертаний каких-либо древних объектов (хозяйственных ям, очагов) обнаружено не было. В ходе раскопок был обнаружен каменный инвентарь (1511 предметов) и остеологический материал. Анализ каменного инвентаря показал, что в качестве орудий чаще всего использовались медиальные фрагменты узких и средних пластин. Основная масса находок состоит из чешуек и сколов.

Памятник Коса III является примером кратковременной стоянки позднемезолитических охотников и рыболовов. Отсутствие материалов других хронологических периодов делает памятник особенно интересным с точки зрения изучения каменной индустрии, хозяйственных занятий древнего населения Прикамья в период позднего мезолита, а также получения материалов для палеоэкологических анализов и радиоуглеродного датирования.

Наличие на стоянке кальцинированных костей животных говорит о возможности обнаружения древнего очага или костровища. Поэтому работы на памятнике необходимо продолжить с целью его полного изучения.

Ключевые слова: поздний мезолит, стоянка, Коса III, Пермский край, каменный инвентарь, палеозоологический анализ.

N.S. Batueva,^{1,2} D.A. Demakov,² E.L. Lychagina^{1,2,3}
SITE III - A LATE MESOLITHIC SITE IN THE UPPER KAMA REGION
(Based on materials from excavations in 2021)

¹Perm Regional Public Organization «Archaeologists of the Kama Region»,
Perm, Russian Federation

²Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

³Perm State University, Perm, Russian Federation

Currently, 100 Mesolithic sites are known in the Perm Territory. Of particular interest are sites located in the northern part of the region. One of these sites is the Kosa III, located in the Kosinsky municipal district of the Perm Territory. In 2021, a detachment of the Perm regional public organization "Archaeologists of the Kama region" and the Kama archaeological and ethnographic expedition led by N.S. Batueva excavated an area of 24 m². During field studies, the outlines of any

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С 26/1192 от 19.12.2019 г.; при поддержке Фонда Президентских грантов, проект № 21-2-003496 «Археологи в музее».

ancient objects (household pits, hearths) were not found. During the excavations, stone implements (1511 objects) and osteological material were found. An analysis of the stone inventory showed that medial fragments of narrow and medium blades were most often used as tools. The bulk of the finds consists of scales and chips.

The site of Kos III is an example of a short-term stay of Late Mesolithic hunters and fishermen. The absence of materials from other chronological periods makes the site especially interesting from the point of view of studying the stone industry, the economic activities of the ancient population of the Kama region during the Late Mesolithic, as well as obtaining materials for paleoecological analyzes and radiocarbon dating.

The presence of calcined animal bones at the site indicates the possibility of discovering an ancient hearth or bonfire site. Therefore, work on the monument must be continued in order to fully study it.

Keywords: late Mesolithic, site, Kosa III, Perm region, stone inventory, paleozoological analysis.

Введение

На территории Пермского края, в настоящее время, известно около 100 мезолитических памятников, которые исследователи относят к камской мезолитической культуре [Демаков, 2017; Мельничук, 2021]. Особый интерес вызывают стоянки, расположенные в северной части региона т.к. они маркируют процесс продвижения носителей камской культуры на север в бассейн р. Вычегда, где также известны памятники камской культуры (приуральской традиции), относящиеся к средневычегодской культуре [Волокитин, 2021, с. 215-238].

В этом отношении привлекают внимание Косинские стоянки, приуроченные к левобережью р. Коса. Они располагаются на невысоких террасах (первой и второй) на правом берегу р. Лолог – притока Косы [Демаков и др., 2021]. Памятники были открыты В.П. Денисовым в 1962 г. в ходе археологической разведки [Денисов, 1963].

Стационарные раскопки на стоянке Коса I были проведены В.П. Денисовым в том же году [Денисов, Мельничук, 1987]. Исследования стоянки Коса II проводились одним из авторов данной статьи – Д.А. Демаковым в 2018-2021 гг., им же в 2018 г. были осуществлены разведочные работы на стоянке Коса III [Демаков, 2020; Демаков и др., 2019]. Наконец, в 2021 г. отрядом Пермской региональной общественной организации «Археологи Прикамья» и Камской археолого-этнографической экспедиции под руководством Н.С. Батуевой были начаты полномасштабные исследования стоянки Коса III.

Целью данной статьи является публикация материалов этих исследований.

Расположение памятника

Стоянка Коса III находится в Косинском районе (ныне Косинском муниципальном округе) Пермского края. Она расположена на невысокой песчаной дюне, которую наваяло на поверхность первой террасы р. Косы, ровная поверхность которой возвышается над заболоченной поймой не более чем на 1,5-2 м. Поверхность памятника хорошо задернована и частично поросла молодым лесом. Территорию памятника пересекает лесная тропа (рис. 1).

Результаты палеоэкологических исследований, проведенных в окрестностях Косинских стоянок, показывают, что первоначальное освоение этого региона человеком происходило в позднебореальный период. Небольшие группы людей могли заниматься охотой в смешанных, в основном сосновых, лесах и рыболовством, останавливаясь на берегах р. Лолог [Демаков и др., 2021].

Раскоп 2021 г., площадью 24 м², был прирезан к западной стенке шурфа 1962 г., заложенного В.П. Денисовым и, частично, располагался на лесной тропе, ведущей к берегу р. Коса. При полевых исследованиях очертаний каких-либо древних объектов (хозяйственных ям, очагов) обнаружено не было. Находки концентрировались в

восточной части раскопа, ближе к шурфу 1962 г. Помимо этого, в результате работ было обнаружено большое количество кальцинированных костей.

Характеристика материальной культуры

Коллекция каменного инвентаря, найденного в раскопе, состоит из 1511 предметов. Подавляющая часть находок была изготовлена из кремня различных цветовых оттенков, однако также присутствует группа артефактов из окремнелого известняка, яшмы и кварцито-песчаника. Единичными находками представлены изделия из доломита, сланца, сердолика и халцедона.

Ведущей категорией находок были отходы производства – чешуйки – 751 экз., сколы – 365 экз., за ними следуют пластины – 182 экз. и отщепы – 162 экз. (почти в равных пропорциях). Такие типы предметов как нуклевидные формы, и орудия труда представлены небольшими группами (рис. 2: 1).

Большинство отщепов, обнаруженных в ходе раскопок, целые (рис. 2: 2). К первичным отщепам (с сохранившейся галечниковой коркой) относится 24 экз.

По размерам отщепы разделились следующим образом: малые (до 30 мм) – 97,5% (158 шт.) и средние (31-50 мм) – 2,5% (4 шт.). Выделяется серия коротких целых изделий, у которых ширина чуть больше длины (не больше чем на 5 мм) – 31 шт. (19,1% от всей коллекции отщепов).

В группу сколы были отнесены случайные осколки, образовавшиеся при первичной обработке камня. Следуя информации из диаграммы, можно сделать вывод, что сколы в основном представлены неопределимыми и первичными формами, остальные виды встречены единично (рис. 2: 3). По размерам они разделились на малые (до 30 мм) – 350 шт. (95,9%) и средние (31-50 мм) – 15 шт. (4,1%).

На памятнике абсолютно преобладали пластины правильных форм, среди которых ведущую роль играли медиальные и проксимальные части (рис. 2: 4). Целые пластины встречались значительно реже. По всей видимости, для памятника было характерно намеренное расщепление пластин с целью использования в качестве орудий их фрагментов. Размеры: микропластины (0-5 мм) – 9,3% (17 шт.), узкие (6-10 мм) – 78,6% (143 шт.), средние (11-15 мм) – 12,1% (22 шт.). Соотношение узких (считая микропластины) и средних пластин – 88:12. То есть для памятника характерно изготовление узких пластин, ширина которых не превышает 10 мм.

Коллекция нуклевидных форм представлена в основном неопределимыми сколами – 24 экз., также присутствуют продольные – 4 экз., краевые – 4 экз., и поперечные – 2 экз. К целым формам относится 2 призматических и 1 конический нуклеус (рис. 3-4). Все нуклеусы и сколы с них небольших размеров, их длина и ширина ударной площадки не превышают 30 мм.

Незначительное количество целых форм и небольшие размеры сколов свидетельствуют о полной срабатываемости нуклеусов и, возможно, определенном дефиците сырья. С другой стороны, это может быть связано с невысоким качеством исходного материала, а также его небольшими размерами. Судя по коллекции, основным видом сырья была мелкая кремнистая галька.

К орудиям было отнесено 40 предметов: 26 пластин и сечений с ретушью, 9 скребков, 2 острия, 1 обломок орудия, 1 отщеп с ретушью, 1 резец на пластине (рис. 5-6). Соотношение орудий на пластинах и отщепах: 32 (80%) : 8 (20%). Т.е. индустрию памятника можно определить, как пластинчатую. Отщепы использовались только для изготовления скребков.

Самую многочисленную группу составляют пластины и сечения с ретушью (рис. 5: 2-7; 10-12; 15). К ним относятся: 14 сечений пластин, 5 медиальных, 3 дистальных, 2 проксимальных части пластин, 1 целая пластина, 1 неопределенный фрагмент пластины. Таким образом, в качестве орудий, в основном, использовались средние части пластин – 19 шт. (73%).

Размеры: микропластины (1-5 мм) – 3,8% (1 шт.), узкие (6-10 мм) – 50% (13 шт.), средние (11-15 мм) – 46,2% (12 шт.). Стоит отметить, что средняя ширина пластин с ретушью больше, нежели пластин в целом. Пластины средней ширины использовались в качестве орудий почти также часто, как узкие.

Тип ретуши: вентральная – 38,5% (10 шт.); дорсальная – 30,8% (8 шт.); ретушь утилизации – 15,4% (4 шт.); противоположащая – 11,5% (3 шт.); выемчатая – 3,8% (1 шт.). Вызывает интерес выделение целой группы пластин с притупленным краем, образовавшимся в результате нанесения отвесной ретуши по брюшку, это является одной из особенностей каменной индустрии данного памятника (рис. 5: 7, 12, 15).

Из приведенных выше данных мы можем сделать вывод о том, что в исследованной части памятника для изготовления орудий использовали фрагменты узких и средних пластин (в основном медиальные), имеющие правильные очертания, обработанные вентральной или дорсальной ретушью.

Скребки (9 шт.): Скребки – 7 шт. (77,8%), микроскребки – 2 шт. (22,2%) (рис. 5: 8; 6). Скребки изготавливались на отщепах – 33,3% (3 шт.) (один на целом, остальные на фрагментах), на пластинах – 33,3% (3 шт.) (2 микроскребка на дистальном конце пластины), на сколах – 22,2% (2 шт.) (1 на продольном сколе с нуклеуса) и на гальке – 11,2% (1 шт.). В основном скребки были изготовлены из кремня 8 шт. (88,8%). В одном случае был отмечен скребок, изготовленный на гальке из сургучной яшмы – 1 шт. (11,2%).

Оба микроскребка были изготовлены на дистальных концах узких пластин из кремня, имели полукруглую дорсальную ретушь. Из остальных орудий 6 относится к концевым формам. Из них один скребок, изготовленный на пластине, был также подработан ретушью с брюшка, возможно, для вставки в рукоять (рис. 6: 8). Еще один скребок на подтреугольном сколе имел ретушь по всему периметру. Описанные формы скребков типичны для мезолита региона.

К интересным формам орудий относятся два острия (рис. 5: 13-14). Оба были изготовлены на фрагментах пластин из серого и коричневого кремня. Острия оформлены полукруглой вентральной ретушью, идущей по двум сторонам. Размеры орудий были практически идентичны: 1,6-1,8 x 0,7 x 0,2 см. Подобные изделия не типичны для мезолита региона.

Единичной находкой представлен резец, изготовленный на углу сломанной пластины из серого кремня, размерами: 1,3 x 0,7 x 0,2 см (рис. 5: 1). Угловые резцы на краю сломанной узкой пластинки типичны для развитого (огурдинского) этапа камской мезолитической культуры [Лычагина, 2013, с. 35-50].

К орудиям также был отнесен отщеп из серого кремня, размером: 1,9 x 1,4 x 0,5 см с вентральной ретушью. Помимо этого, был обнаружен обломок орудия, изготовленный на отщепе из серого кремня, размером: 1,4 x 0,8 x 0,4 см. На боковых сторонах изделия фиксируется крутая противоположащая ретушь. Возможно, это обломок двулезвийного скребка или скребла.

Палеозоологический анализ

Остеологический материал представлен мелкими кальцинированными костями. Из них определимыми оказались 39 экз. Анализ остеологического материала был проведен старшим научным сотрудником ИЭРИЖ УрО РАН, к.б.н., П.А. Косинцевым.

В результате было выяснено, что большинство костей принадлежит крупным млекопитающим – лосю и северному оленю – 35 экз., еще 3 экз. относятся к мелким млекопитающим, единично встречена кость бобра.

Обсуждение результатов

Первый исследователь стоянки Коса III – В.П. Денисов, трактовал его как кратковременную стоянку, относящуюся к позднему мезолиту. Наши работы подтверждают мнение исследователя. О кратковременном характере памятника свидетельствует незначительная площадь распространения находок – порядка 100 м². В

пользу его позднемезолитического возраста свидетельствует отсутствие нуклеусов карандашевидных форм и, в целом, определенная деградация техники скола, широкое использование для изготовления орудий коротких сечений средней ширины (11-15 мм), распространение вентральной ретуши и, наоборот, почти полное исчезновение техники резцового скола.

Полученная коллекция близка к материалам позднемезолитической стоянки Усть-Половинная, которая находится близ г. Перми в левобережном пойменном массиве «Красава» р. Камы. Стоит отметить, что расположение памятника – на невысокой песчаной гряде в пойме р. Кама, схоже с положением стоянки Коса III. Нуклевидные формы на данном памятнике, как и в нашем случае, представлены большим количеством ядрищ в начальной стадии обработки, призматическими и торцовыми формами. Основную группу орудий составляют пластины и сечения с ретушью (преобладает вентральная обработка); угловые резцы и резчики на пластинах. Скребки представлены овальной и подпрямоугольной формами [Мельничук и др., 2001, с. 155-156].

Памятники со схожим инвентарем были изучены А.В. Волокитиным в среднем течении р. Вычегда. В частности, для стоянок Чердыб I и Чердыб II характерно наличие таких групп орудий как пластинки с притупленным краем, острия, микроскребки, орудия на коротких сечениях средних пластинок, при общем высоком уровне микролитизации каменного инвентаря [Волокитин, 2021, с. 225-230]. Судя по радиоуглеродным датировкам, полученным для памятников Чердыбской группы, время существования стоянки Коса III и близких ей памятников может быть отнесено ко второй половине VII тыс. до н.э.

Заключение

Памятник Коса III является примером кратковременной стоянки позднемезолитических охотников и рыболовов. В пользу этого говорит небольшая площадь памятника (распространение находок фиксируется в пределах участка в 100 м²), отсутствие следов каких-либо хозяйственных сооружений (наземной постройки, хозяйственных ям), ограниченный набор орудий труда (вкладыши составных орудий, скребки, острия).

Отсутствие материалов других археологических культур в комплексе памятника делает его особенно интересным с точки зрения изучения каменной индустрии, хозяйственных занятий древнего населения Прикамья в период позднего мезолита, а также получения материалов для палеоэкологических анализов и радиоуглеродного датирования.

Наличие на стоянке кальцинированных костей животных говорит о возможности обнаружения древнего очага или костровища. Поэтому работы на памятнике необходимо продолжить с целью его полного изучения.

Библиографический список

1. Волокитин А.В. Мезолит Северного Приуралья // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 1. Каменный век / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. – 444 с.: ил. С. 215-238.
2. Демаков Д.А. Особенности расположения памятников эпохи мезолита в Пермском крае // Новые материалы и методы археологического исследования: От археологических данных к историческим реконструкциям. Материалы IV конференции молодых ученых. – М.: ИА РАН, 2017. – С. 18–20.
3. Демаков Д.А. Результаты разведки в Косинском районе Пермского края // Археологические открытия. 2018 год / Отв. ред. Н. В. Лопатин. – М.: Институт археологии РАН, 2020. – С. 360-362.

4. Демаков Д.А., Лычагина Е.Л., Зарецкая Н.Е., Лантева Е.Г., Трофимова С.С., Косинцев П.А. Косинские мезолитические стоянки и их природное окружение // Пути эволюционной географии - 2021: Материалы II Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора А.А. Величко (Москва, 22-25 ноября 2021 г.). – М.: Институт географии РАН, 2021. – С. 602-605.
5. Демаков Д.А., Лычагина Е.Л., Лантева Е.Г. Первые итоги раскопок на мезолитической стоянке Коса II // Труды КАЭЭ. – Вып. XV. – Пермь, 2019. – С. 4-10.
6. Денисов В.П. Отчет об археологических раскопках и разведках, проведенных Косинским отрядом Верхне-Камской археологической экспедиции Пермского государственного университета и Коми-Пермяцким окружным краеведческим музеем в июне-августе 1962 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2478. 46 л., 23 ил.
7. Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Косинская I, стоянка – памятник позднего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. – Ижевск, 1987. – С. 19-25.
8. Лычагина Е.Л. Каменный и бронзовый век Предуралья. – Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2013. – 120 с.
9. Мельничук А.Ф. Мезолит Верхнего и Среднего Прикамья // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 1. Каменный век / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. – 444 с.: ил. С. 203-214.
10. Мельничук А.Ф., Бординских Г.А., Мокрушин В.П., Дегтярева М.И., Лычагина Е.Л. Новые позднемезолитические и ранненеолитические памятники в Верхнем и Среднем Прикамье // Археология и этнография Среднего Приуралья. Березники. 2001. – С.142-161.

Сведения об авторах

Батуева Надежда Сергеевна, преподаватель кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (ПГГПУ), председатель Пермской региональной общественной организации «Археологи Прикамья» (г. Пермь, Российская Федерация), Пермский край, г. Пермь, ул. Мира, д.106, кв. 4, e-mail: nadiabat@yandex.ru, тел: +79223355214.

Демаков Денис Александрович, научный сотрудник Камской археолого-этнографической экспедиции, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, ведущий консультант отдела государственного надзора Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Пермского края (г. Пермь, Российская Федерация). Пермский край, г. Пермь, ул. Студенческая, д. 25, кв. 22. Индекс: 614070. Email: demakov-denis@mail.ru. Тел: +7 (912)061 1599.

Лычагина Евгения Леонидовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии Пермского государственного научно-исследовательского университета, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Российская Федерация). Пермский край, г. Пермь, ул. Химградская, д. 3, кв. 25. Индекс: 614042. Email: lychaginae@mail.ru. Тел: +7 (919)4579738.

Batueva Nadezhda Sergeevna, Lecturer of the chair of Domestic and World History, Archeology, Chairman of the Perm Regional Public Organization «Archaeologists of the Kama region», (Perm, Russian Federation), Mira St., 106-4. E-mail: nadiabat@yandex.ru, Tel: +79223355214.

Demakov Denis Alexandrovich, researcher of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition, Perm State Humanitarian Pedagogical University, leading consultant of the Department of State Supervision of the State Inspection for the Protection of Cultural Heritage of the Perm Region (Perm, Russian Federation). Student St, 25-22 Perm, RUSSIA. Zip/Postal: 614070. Email: demakov-denis@mail.ru. Tel: +7 (912)061 1599.

Lychagina Evgenia Leonidovna, doctor of historical sciences, professor of the chair of History and Archeology, Perm State University, professor of the chair of Domestic and World History, Archeology, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation). Himgrad St, 3-25 Perm, RUSSIA. Zip/Postal: 614042. Email: lychaginae@mail.ru. Tel: +7 (919)457 9738.

Пермский край, Косинский муниципальный округ, Коса III, стоянка

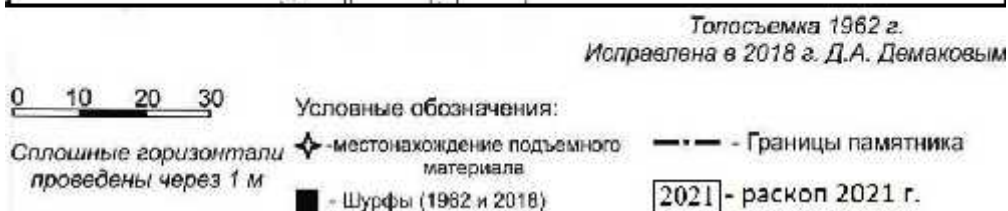
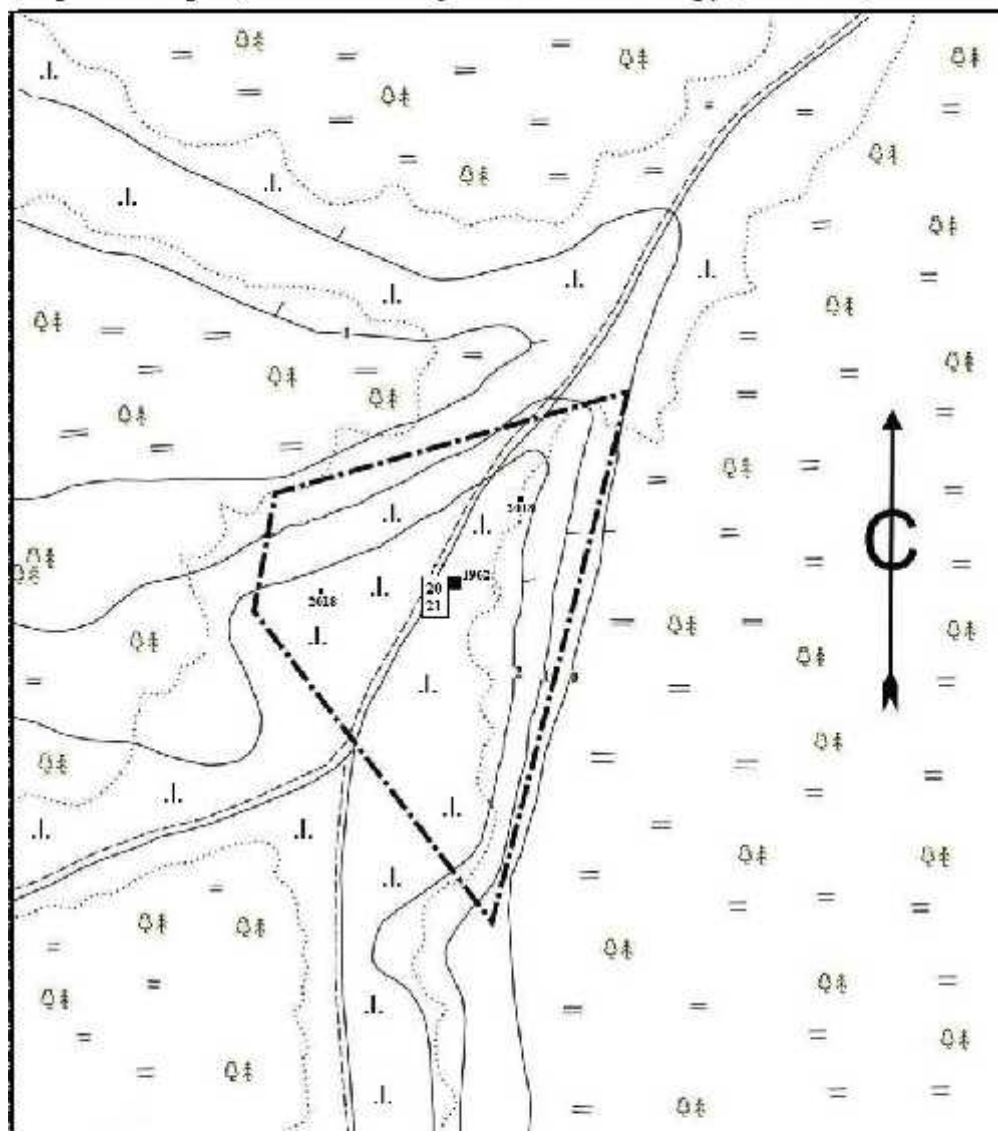

Рис. 1. Топографический план памятника «Коса III, стоянка».

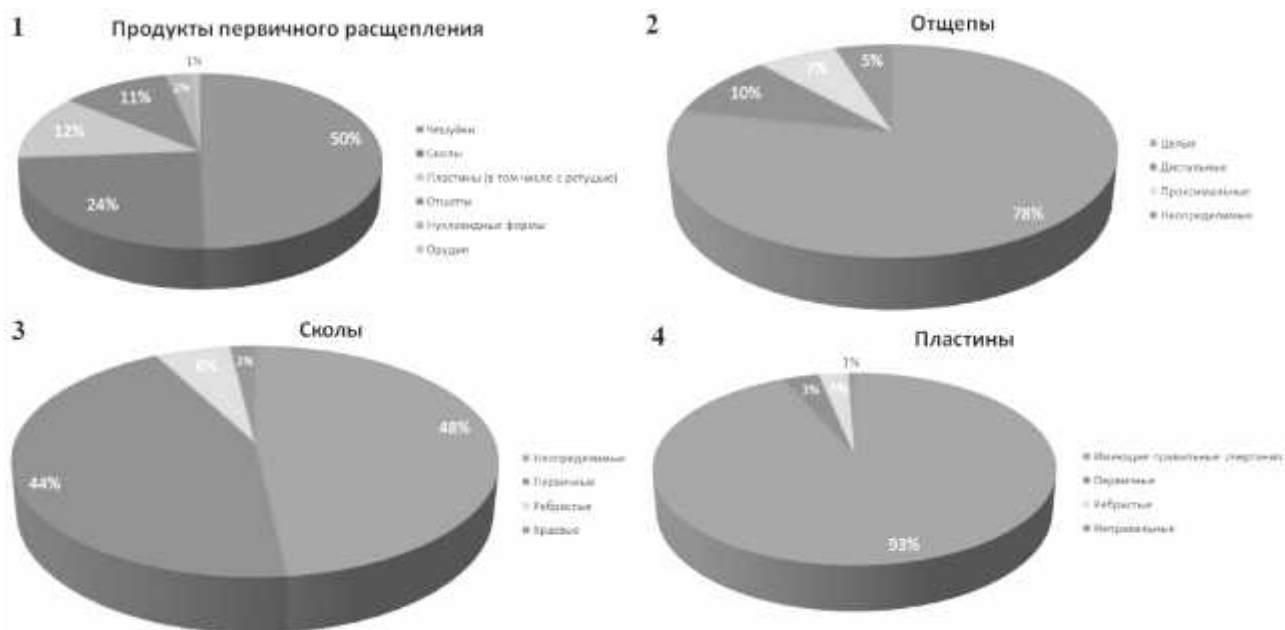

Рис. 2. Процентное распределение каменного инвентаря со стоянки Коса III: 1. – Продукты первичного расщепления; 2. - Отщепы; 3. - Сколы; 4. - Пластины.

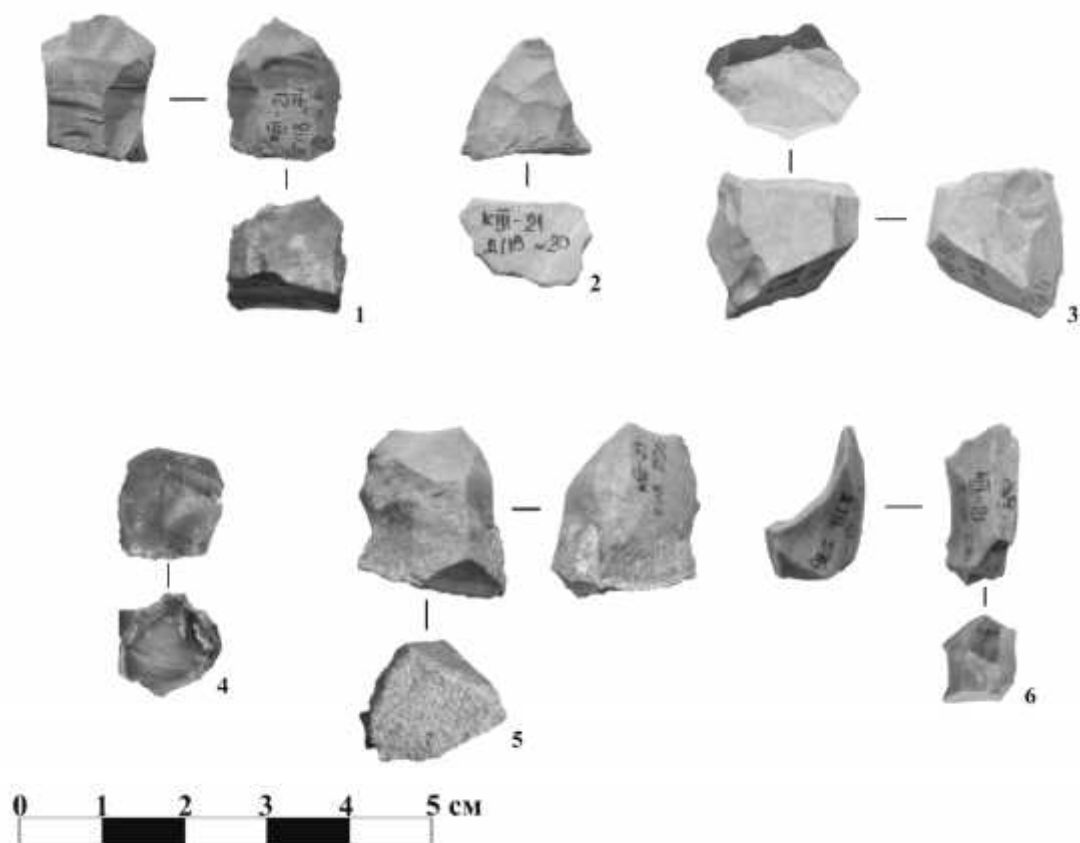

Рис. 3. Нуклеусы. Коса III, стоянка. Раскопки 2021 г.

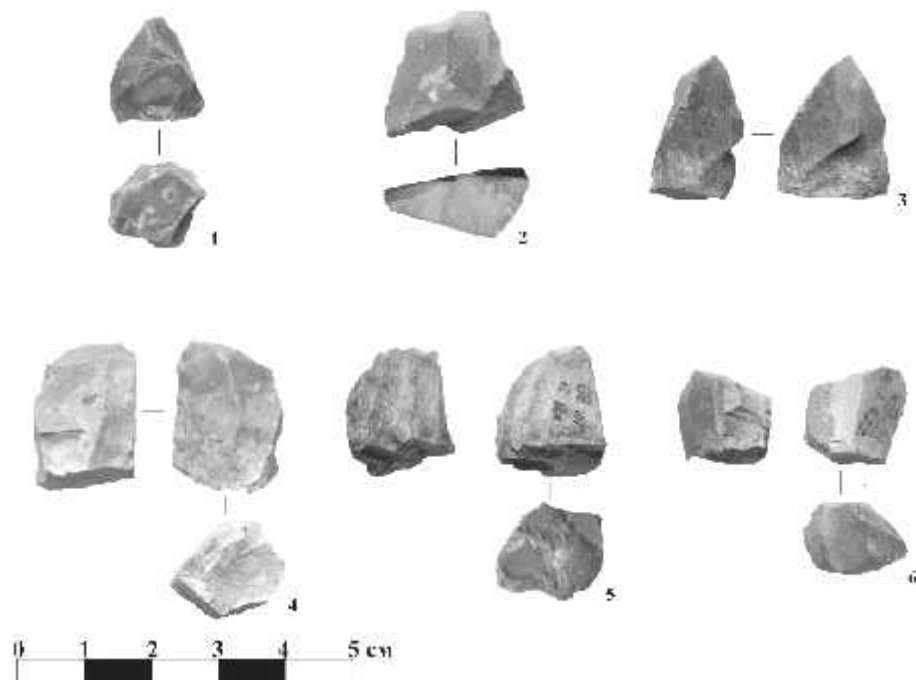

Рис. 4. Нуклеусы. Коса III, стоянка. Раскопки 2021 г.

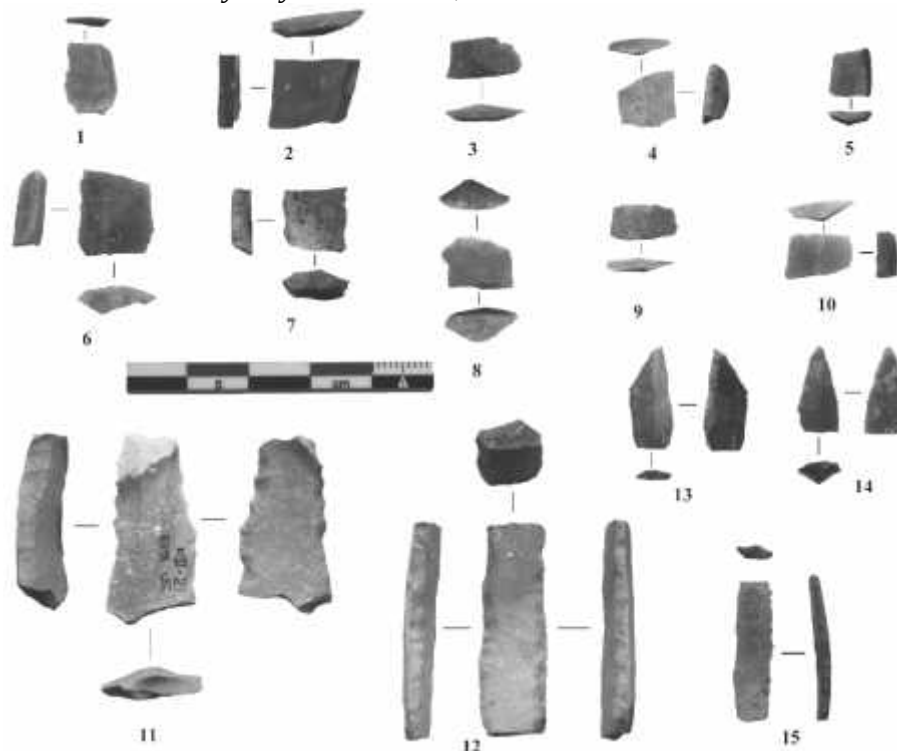

Рис. 5. Орудия. Коса III, стоянка. Раскопки 2021 г. Орудия: 1 - резец на пластине; 2 - сечение пластины с противоположной ретушью; 3 - сечение пластины с вентральной ретушью; 4 - сечение пластины с вентральной ретушью; 5 - сечение пластины; 6 - пластина с вентральной ретушью; 7 - сечение пластины с вентральной ретушью; 8 - скребок; 9 - сечение пластины с противоположной ретушью; 10 - сечение пластины с противоположной ретушью; 11 - пластина с вентральной ретушью; 12 - пластина с притупленным краем; 13 - остриё на пластине; 14 - остриё на пластине; 15 - пластина с притупленным краем.

Рис. 6. Скребки. Коса III, стоянка. Раскопки 2021 г.

УДК 902/904

DOI: 10.24412/2658-7637-2022-21-13 -20

Н.С. Батуева,^{1,2} Д.К. Немцева²
СКРЕБКИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ПОЗДНЕМЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ
КОСА III В ВЕРХНЕМ ПРИКАМЬЕ
(по материалам раскопок 2021-2022 гг.)

¹Пермская региональная общественная организация
«Археологи Прикамья», Пермь, Российская Федерация

²Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (ПГГПУ),
Пермь, Российская Федерация

В настоящее время к исследованиям привлекаются мезолитические стоянки на территории Верхнего Прикамья, расположенные на левом берегу р. Коса, открытые в 1962 г. В.П. Денисовым. В 2021-2022 гг. отрядом Пермской региональной общественной организации «Археологи Прикамья» и Камской археолого-этнографической экспедиции под руководством Н.С. Батуевой были организованы полномасштабные раскопки стоянки Коса III. Целью данной работы являлся анализ такой категории орудий как скребки из коллекции позднемезолитической стоянки Коса III за 2021-2022 гг. полевых исследований. Всего на стоянке Коса III в ходе археологических раскопок было найдено 20 скребков, в том числе два микроскребка.

Проведенный типологический анализ показал, что на стоянке преобладают скребки с одним лезвием, которое располагалось на дистальной части заготовки. Ширина лезвия не зависела от размера заготовки, в основном лезвия делали широкими. Для более аккуратной работы в малодоступных местах использовали микроскребки.

Сравнительный анализ скребков со стоянки Коса III и мезолитических стоянок Чашкинское Озеро XI с территории Пермского края и Малоокуловская 3 Нижегородской области показал сходство мезолитических скребков в материале изготовления, в соотношении однолезвийных и двухлезвийных скребков, в характере и типе ретуши, в расположении рабочего края относительно оси заготовки и её определенной части, в типе скребков. Различия скребков сравниваемых памятников состоит в заготовках, на которых изготавливали скребки, скорее всего это зависело от степени микролиза орудий, в форме рабочего лезвия. Возможно, это может быть связано как с особенностями памятника, так и с хронологическими особенностями, так как данные памятники относятся к разным этапам мезолита.

Ключевые слова: поздний мезолит, стоянка, Коса III, Пермский край, каменный инвентарь, скребки.

N.S. Batueva,^{1,2} D.K. Nemtseva²
SCRAPERS FROM THE COLLECTION OF THE LATE MELITHIC KOSA III SITE
IN THE UPPER KAMA REGION (based on excavations in 2021-2022)

¹Perm Regional Public Organization «Archaeologists of the Kama Region»,
Perm, Russian Federation

²Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

Currently, Mesolithic sites on the territory of the Upper Kama region, located on the left bank of the Kos River, discovered in 1962 by V.P. Denisov, are involved in research. In 2021-2022, a

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С 26/1192 от 19.12.2019 г.; при поддержке Фонда Президентских грантов, проект № 21-2-003496 «Археологи в музее».

detachment of the Perm regional public organization "Archaeologists of the Kama region" and the Kama Archaeological and Ethnographic expedition under the leadership of N.S. Batueva organized full-scale excavations of the Kos III parking lot. The purpose of this work was to analyze such a category of tools as scrapers from the collection of the Late Mesolithic site of Kos III for 2021-2022. field research. In total, 20 scrapers, including two micro-scrapers, were found during archaeological excavations at the Kos III parking lot.

The typological analysis showed that scrapers with a single blade, which was located on the distal part of the workpiece, predominate in the parking lot. The width of the blade did not depend on the size of the workpiece, basically the blades were made wide. For more accurate work in inaccessible places, micro-scrapers were used.

A comparative analysis of the scrapers from the Kosa III parking lot and the mesolithic sites of Chashkinskoe Lake XI from the Perm Territory and Malookulovskaya 3 of the Nizhny Novgorod region showed the similarity of Mesolithic scrapers in the material of manufacture, in the ratio of single-blade and double-blade scrapers, in the nature and type of retouching, in the location of the working edge relative to the axis of the workpiece and its specific part, in the type of scrapers, the differences in the workpieces on which the scrapers were made, most likely it depended on the monument, in the degree of microlithization of the tools, in the shape of the working blade. Perhaps this may be due to both the features of the monument and the features of the periods, since these monuments belong to different stages of the Mesolithic.

Key words: late Mesolithic, parking lot, Spit III, Perm Krai, stone tools, scrapers.

Введение

В настоящее время к исследованиям привлекаются мезолитические стоянки на территории Верхнего Прикамья, расположенные на левом берегу р. Коса, открытые в 1962 г. В.П. Денисовым [Денисов, 1963]. Они располагаются на невысоких террасах на правом берегу р. Лолог – притока р. Косы [Демаков и др., 2021].

В 2021-2022 гг. отрядом Пермской региональной общественной организации «Археологи Прикамья» и Камской археолого-этнографической экспедиции под руководством Н.С. Батуевой были организованы полномасштабные раскопки стоянки Коса III.

Стоянка Коса III находится в Косинском муниципальном округе Пермского края. Она расположена на невысокой песчаной дюне, которую наваяло на поверхность первой террасы р. Косы, ровная поверхность которой возвышается над заболоченной поймой не более чем на 1,5-2 м. Поверхность памятника хорошо задернована и частично поросла молодым лесом. Территорию памятника пересекает лесная тропа (рис. 1).

Раскоп 2021 г., площадью 24 м², был прирезан к западной стенке шурфа 1962 г., заложенного В.П. Денисовым и, частично, располагался на лесной тропе, ведущей к берегу р. Коса. Раскоп 2022 г., площадью 16 м², был прирезан к северным стенкам шурфа 1962 г. и раскопа 2021 г. За два года раскопок, на площади 40 м² было обнаружено 3723 находки.

Целью данной работы является анализ такой категории орудий как скребки.

Скребки – это одна из ведущих категорий орудий каменного века. Они предназначались для обработки шкуры, кости, рога, дерева и камня. Использование скребков известно с эпохи палеолита, в дальнейшем древний человек не терял нужды в данном орудии труда. С учетом разной степени сложности операций, скребки имеют многочисленные вариации как по форме и размерам, так и по специфике оформления рабочего края.

Скребки стоянки Коса III

Всего на стоянке Коса III в ходе археологических раскопок 2021-2022 гг. было найдено 20 скребков, в том числе два микроскребка. Для изготовления скребков, наиболее часто использовался такой материал как кремнь, но встречались и единичные случаи применения в качестве сырья яшмы.

В качестве заготовки использовались отщепы 11 экз. (55%, в том числе два скребка на пластинчатых отщепах) (рис.2:2,4), пластины 6 экз. (30%), сколы 3 экз. (15%) (рис.2:1,3). Размеры орудий не превышали 20 мм, что является характерной чертой мезолитической эпохи.

По количеству лезвий скребки делятся на однолезвийные – 14 экз. (70%), двухлезвийные – 5 экз. (25%) и многолезвийные – 1 экз. (5%). В большинстве случаев лезвие располагалось на дистальной части заготовки 12 экз. (60%). Стоит отметить единичный случай расположения лезвия на проксимальной части (5%) и 4 скребка (20%), у которых лезвия расположены вдоль оси заготовки. А также по одному экземпляру скребков с двумя и тремя лезвиями, у которых одно лезвие расположено на дистальной части, а другое вдоль оси заготовки (10%). Еще у одного скребка лезвия были расположены на обоих концах, то есть и на дистальной, и на проксимальной частях (5%).

Кроме этого, было проанализировано расположение рабочего края относительно оси заготовки. Преобладало поперечное расположение – 13 экз. (65%), продольное – 3 экз. (15%), диагональное – 1 экз. (5%). В коллекции также имеются скребки с двумя и тремя лезвиями, у которых одно лезвие поперечное, а другое продольное или диагональное 3 экз. (15%) (табл. 1).

На основании расположения скребкового лезвия были определены типы скребков. Преобладали концевые формы – 12 экз. (60%) (рис.3:1,3,4,8), боковых – 4 экз. (20%) (рис.3:5,7,9), концевых-боковых (лезвия расположены на конце заготовки и на боковой части) – 3 экз. (15%) (рис.3:2) и один округлый скребок (5%). Среди концевых-боковых у скребка с тремя лезвиями, лезвия располагаются на одном конце и на двух боковых сторонах.

Большая часть скребковых лезвий имеют выпуклую форму – 14 экз. (70%), у трех скребков лезвие прямой формы (15%), у трех двойных скребков (15%) одно лезвие прямое, а другое выпуклое.

Преобладают скребки с широким лезвием – более 16 мм (табл. 2), узкие лезвия характерны для микроскребков. Практически все скребковые лезвия оформлены дорсальной ретушью (90%), у одного орудия отмечена вентральная ретушь (5%), еще один двойной скребок был оформлен противолежащей ретушью (5%). Измерение угла нанесения ретуши показало, что преобладала крутая ретушь (табл. 2). Встречались скребки с частичной и нерегулярной ретушью.

Эпоха мезолита наряду со старыми выдвинула новые типы орудий – микроскребки, обладающие небольшой рабочей кромкой. Такие орудия, закрепленные в рукоятках, давали высокую производительность, выразившуюся в качестве обработки шкур. Они позволили обрабатывать шкуру на всех участках (лапы, хвост, голову), чего невозможно было добиться обычными скребками. Не исключено, что переход к новым формам орудий — микроскребкам — связан с охотой на мелких животных, шкуры которых были и тонкими, и небольших размеров [Семенов, Коробкова, 1983]. На памятнике было выявлено два микроскребка, в качестве заготовок для них были использованы небольшие пластины (9×7) (рис.2:6-7). Длина их лезвий до 5 мм, а высота 1 мм. Лезвия имеют выпуклую форму. В остальном они полностью различаются, начиная с того, что один микроскребок имеет два лезвия. Расположение рабочего края относительно оси заготовки у одного поперечное (рис. 2:6), а у другого продольное. Соответственно расположение лезвий на определенной части заготовки у одного на дистальной, у другого скребка вдоль оси заготовки. По типу скребки концевой и боковой. Скребковые лезвия оформлены у одного дорсальной (рис.2:6), а у второго вентральной ретушью.

Таблица 1. Расположение скребковых лезвий

	На определенной части заготовки			Относительно оси заготовки		
	Дистальной	Проксимальной	Вдоль оси заготовки	Поперечное	Продольное	Диагональное
Одинарные	12(86%)	1(7%)	1(7%)	13(93%)	1(7%)	-
Несколько лезвий	2(15%)	3(23%)	8(62%)	3(23%)	7(54%)	3(23%)

Таблица 2. Характеристика скребковых лезвий

	Ширина				Высота				Угол нанесения ретуши		
	Микро 0-5 мм %	Узкие 6-10 мм %	Средние 11-15 мм %	Широкие 16 мм и < % %	Микро 0-1 мм %	Низкие 1,5 - 3мм %	Средние 4-6 мм %	Высокие 7-9 мм %	Крутая (45- 70°) %	Отвесная (70- 90°) %	Приос тряющая (30- 45°) %
Одинарные	1 (7%)	5 (36%)	1 (7%)	7 (50%)	2 (14%)	1 (7%)	7 (50%)	4 (29%)	10 (71%)	4 (29%)	-
Двойные	-	2 (20%)	3 (30%)	5 (50%)	2 (20%)	4 (40%)	3 (30%)	1 (10%)	6 (60%)	3 (30%)	1 (10%)

Заключение

Проводя типологический анализ, мы полагаем, что часть скребков на отщепах могла использоваться без вторичной обработки, а в качестве лезвия использовались участки, прилегающие к ударной площадке, как это было в эпоху палеолита [Семенов, Коробкова, 1983]. Этим же можно объяснить отсутствие на проксимальной части вторичной обработки, возможно, в этом не было необходимости и её использовали как рабочий край и на самом деле скребков могло быть на много больше, чем удалось определить типологически.

Проведенный типологический анализ скребков из коллекции мезолитической стоянки Коса III показал, что в основном на памятнике преобладают скребки с одним лезвием, которое располагалось на дистальной части заготовки. Дистальная часть заготовки была наиболее подходящей для оформления скребкового лезвия поскольку

она часто имела ровную поверхность со стороны брюшка и выпуклое окончание, которое являлось естественной формой для оформления скребка.

Подводя итог проведённому анализу, мы можем говорить о том, что ширина лезвия не зависела от размера заготовки, в основном лезвия делали широкими. Для более аккуратной работы в малодоступных местах использовали микроскребки. Как особенность встречается ретушь по одной боковой стороне, которая не является рабочим лезвием, это может говорить о том, что к концу мезолита у древнего человека сформировалась техника изготовления орудия и эта ретушь была как раз одной из технических деталей.

Скребки с других мезолитических памятников Пермского Предуралья так же были типологически проанализированы, что позволяет сравнить результаты исследований. Нами был проведен сравнительный анализ со скребками стоянки Чашкинское Озеро XI. Памятник был открыт в 2014 г. Е.Н. Митрошиным в ходе археологической разведки. Стоянка расположена в пригородной зоне на расстоянии 10,6 км к северо-западу от г. Березники. Находится на надпойменной террасе, высотой 11 м в лесном массиве в отдалении от берега озера, что отличает ее от других мезолитических памятников микрорегиона Чашкинского озера, которые расположены непосредственно на берегу водоема. В качестве объекта исследований была выбрана коллекция каменного инвентаря, собранная в результате археологических раскопок 2016-2017 гг. Всего на памятнике было обнаружено 20 скребков. Основным сырьем для их изготовления служил темно-коричневый полупрозрачный кремний (17 экз.) и единичные экземпляры окремнелого известняка и яшмы [Митрошин и др., 2017].

Е.Н. Митрошиным на данном памятнике было выделено 8 микроскребков, однако размерные характеристики этой группы орудий представлены не были. В связи с этим, мы будем пользоваться нашим определением микроскребков, согласно которому к данной группе орудий относятся 6 микроскребков с лезвием до 5 мм. Последующий трасологический анализ подтвердил, что данные изделия в основном использовались в качестве скребков по различным материалам. Лезвия микроскребков были оформлены дорсальной ретушью [Митрошин и др., 2017]. На памятнике Коса III микроскребков меньше, с учетом одинаковой количественной выборки. Можно предположить, что это связано с тем, что памятник Чашкинское озеро XI является памятником развитого мезолита, а стоянка Коса III относится к более позднему этапу.

Остальные скребки стоянки Чашкинское Озеро IX изготовлены на пластинах (15 экз.), на отщепах (4 экз.), на сколе (1 экз.). На памятнике выявлено однолезвийных скребков 17 экз., двухлезвийных 3 экз. Чаще всего рабочий край представлен прямыми лезвиями. По типу преобладают концевые скребки (14 экз.), боковые представлены меньшим объемом экземпляров (6 экз.). Скребок лезвия в основном оформлены крутой и отвесной ретушью в равном количестве.

Проведя сравнительный анализ скребков стоянок Коса III и Чашкинское Озеро XI, мы можем отнести к отличиям то, что в коллекции стоянки Коса III большая часть скребков изготовлена на отщепах, в основном скребки имеют выпуклую форму, чаще встречается крутая ретушь, а на стоянке Чашкинское Озеро XI – скребки, оформленные на пластинах, с прямым лезвием и крутой или отвесной ретушью. К чертам сходства относится преобладание однолезвийных скребков, а также концевых скребков.

Типологическая классификация скребков вызывает интерес у многих археологов, так как эта категория орудий является наиболее представительной с количественной точки зрения и морфологически выраженной. Это дает возможность сравнить типологию скребков разных археологических памятников и выявить особенности. Для сравнения была проанализирована типология скребков мезолитической стоянки Малоокуловская 3 (Нижегородская область), исследованной раскопками ИА РАН в мае-августе 2021 г. Стоянка Малоокуловская 3 многослойная, материалы представлены от эпохи мезолита до Средневековья.

На стоянке Малоокуловская 3 все углубленные объекты характеризуются однотипным набором скребков. Учитывая, что объемы выборки скребков из объектов в количественном отношении различаются, сравнение будет осуществляться со скребками из объекта № 12 [Гусева, 2022].

Сравнительный анализ скребков этих двух памятников показал, что на стоянке Малоокуловская 3 весь массив (86 экз.) разделяется на скребки, заготовкой для которых служили пластинчатые сколы (пластины и пластинки), и скребки, оформленные на отщепах и осколках. Лезвие скребков оформлено крутой и полу крутой ретушью, что характерно и для скребков стоянки Коса III (изготовление скребков на пластинах, сколах и отщепах, оформление крутой или полукрутой ретушью).

По расположению лезвия одинарные скребки подразделяются на концевые (38 экз.), боковые (17 экз.), скошенные (угловые) (2 экз.), округлые (2 экз.), скребки с лезвием на $\frac{3}{4}$ периметра (8 экз.) и микроскребки с лезвием шириной менее 1 см (2 экз.) [Гусева, 2022, с.30]. Как указано выше, похожая статистика прослеживается и на стоянке Коса III. Концевые скребки преобладают, единичные экземпляры микроскребков – это может быть связано с тем, что типологически микроскребки определить довольно сложно без трасологического анализа.

На памятнике стоянка Малоокуловская 3 вариант с дорсальным оформлением лезвия (36 экз.) преобладает над вентральным (2 экз.). Внутри подгруппы двойных скребков концевое-боковое расположение лезвия (3 экз.) преобладает над вариантом с противоположащими лезвиями (2 экз.) [Гусева, 2022, с.30]. Скребки стоянки Коса III в большинстве случаев оформлены дорсальной ретушью. На концевых-боковых скребках лезвия чаще расположены на конце и на одной боковой стороне, либо же оба на боковых сторонах. Отсутствуют случаи расположения на обоих концах.

Таким образом, сравнительный анализ скребков со стоянки Коса III и мезолитических стоянок Чашкинское Озеро XI с территории Пермского края и Малоокуловская 3 Нижегородской области показал, сходство мезолитических скребков в материале изготовления, в соотношении однолезвийных и двухлезвийных скребков, в характере и типе ретуши, в расположении рабочего края относительно оси заготовки и её определенной части, в типе скребков. Различия скребков сравниваемых памятников состоит в заготовках, на которых изготавливали скребки, скорее всего это зависело от памятника, в степени микролизации орудий, в форме рабочего лезвия. Возможно, это может быть связано как с особенностями памятника, так и с хронологическими особенностями, так как данные памятники относятся к разным этапам мезолита.

Библиографический список

1. Гусева Д.В. Типология скребков мезолитической стоянки Малоокуловская 3 (Нижегородская область) // Актуальная археология 6. Материалы международной научной конференции молодых ученых. – Санкт-Петербург, 2022. – СПб: ИИМК РАН. – С.27-30.
2. Демаков Д.А. Результаты разведки в Косинском районе Пермского края // Археологические открытия. 2018 год / Отв. ред. Н. В. Лопатин. – М.: Институт археологии РАН, 2020. – С. 360-362.
3. Денисов В.П. Отчет об археологических раскопках и разведках, проведенных Косинским отрядом Верхне-Камской археологической экспедиции Пермского государственного университета и Коми-Пермяцким окружным краеведческим музеем в июне-августе 1962 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2478. 46 л., 23 ил.
4. Лычагина Е.Л. Каменный и бронзовый век Предуралья. – Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2013. – 120 с.

5. Митрошин Е.Н., Лычагина Е.Л., Цыгвинцева Т.А., Поплевко Г.Н. Комплексный анализ каменного инвентаря мезолитической стоянки Чашкинское Озеро XI // Поволжская археология. 2017. №3 (21). – С. 26-47
6. Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств (мезолит –энеолит). – Л.: Наука, 1983. – 254 с.

Сведения об авторах

Батуева Надежда Сергеевна, преподаватель кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (ПГГПУ), председатель Пермской региональной общественной организации «Археологи Прикамья» (г. Пермь, Российская Федерация), Пермский край, г. Пермь, ул. Мира, д.106, кв. 4, e-mail: nadiabat@yandex.ru, тел: +79223355214.

Немцева Дарья Константиновна, студентка 3 курса исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (ПГГПУ), Пермский край, г. Пермь, ул. 25 октября 37, ком.240, e-mail: nemcevadara286@gmail.com, тел: +79223162255.

Batueva Nadezhda Sergeevna, Lecturer of the chair of Domestic and World History, Archeology, Chairman of the Perm Regional Public Organization «Archaeologists of the Kama region», (Perm, Russian Federation), Mira St., 106-4. E-mail: nadiabat@yandex.ru, tel: +79223355214.

Nemtseva Darya Konstantinovna, 3rd year student of the Faculty of History of the Perm State Humanitarian Pedagogical University (PGGPU), (Perm, Russian Federation), 25 October 37, room 240, E-mail: nemcevadara286@gmail.com , tel: +79223162255.

Рис. 1. Общий вид стоянки Коса III

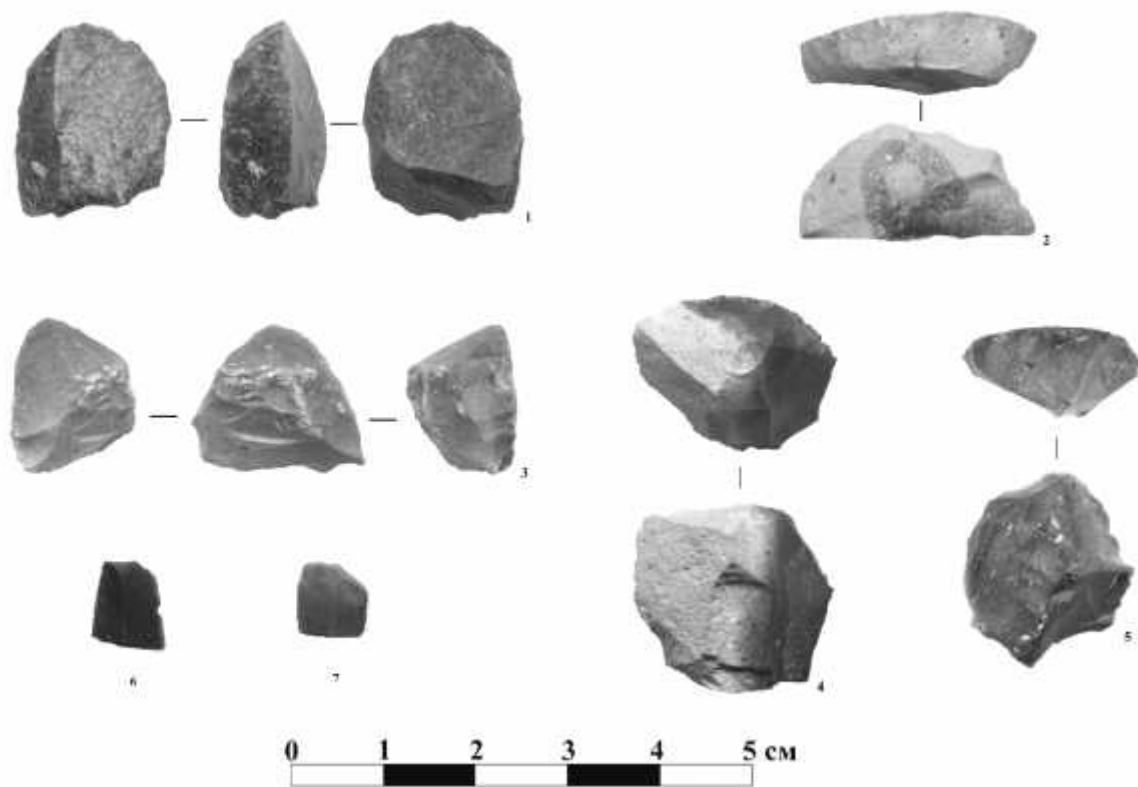

Рис. 2. Скребки стоянки Коса III. Раскопки 2021 года

Рис.3. Скребки стоянки Коса III. Раскопки 2022 года

УДК 902.26

DOI: 10.24412/2658-7637-2022-21-21 -33

Д.А. Демаков,¹ Е.Л. Лычагина^{1,2}**ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАСПОЛОЖЕНИЯ
ПАМЯТНИКОВ КАМСКОЙ И ВОЛГО-КАМСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКИХ
КУЛЬТУР В ВЕРХНЕМ И СРЕДНЕМ ПРИКАМЬЕ**¹Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь,
Российская Федерация²Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Российская Федерация

В статье рассматриваются особенности расположения неолитических памятников региона. Для проведения анализа была использована пространственная классификационная система, разработанная Е.А. Зайцевой и скорректированная в соответствии с природными особенностями региона. В исследовании учтены 73 памятника, культурная принадлежность которых точно определена. Из них 60 относится к камской неолитической культуре, 5 – к волго-камской, на еще 9 памятниках присутствуют материалы обеих культур.

Сравнение проходило по следующим показателям: гидрография, ландшафт, растительность, почвы, расстояние.

Для памятников камской культуры характерно наличие объектов в широком диапазоне исследуемых признаков. Памятники двух других групп имеют схожие черты. Для них характерно расположение на левых берегах рек, в верхнем и среднем их течении, на площадках террас высотой от 3 до 8 м. Они находятся на берегах Камы и притоков первого порядка, в светлососновых сосновых лесах, на подзолистых и пойменных почвах. Памятники этой группы известны в левобережье Камы, в основном в верхнем ее течении.

Таким образом, распространение носителей волго-камских культурных традиций в регионе носило ограниченный характер и практически не выходило за границы левобережья р. Кама и левых притоков первого порядка, в то время как памятники камской культуры встречаются во всех частях Верхнего и Среднего Прикамья.

Ключевые слова: Верхнее Прикамье, Среднее Прикамье, Камская культура, Волго-камская культура, неолит, картографирование.

D.A. Demakov,¹ E.L. Lychagina²**NATURAL AND GEOGRAPHICAL FEATURES OF THE LOCATION OF
SITES OF THE KAMA AND VOLGA-KAMA NEOLITHIC CULTURES IN THE
UPPER AND MIDDLE KAMA REGION**¹Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation²Perm State University, Perm, Russian Federation

The article discusses the features of the location of the Neolithic sites of the region. To carry out the analysis, a spatial classification system was used, developed by E.A. Zaitseva and adjusted in accordance with the natural features of the region. The study takes into account 73 sites, the cultural affiliation of which is precisely determined. Of these, 60 belong to the Kama Neolithic culture, 5 – to the Volga-Kama, 9 more sites contain materials from both cultures.

The comparison took place according to the following indicators: hydrography, landscape, vegetation, soil, distance.

The sites of the Kama culture are characterized by the presence of objects in a wide range of the studied features. The sites of the other two groups have similar features. They are characterized by their location on the left banks of rivers, in their upper and middle reaches, on the platforms of terraces from 3 to 8 m high. They are found on the banks of the Kama River and tributaries of the first

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С 26/1192 от 19.12.2019 г.

order, in light coniferous pine forests, on podzolic and floodplain soils. Sites of this group are known in the left bank of the Kama River, mainly in its upper reaches.

Thus, the distribution of carriers of Volga-Kama cultural traditions in the region was limited and practically did not go beyond the borders of the left bank of the Kama River and the left tributaries of the first order, while sites of Kama culture are found in all parts of the Upper and Middle Kama.

Keywords: Upper Kama, Middle Kama, Kama culture, Volga-Kama culture, Neolithic, mapping.

Введение

Под Верхним Прикамьем мы понимаем бассейны реки Камы в её верхнем течении, рр. Вишеры, Колвы и Косы в пределах северной части Пермского края и Коми-Пермяцкого округа. Южной границей Верхнего Прикамья является территория г.Усолье, в пределах которого находится верхний бьеф Камского водохранилища.

Среднее Прикамье охватывает бассейны рр. Камы, Яйвы, Чусовой, Сылвы и простирается от г. Усолье на севере (верхний бьеф Камского водохранилища) до устья р. Сивы. Береговые линии рек Среднего Прикамья сильно пострадали при строительстве Камского и Воткинского водохранилищ, что повлияло как на сохранность известных памятников археологии, так и на открытие новых [Демаков, 2022, с. 6].

Неолит изучаемой территории представлен двумя археологическими культурами: камской и волго-камской. Первая связана с распространением памятников с гребенчатой орнаментацией керамики, вторая – с орнаментацией с помощью накола. При этом основной массив памятников относится к камской культуре.

Результаты радиоуглеродного анализа органических материалов с памятников камской культуры позволяют определить ее хронологические границы в пределах второй половины VI – второй половины V тыс. до н.э.

По итогам радиоуглеродного датирования органических материалов с памятников волго-камской культуры ее ранний этап был определен в пределах второй половины VII – второй половины VI тыс. до н.э., а развитый – второй половины VI – середины V тыс. до н.э. [Лычагина, 2019, с. 319-320].

Таким образом, хронологические рамки нашего исследования охватывают период с середины VII по вторую половину V тыс. до н.э.

Бытование неолитических коллективов проходило на фоне природных изменений, происходивших в начале и середине среднего голоцена. Период среднего голоцена в Верхнекамье соотносится с появлением и распространением здесь широколиственных пород в составе лесов. Доминировавшие в хронологическом промежутке около 8200–6800 кал. л.н. мелколиственные и светлохвойные леса стали приобретать южно-таежный облик за счет внедрения неморальных элементов растительности.

В интервале 6800–5100 кал. л.н. широколиственные породы широко распространились в Верхнем Прикамье, возросла роль ели в древостое. Сформировались преимущественно темнохвойно-широколиственные леса. В южной части Верхнекамья этот временной интервал также характеризуется существованием хвойно-широколиственных лесов, причем роль широколиственных пород была выше, чем в северной части. Климатические условия среднего голоцена были теплее современных, происходит увеличение влажности, что повлекло за собой увеличение водности Камы. На фоне этого происходило формирование ее шестой и пятой пойменных генераций. На территории Среднего Прикамья также происходит распространение ели и европейских широколиственных лесов в условиях более влажного климата [Лычагина и др., 2021, с. 15; Shumilovskikh et al., p. 540].

Методология

Для выявления закономерностей в расположении разнотипных неолитических памятников нами было решено проанализировать их с помощью пространственной классификационной системы, разработанной Е.А. Зайцевой, которая была скорректирована в соответствии с природно-географическими особенностями, присущими территории исследования [Демаков, 2022, с. 7-10].

В районе работ на данный момент известно 89 неолитических памятников. Точную культурную принадлежность удалось установить для 73 объектов:

1. Камская культура – 60 памятников;

2. Волго-камская культура – 5 памятников;

3. Смешанные комплексы (присутствуют материалы обеих культур) – 9 памятников.

Только на Левшинской стоянке удалось планиграфически и хронологически разделить участки камской и волго-камской культур, поэтому этот памятник учитывался в группах для обеих культур.

В связи с немногочисленностью памятников волго-камской культуры и памятников со смешанным комплексом, выявить устойчивые закономерности в их расположении достаточно сложно, так как они расположены в разных ландшафтных зонах и на большом расстоянии друг от друга, однако выделить общие тенденции оказалось возможным.

Результаты картографирования памятников

Гидрография

1. 95% памятников камской культуры расположено по берегам рек (рис. 1). На р. Каме расположено 20 (35,1%) памятников, 21 памятник (36,8%) расположен на притоках первого порядка. На реках второго-пятого порядков памятников меньше, их количество составляет 2 (3,5%), 5 (8,8%), 6 (10,5%) и 3 (5,3%) соответственно (рис. 2).

В нахождении относительно течения рек зафиксирована тенденция левобережного расположения. 33 памятника (57,9%) находятся на левых берегах рек, 24 (42,1%) – на правых (рис. 3). Так на левом берегу р. Камы выявлено 16 (80%) памятников, а на берегах притоков первого, порядка памятники расположены преимущественно на правом берегу (13 памятников против 8). На притоках второго и четвертого порядков преобладает левобережное расположение, а на реках третьего и пятого порядков – правобережное.

На озерах выявлено 3 (5%) памятника. 20 памятников (33,3%) расположена на берегах старичных озер. Они образованы как р. Камой, так и притоками первого и четвертого порядков (рис. 1).

2. Все волго-камские памятники расположены по берегам рек (рис. 1). На р. Каме находится 2 (40%) памятника, 3 объекта (60%) расположено на притоках первого порядка (рис. 2). На левых берегах располагается 4 из 5 объектов (рис. 3). На р. Каме оба памятника расположены на левом берегу, на берегах притоков первого порядка два памятника расположены на левых берегах, один на правом. 3 памятника (60%) расположены на берегах старичных озер. Озера образованы как р. Камой, так и притоками первого порядка (рис. 1).

3. Все памятники со смешанным комплексом расположены по берегам рек (рис. 1). На р. Каме расположено 6 (66,7%) памятников, 3 памятника (33,3%) находятся на притоках первого, второго и четвертого порядков (рис. 2).

На левых берегах расположено 8 из 9 объектов (рис. 3). На р. Каме, притоках первого и четвертого порядков все памятники расположены на левом берегу, а на притоке второго порядка памятник находится на правом берегу.

Четыре памятника (44,4%) расположены на берегах старичных озер. Эти озера образованы как р. Камой, так и притоком четвертого порядка (рис. 1).

Ландшафт, растительность, почвы

1. Большая часть памятников камской культуры расположена на террасах – 51 (85%). В пойме выявлено 8 (13,3%) памятников, для одного памятника данный показатель установить не удалось (рис. 4).

Памятники камской культуры можно разделить по расположению на площадках террас, мысах, дюнах, гривах и пещерах. Численно преобладают памятники на площадках террас (38), доля которых составляет 63,3%. На мысовидных участках расположено 13 (21,6%) памятников. 4 памятника (6,7%) расположены на дюнах, 3 (5%) – на гривах. Стоянка Камень Дыроватый представляет собой пещеру, для одного памятника ландшафтные особенности установить не удалось (рис. 5).

Высота расположения памятников камской культуры относительно уреза воды сильно варьируется. На участках до 2 м расположено 10 (16,7%) памятников. На высоте от 3 до 5 м расположен 21 (35%) памятник, а на участках высотой от 6 до 8 м – 13 памятников (21,7%). Следующую значимую группу составляют памятники, расположенные на высоте 9-12 м – 9 (15%). Памятники на участках высотой 13-18 м, 19-25 м и 26-32 м представлены небольшими группами, 2 (3,3%), 2 (3,3%) и 1 (1,7%) соответственно. Для двух памятников высотность расположения установить не удалось (рис. 6).

Характер растительности и почв в местах расположения памятников камской культуры следующий. Практически в равном количестве они расположены как в светлохвойных сосновых (17/28,3%), так и в смешанных хвойно-лиственных лесах (16/26,7%). В темнохвойных лесах известен 1 памятник (1,7%), для 26 (43,3%) характер растительности установить не удалось (памятники либо уничтожены водохранилищем, либо лес на территории памятника сведен) (рис. 7). 47 памятников (78,3%) расположены на подзолистых почвах, 11 (18,3%) – на пойменных, 2 памятника (3,4%) расположены на глеевых почвах (рис. 8).

2. Памятники волго-камской культуры расположены на террасах (рис. 4). Их можно разделить по расположению на площадках террас, мысах и дюнах. Численно преобладают памятники на площадках (3), доля которых составляет 60%. На мысовидных участках и дюнах расположено по 1 памятнику (рис. 5).

Высота расположения памятников волго-камской культуры варьируется несильно. Они находятся на террасах высотой от 3 до 12 м, но преобладает группа из 3 памятников (60%), расположенных на участках террас, высотой от 6 до 8 м (рис. 6).

Характер растительности и почв в местах расположения памятников волго-камской культуры следующий. В 80% случаев (4 памятника) на территории памятников произрастает светлохвойный сосновый лес, а для 1 (20%) памятника характер растительности установить не удалось (лес на территории памятника сведен) (рис. 7). 3 памятника (60%) расположены на подзолистых почвах, 2 (40%) на пойменных (рис. 8).

3. Восемь памятников со смешанным комплексом (88,9%) расположены на террасах, 1 памятник находится в пойме (рис. 4). Их можно разделить по расположению на площадках террас, мысах и дюнах. Численно преобладают памятники на площадках (5), доля которых составляет 55,6%. На мысовидных участках и дюнах расположено по 2 памятника (рис. 5).

Высота расположения памятников со смешанным комплексом варьируется несильно. Они расположены на участках высотой от 3 до 18 м, но преобладают следующие группы: 4 памятника (44,5%) на участках высотой от 3 до 5 м; 3 памятника (33,3%) на участках высотой от 13 до 18 м (рис. 6).

Характер растительности и почв в местах расположения памятников со смешанным комплексом следующий. В 55,6% случаев (5 памятников) на территории произрастает светлохвойный сосновый лес, 2 памятника (22,2%) находятся в смешанных хвойно-лиственных лесах, а для 2-х (22,2%) памятников характер растительности установить не удалось (лес на территории памятника сведен, либо

памятник уничтожен водохранилищем) (рис. 7). 8 памятников (88,9%) расположено на подзолистых почвах, а 1 (11,1%) на пойменных (рис. 8).

Расстояние

1. Распределение памятников камской культуры относительно устья рек показывает, что они в равном количестве сосредоточены в среднем и нижнем течении (по 24 памятника). Всего 6 памятников известно в верховьях рек – 10,5%, 3 памятника находятся в устьях рек (5,3%) (рис. 9).

Сравнивая расположение памятников по отдельным категориям рек, можно отметить, что на р. Каме они размещены преимущественно в среднем течении. На притоках первого порядка преобладают в нижнем течении. На притоках второго и третьего порядков памятники расположены практически равномерно в среднем и нижнем течении (учитывая памятники в устьях рек). На притоках четвертого и пятого порядков объекты находятся в основном в нижнем течении рек.

Оценивая расстояние от памятников камской культуры до современного водотока, можно отметить, что оно достаточно вариативно. Большая их часть удалена не более чем на 300 м – 44 объектов (73,3%). 8 памятников (13,3%) расположены от современного водотока на расстоянии от 301 до 600 м. 4 памятника (6,7%) находятся на расстоянии от 601 до 900 м. Два памятника (3,3%) удалены от современного водотока на расстояние от 901 до 1200 м. Единично представлены памятники на расстоянии от 1201 до 1500 и от 1801 до 2100 м (рис. 10). Отдаленное расположение можно объяснить тем, что эти памятники находятся на берегах старичных озер, в удалении от современных действующих русел рек.

Подавляющее большинство памятников камской культуры – 46 (76,7%) расположено на удалении до 25 м от бровки террасы. Группа из 3 памятников (5%) удалена от бровки террасы на расстояние от 26 до 100 м, один памятник удален на расстояние от 101 до 200 м. Для 10 (16,6%) памятников, расположенных в пойме и пещерах, данный показатель установить не удалось (рис. 11).

2. Распределение памятников волго-камской культуры относительно устья рек показывает, что они практически равномерно расположены в верхнем, среднем и нижнем течении рек (2/2/1 памятник соответственно) (рис. 9). На р. Каме памятники известны только в верхнем течении, на притоках же первого порядка они преобладают в среднем течении.

Оценивая расстояние от памятников волго-камской культуры до современного водотока, можно отметить, что большая их часть удалена не более чем на 300 м – 4 объекта (80%). Один памятник расположен от современного водотока на расстоянии от 301 до 600 м (рис. 10). Он находится на берегу старичного озера, и удален от современных действующих русел рек. Памятники волго-камской культуры расположены на удалении до 25 м от бровки террасы (рис. 11).

3. Распределение памятников со смешанным комплексом относительно устья рек показывает, что они практически равномерно расположены в верхнем и среднем течении рек (4 и 3 памятника соответственно). По одному памятнику известно в нижнем течении и в устье рек (рис. 9). На р. Каме они в большинстве случаев располагаются в верхнем течении. На притоках первого порядка памятник находится в устье реки, второго порядка – в среднем течении, а четвертого порядка – в нижнем.

Памятники со смешанным комплексом удалены от современного водотока, не более чем на 300 м (рис. 10). 8 памятников расположены на удалении до 25 м от бровки террасы, а для пойменного памятника данный показатель установить не удалось (рис. 11).

Обсуждение результатов

В результате картографирования, на основании пространственной классификационной системы удалось выделить основные закономерности в расположении разнотипных групп неолитических памятников:

1. Для группы памятников камской культуры характерно наличие объектов в широком диапазоне исследуемых признаков. Ведущими для них являются расположение преимущественно на левых берегах рек, в среднем и нижнем их течении, на участках высотой от 3 до 5 м. В основном памятники находятся на берегах р. Камы и притоков первого порядка, в светлохвойных сосновых и смешанных лесах, на подзолистых почвах, на расстоянии до 25 м от бровки террас и до 300 м от современного водотока. Только памятники камской культуры известны на озерах и в правобережье р. Камы.

2. Памятникам волго-камской культуры свойственно расположение на левых берегах рек, в верхнем и среднем их течении, на площадках террас высотой от 6 до 8 м. Они находятся на берегах р. Камы и притоков первого порядка, в светлохвойных сосновых лесах, на подзолистых и пойменных почвах. Памятники расположены на расстоянии до 25 м от бровки террас и до 300 м от современного водотока. Памятники этой группы известны только в левобережье р. Камы, в основном в верхнем ее течении.

3. Памятникам со смешанным комплексом присуще расположение на левых берегах рек, в верхнем и среднем их течении, на площадках террас высотой от 3 до 5 и от 13 до 18 м. В подавляющем большинстве они находятся на берегах р. Камы и притоков первого порядка, в светлохвойных сосновых лесах, на подзолистых почвах. Памятники расположены на расстоянии до 25 м от бровки террас и до 300 м от современного водотока. Памятники этой группы, в основном, расположены в левобережье р. Камы, в верхнем и среднем ее течении.

Заключение

В ходе проведенного исследования удалось выделить характерные особенности расположения, присущие для неолитических памятников камской и волго-камской культур.

Для памятников камской культуры, как культуры, сформировавшейся на местной мезолитической основе, присуще освоение более широкого спектра ландшафтов и большее распространение по территории региона исследования.

Носители волго-камских культурных традиций, как пришлое население, осваивали только определенный тип ландшафтов, встречавшихся по пути их миграций, и подходящих им (левобережье р. Кама).

Это подтверждается тем, что памятники со смешанным комплексом занимают территории, в большинстве своем характерные для волго-камских, а не камских памятников.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что распространение носителей волго-камских культурных традиций в регионе носило ограниченный характер и практически не выходило за границы левобережья р. Кама и левых притоков первого порядка, в то время как памятники камской культуры встречаются во всех частях Верхнего и Среднего Прикамья.

Библиографический список

1. Демаков Д.А. Природно-географические особенности расположения памятников новоильинской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия *Stydia historica jenium*. № 1 (18). – Перм. гос. гуманитар.- пед. ун-т. – Пермь, 2022. – С. 5-19.

2. Демаков Д.А. Природно-географические особенности расположения памятников новоильинской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия *Stydia historica jenium*. № 1 (18). – Перм. гос. гуманитар.- пед. ун-т. – Пермь, 2022. – С. 5–19.

3. Лычагина Е.Л. Неолит Верхнего и Среднего Прикамья: диссертация докт. истор. наук. Пермь, 2019. – 632 с.
4. Лычагина Е.Л., Демаков Д.А., Чернов А.В., Зарецкая Н.Е., Копытов С.В., Лантева Е.Г., Трофимова С.С. Среда обитания древнего человека в бассейне Верхней Камы: опыт реконструкции // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2021. – № 1 (52). – С. 5–19.
5. Shumilovskikh L.S., Schmidt M., Pereskokov M., Sannikov P. Postglacial history of east european boreal forests in the Mid-Kama region, Pre-Urals, Russia // Boreas. 2020. – Vol. 49. No 3. – P. 526–543.

Сведения об авторах

Демаков Денис Александрович, научный сотрудник Камской археолого-этнографической экспедиции, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, ведущий консультант отдела государственного надзора Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Пермского края (г. Пермь, Российская Федерация). Пермский край, г. Пермь, ул. Студенческая, д. 25, кв. 22. Индекс: 614070. Email: demakov-denis@mail.ru, тел: +7 (912)061 1599.

Лычагина Евгения Леонидовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии Пермского государственного национального исследовательского университета, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Российская Федерация). Пермский край, г. Пермь, ул. Химградская, д. 3, кв. 25. Индекс: 614042. Email: lychaginae@mail.ru, тел: +7 (919)4579738.

Demakov Denis Alexandrovich, researcher of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition, Perm State Humanitarian Pedagogical University, leading consultant of the Department of State Supervision of the State Inspection for the Protection of Cultural Heritage of the Perm Region (Perm, Russian Federation). Student St, 25-22 Perm, RUSSIA. Zip/Postal: 614070. Email: demakov-denis@mail.ru. tel: +7 (912)061 1599.

Lychagina Evgenia Leonidovna, doctor of historical sciences, professor of the chair of History and Archeology, Perm State University, professor of the chair of Domestic and World History, Archeology, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation). Himgrad St, 3-25 Perm, RUSSIA. Zip/Postal: 614042. Email: lychaginae@mail.ru, tel: +7 (919)457 9738.

Рис. 1. Расположение памятников относительно объектов поверхностных вод

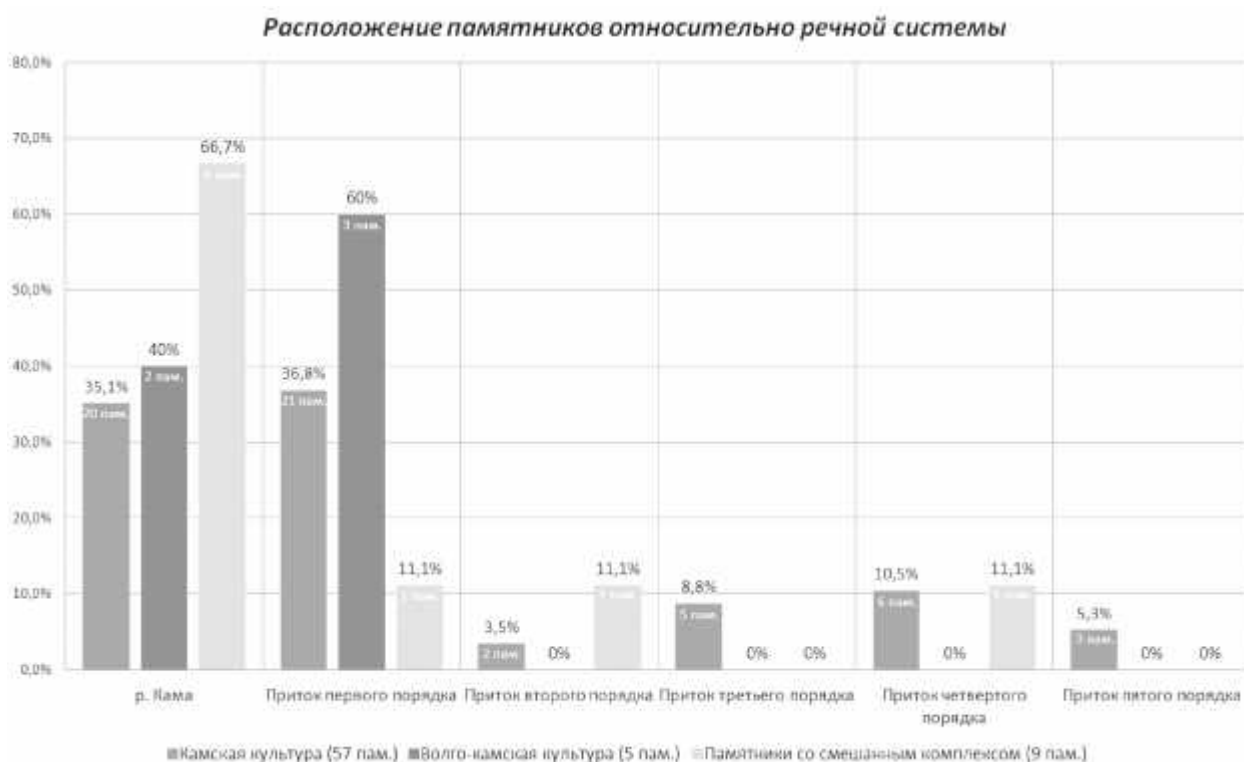

Рис. 2. Расположение памятников относительно речной системы

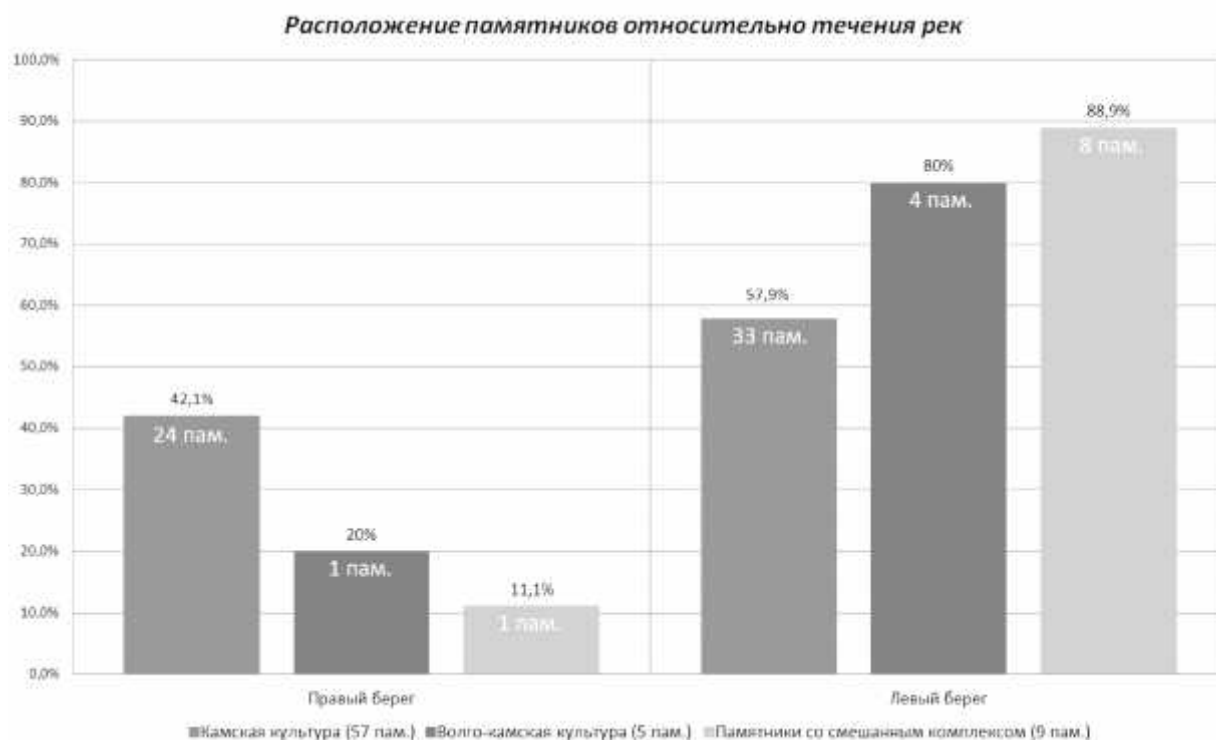

Рис. 3. Расположение памятников относительно течения рек

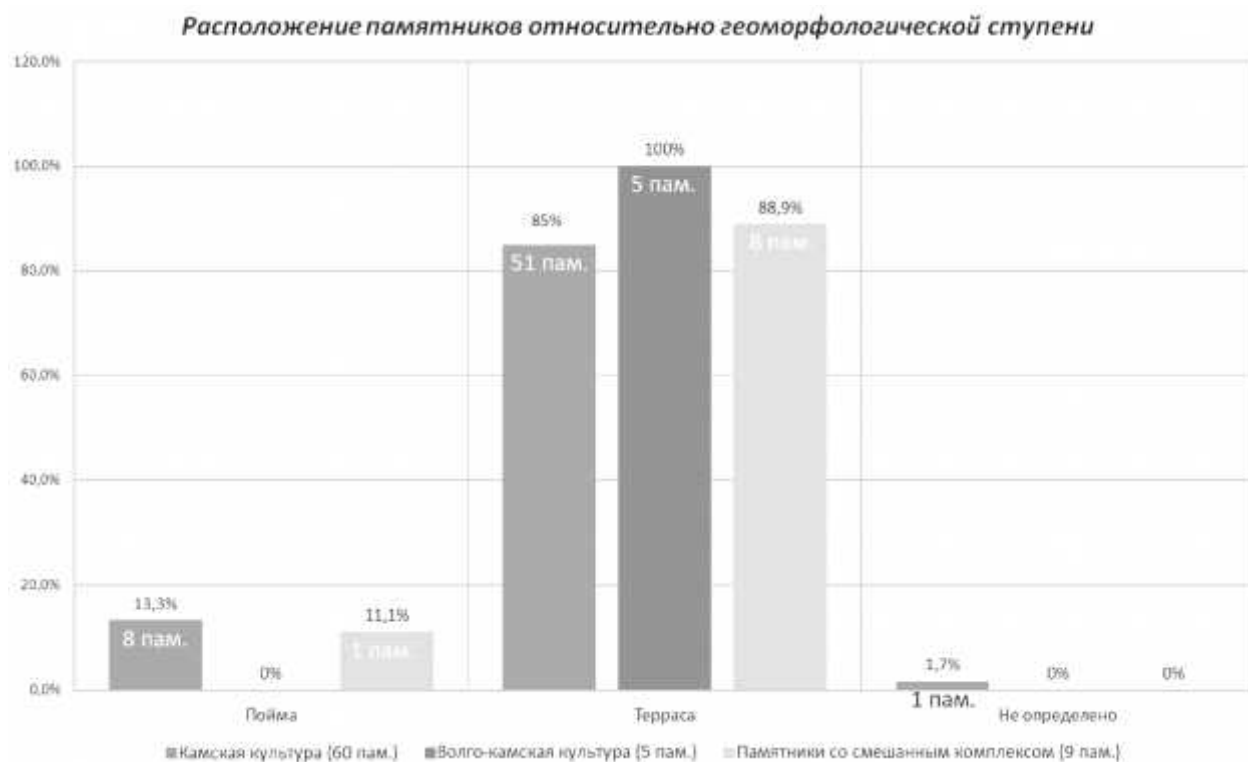

Рис. 4. Расположение памятников относительно геоморфологической ступени

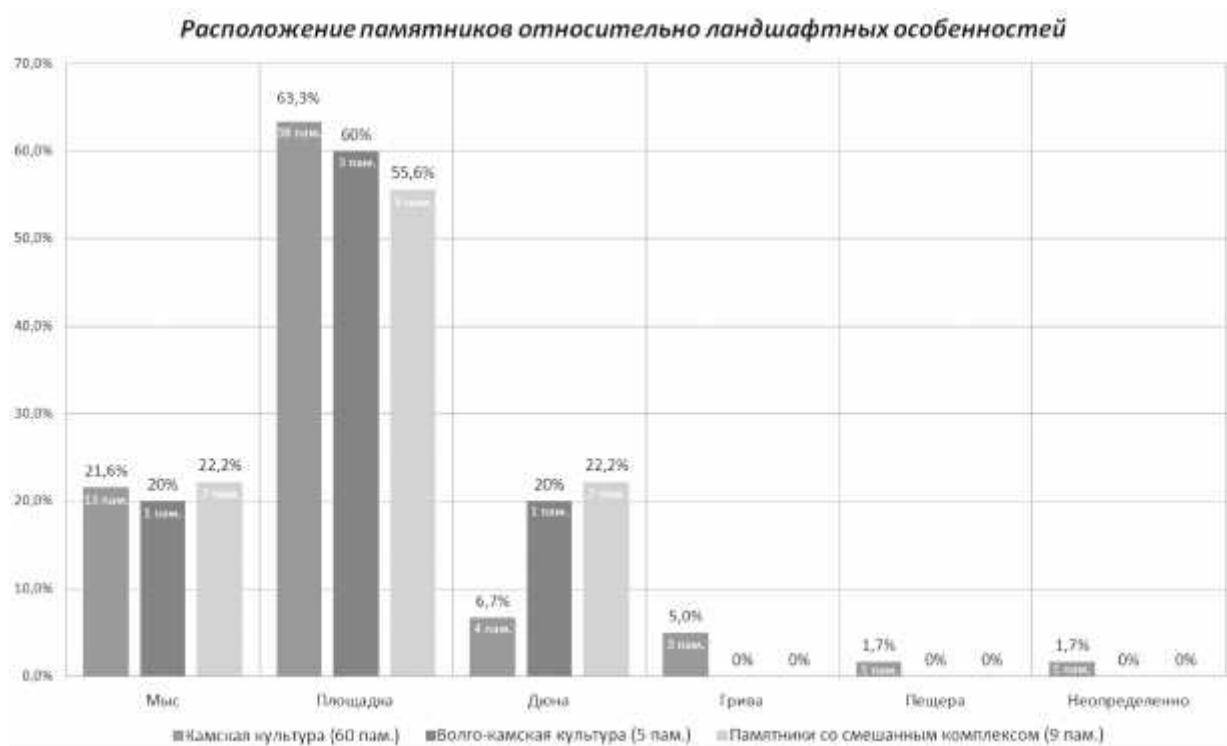

Рис. 5. Расположение памятников относительно ландшафтных особенностей

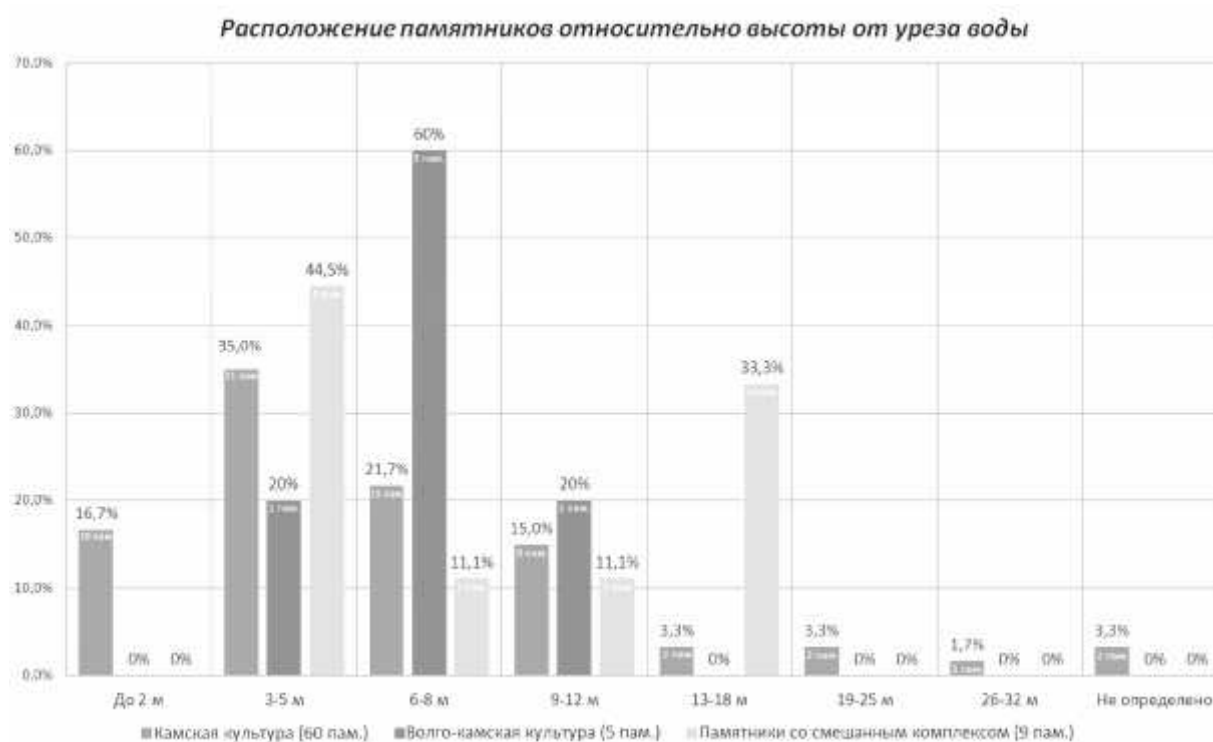

Рис. 6. Расположение памятников относительно высоты от уреза воды

Рис. 7. Характер растительности в местах расположения памятников

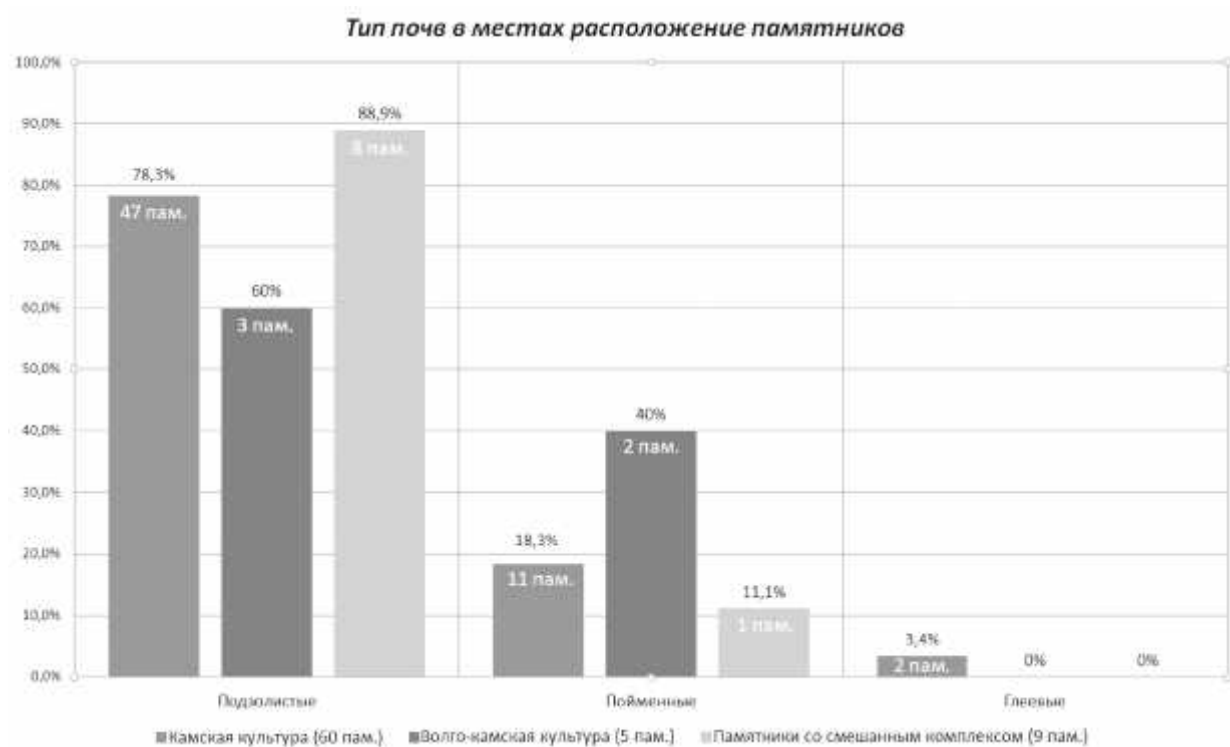

Рис. 8. Тип почв в местах расположения памятников

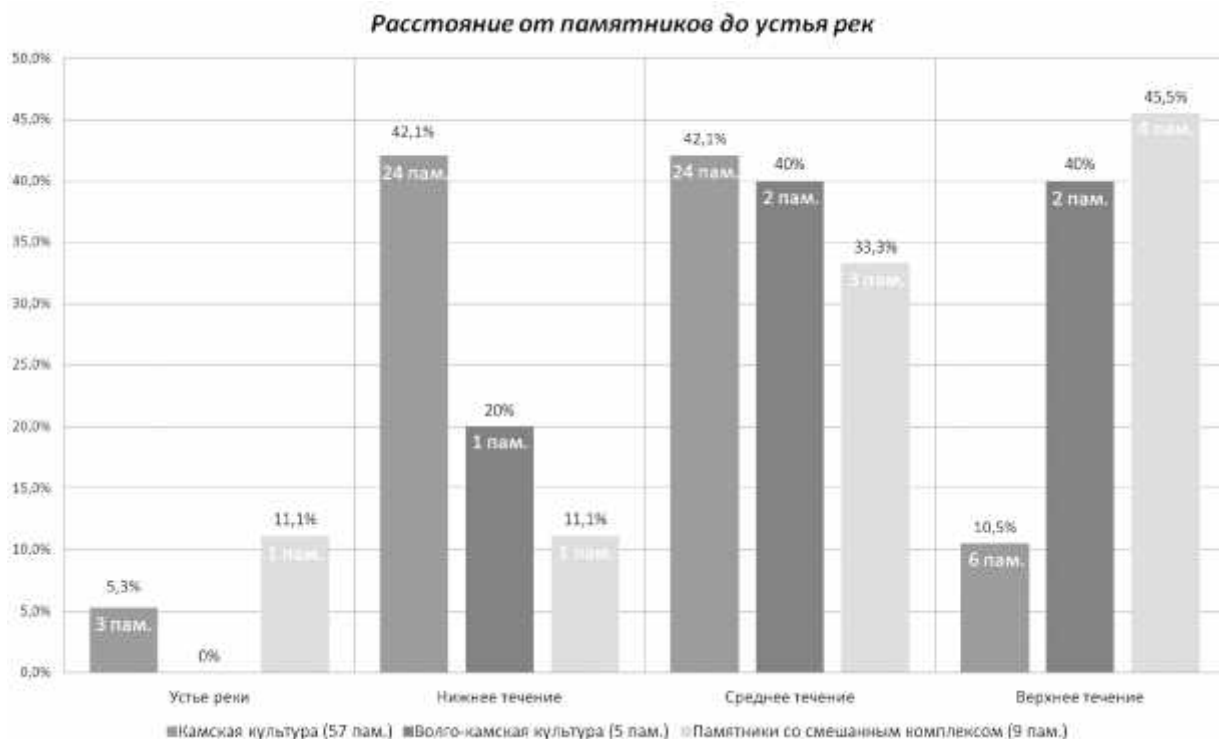

Рис. 9. Расстояние от памятников до устья рек

Рис. 10. Расстояние от памятников до современного водотока

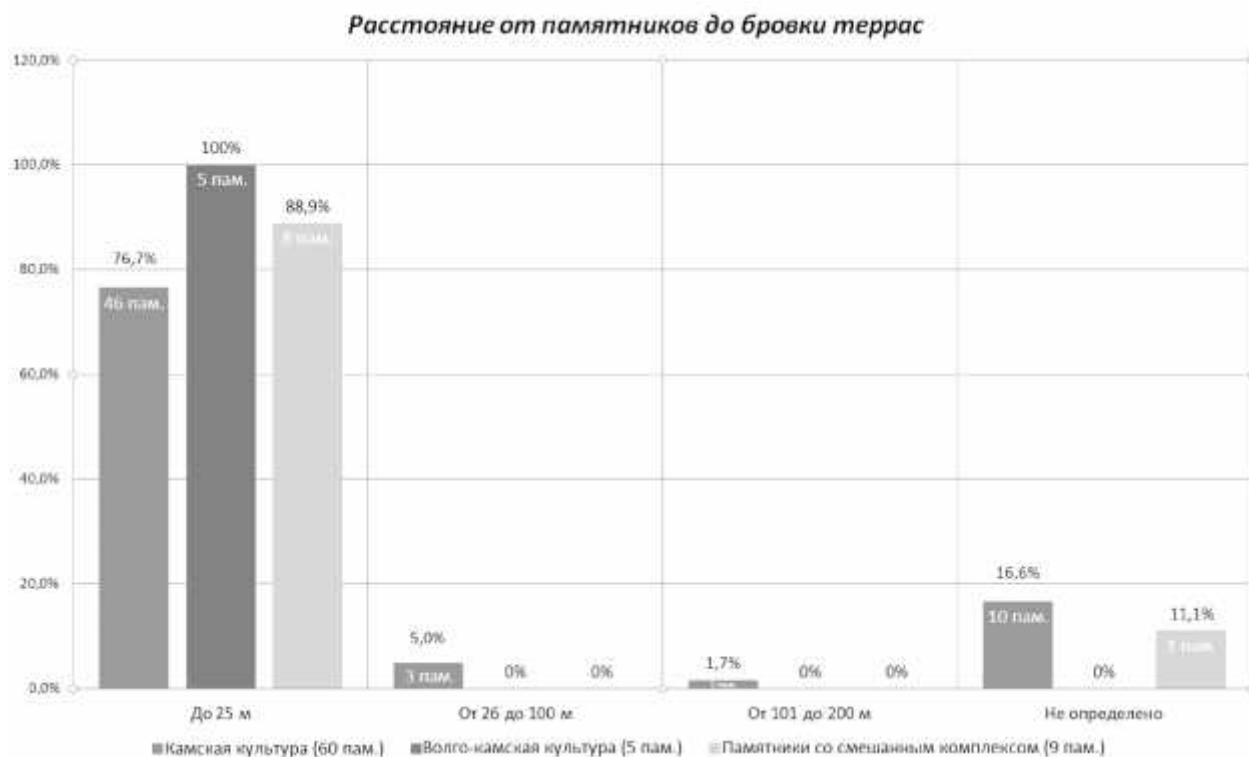

Рис. 11. Расстояние от памятников до бровки террас

УДК 903.21

DOI: 10.24412/2658-7637-2022-21-34 -41

Е.Л. Лычагина,^{1,2} Н.Г. Брюхова^{1,3}**КОМПЛЕКС ПО ИЗГОТОВЛЕНИЮ ШЛИФОВАННЫХ ОРУДИЙ СО
СТОЯНКИ ЧАШКИНСКОЕ ОЗЕРО II**¹Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь,
Российская Федерация²Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Российская Федерация³Пермский федеральный научный центр УрО РАН,
Пермь, Российская Федерация

В статье рассматривается комплекс по изготовлению шлифованных орудий, который был выявлен на стоянке Чашкинское Озеро II в ходе раскопок 2021-22 гг. Авторами выделено три этапа работы по созданию шлифованных орудий труда. На первом этапе происходит отбор подходящего сырья. В ходе раскопок 2022 г. на стоянке было выявлено скопление кусков хлоритового сланца, который был специально принесен на памятник. Именно из этого сырья изготовлено большинство шлифованных предметов.

На втором этапе происходит первичная обработка отдельностей сырья с целью придать им форму будущего орудия. О проведении второго этапа на территории стоянки свидетельствуют многочисленные находки мелких отщепов из сланца и близких ему пород.

На третьем этапе происходила окончательная отделка орудия. Она осуществлялась с помощью крупных шлифовальных плит – начальный этап и небольших оселков – заключительный этап.

Техника шлифования широко применялась при изготовлении орудий для обработки дерева – топоров, тёсел, стамесок, а также при окончательном оформлении украшений – подвесок и нашивок. Местное население обладало высоким уровнем мастерства и знанием особенностей различных пород камня.

Ключевые слова: энеолит, гаринская культура, Верхнее Прикамье, сланец, двусторонняя обработка, абразивная обработка.

E.L. Lychagina,^{1,2} N.G. Bryukhova^{1,3}**COMPLEX FOR MAKING POLISHED TOOLS FROM THE CHASHKINSKOE
LAKE II SITE**¹Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation²Perm State University, Perm, Russian Federation³Perm Federal Research Center, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, UB
RAS
Perm, Russian Federation

The article discusses a complex for the manufacture of polished tools, which was discovered at the Chashkinskoye Lake II site during excavations in 2021-22. The authors identified three stages in the manufacture of polished tools. The first step is the selection of suitable raw materials. During excavations in 2022, an accumulation of pieces of chlorite slate was revealed at the site, which was specially brought to the site. It is from this raw material that most polished objects are made.

At the second stage, the primary processing of the individual raw materials takes place in order to give them the shape of a future tool. Numerous finds of small flakes from slate and rocks related to it testify to the conduct of the second stage on the territory of the site.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-49-590002 p_a_Пермский край
«Комплексные исследования постнеолитических и энеолитических культур на территории Среднего Предуралья, Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

At the third stage, the final finishing of the tool took place. It was carried out with the help of large grinding plates - the initial stage and small hone - the final stage.

The grinding technique was widely used in the manufacture of tools for working wood - axes, adzes, chisels, as well as in the final design of jewelry - pendants and stripes. The local population had a high level of skill and knowledge of the characteristics of various types of stone.

Keywords: *Chalcolithic, Garinskaya culture, Upper Kama region, slate, two-sided processing, abrasive processing.*

Введение

Одной из характерных черт каменной индустрии гаринской энеолитической культуры является широкое распространение техники шлифования [Лычагина, 2022, с. 71]. Это проявляется как в наличии самих шлифованных орудий непосредственно на памятниках, так и в различных свидетельствах их изготовления – отдельностях сырья, шлифовальных плитах и оселках, заготовках с частичной пришлифовкой.

Цель данной статьи – охарактеризовать комплекс по изготовлению шлифованных орудий, выявленный на стоянке Чашкинское Озеро II.

Стоянка расположена в 10 км к северо-западу от центра г. Березники, в 1,5 км к северо-востоку от железнодорожного разъезда 9-ый км и в 0,8 км к северу от Бабушкиного хутора на восточном берегу Чашкинского озера. Памятник находится на низком (1-2 м) песчаном берегу (частично разрушенная Камским водохранилищем пойменная грива) (рис. 1).

Памятник был открыт в 1977 г. А.Ф. Мельничуком. В ходе осмотра территории стоянки тем же автором в 1978 г., на памятнике были выявлены следы трёх углубленных жилищ, два из которых были соединены переходом [Крыласова и др., 2014, с. 73]. В 2021-22 гг. Е.Л. Лычагиной были проведены раскопки двух соединенных друг с другом жилищ. В результате этих раскопок как в пределах построек, так и вне их, было выявлено значительное количество шлифованных изделий – 86 предметов (рис. 2-3) и продуктов, сопутствующих их изготовлению (рис. 4-5).

Материалы и методы

Процесс изготовления шлифованных орудий труда состоит из нескольких этапов: отбор сырья, придание изделию нужной формы путем двусторонней обработки, окончательное оформление орудия с помощью техники шлифования (абразивная обработка).

Первый этап – отбор сырья

Для создания шлифованных орудий, как правило, подбирались мягкие породы камня, которые легко поддаются шлифованию. На стоянке Чашкинское Озеро II более половины орудий было изготовлено из различных видов сланца (в первую очередь хлоритового). Также встречаются изделия из долерита, габбро, серпентинита, песчаника и алеврита.

В середине прошлого века, Н.П. Старковым был проведен петрографический анализ каменного сырья со стоянки Хуторская, расположенной на южной оконечности Чашкинского озера, в 1 км от стоянки Чашкинское Озеро II [Старков, 1960, с. 72-79]. Помимо кремня, в коллекции памятника были выделены глинисто-кремнистые сланцы, песчаники, алевриты, габбро, долериты. По мнению автора, глинисто-кремнистые сланцы встречаются в верхнепермских отложениях в виде галек конгломератов казанского и татарского ярусов, долериты и габбро могут быть связаны происхождением с левобережьем р. Вишера, песчаники и кварцитопесчаники также могут происходить из бассейна р. Вишеры [Старков 1960, с. 78-79]. Что касается серпентинита, то его происхождение, скорее всего, связано с Мойвинским массивом, расположенным на р. Вишера [Иванов, 1990, с. 208-213]. Таким образом, все сырьё, которое использовалось для изготовления шлифованных орудий, имеет местное происхождение и могло приноситься в район стоянки водами рр. Вишеры и Камы

(особенно в период интенсивного паводка) в виде галек и валунов. Это косвенно свидетельствует о том, что изготовление шлифованных орудий могло происходить непосредственно на стоянке.

Другим свидетельством является обнаруженное в 2022 г. скопление кусков хлоритового сланца различной формы и размеров, находившееся вне пределов жилища, но в непосредственной близости от него. Скопление фиксировалось с уровня -0,1 м от современной поверхности и продолжалось до -0,5 м – уровня достижения материкового слоя. Всего в этом скоплении был зафиксирован 71 крупный фрагмент хлоритового сланца (рис. 4). По всей видимости, данное сырьё специально приносилось на стоянку для его последующей обработки и в этом месте находился своеобразный «склад».

Второй этап – первичная обработка

Отобранная для изготовления орудия отдельность сырья могла обрабатываться различными способами. Об этих способах, как правило, свидетельствует форма поперечного сечения орудия. Основной формой сечения шлифованных орудий на стоянке Чашкинское Озеро II была линзовидная (рис. 2-3). Из этого мы можем предположить, что для памятника характерно двустороннее (бифасиальное) расщепление. Заготовки имели две поверхности расщепления, которые соединялись друг с другом через острое ребро, проходящее по периметру будущего орудия. Снятие сколов происходило попеременно с обеих поверхностей расщепления по направлению от краев к центру [Тарасов, 2006, с. 82-85]. Следы применения бифасиальной обработки можно отметить на ряде орудий, поверхность которых не была полностью зашлифована (рис. 3: 1, 9).

О том, что такая технология была освоена местными мастерами, говорит ее широкое использование при изготовлении наконечников стрел и ножей [Лычагина, 2022, с. 69]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что опытные мастера применяли сходные способы при обработке различных видов каменного сырья. Такая технология расщепления могла рассматриваться как универсальная.

Свидетельством того, что расщепление происходило непосредственно на территории стоянки, являются многочисленные мелкие отщепы и чешуйки из мягких пород камня без следов дальнейшей обработки. То есть, эти отщепы скалывались не для того чтобы из них изготовить орудие, а для того чтобы придать самой заготовке форму будущего орудия. В этом случае отдельность сырья выступала в качестве основы будущего орудия, а не нуклеуса для скалывания подходящих заготовок.

Третий этап – окончательная отделка (абразивная обработка)

Абразивная обработка могла осуществляться в два этапа. На первом происходило общее стачивание рёбер, углов, неровностей, образовавшихся в ходе первичного расщепления. Для этого использовались крупные шлифовальные плиты из песчаника различной зернистости и близких пород. При этом саму заготовку мастер держал в руках и водил ей по шлифовальной плите, которая время от времени могла поливаться водой для усиления абразивных свойств. Такие плиты в большом количестве встречаются на территории стоянки как в пределах жилища, так и вне его.

Второй этап был связан с более тщательной отделкой лезвий и других значимых частей орудия (соединение граней, обушок). При этом в руке мастера находилась не заготовка, а оселок – небольшой брусок из зернистой породы (песчаника), который было удобно держать в руке, а будущее орудие прочно закреплялось при помощи приспособления типа «щебилки». Примеры таких оселков также в большом количестве встречены на стоянке Чашкинское Озеро II (рис. 5). Они способствовали более тщательной отделке будущего орудия, вплоть до полировки.

Однако стоит признать, что часто тщательной обработке подвергалось только лезвие орудия, в то время как остальная поверхность могла сохранять следы изначальной бифасиальной обработки, о чем уже упоминалось выше.

Заключение

Таким образом, на стоянке Чашкинское Озеро II зафиксированы все этапы изготовления шлифованных орудий – от принесения и складирования отдельностей подходящего сырья до готовых изделий.

Техника шлифования, в основном, применялась при изготовлении орудий для обработки дерева – топоров, тёсел, стамесок. В редких случаях она использовалась для создания наконечников и ножей. Помимо изготовления орудий труда, шлифование также применялось при окончательной отделке украшений из серпентинита и сланца – подвесок и нашивок [Лычагина, Смертина, 2021, с. 41-49].

Наличие значительной коллекции шлифованных орудий на стоянке Чашкинское Озеро II, стандартизация некоторых форм орудий (стамески), свидетельствуют о широком распространении данной техники в эпоху энеолита, а также о высоком уровне мастерства местного населения и глубоких знаниях особенностей различных пород камня.

Библиографический список

1. *Иванов О.К.* Расслоенные хромитаносные ультрамафиты Урала. М.: Наука, 1990. - 242, [1] с., [12] л. ил.
2. *Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Белавин А.М., Скорнякова С.В.* Археологические памятники Чашкинского озера. Пермь: Изд-во ПГГПУ. 2014. 565 с.
3. *Лычагина Е.Л.* Каменный инвентарь памятников гаринской культуры бассейна Верхней Камы (Чашкинский микрорегион) // XXII Уральское археологическое совещание. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Тамилы Михайловны. Курган: КГУ, 2022. С. 69-71.
4. *Лычагина Е.Л., Смертина А.Ю.* Каменные украшения с памятника гаринской культуры Чашкинское озеро II // Уфимский археологический вестник, 2022. С. 41-49.
5. *Старков Н.П.* Петрографическая характеристика каменных орудий Хуторской стоянки. Ученые записки. Т. XII, Вып. I. Труды Камской археологической экспедиции. Вып. III. Пермь: Пермское книжное издательство, 1960. С. 72-79.
6. *Тарасов А.Ю.* Нуклеусы и бифасы: Некоторые особенности первичной обработки кремнённых пород и кварца на поселениях Карелии (неолит – ранний железный век) // Тверской археологический сборник. 2006. Вып. 6. С. 74-86.

Сведения об авторах

Лычагина Евгения Леонидовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии Пермского государственного научно-исследовательского университета, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Российская Федерация). Пермский край, г. Пермь, ул. Химградская, д. 3, кв. 25. Индекс: 614042. Email: lychaginae@mail.ru, тел: +7 (919)4579738.

Брюхова Наталья Геннадьевна, научный сотрудник Отдела истории, археологии и этнографии ПФИЦ УрО РАН Адрес: Пермский федеральный научный центр УрО РАН, Пермь (Россия) 614990, г. Пермь, ул. Ленина, 13а, каб. № 104 E-mail: nat-bryukhova@yandex.ru

Lychagina Evgenia Leonidovna, doctor of historical sciences, professor of the chair of History and Archeology, Perm State University, professor of the chair of Domestic and World History, Archeology, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation). Himgrad St, 3-25 Perm, RUSSIA. Zip/Postal: 614042. Email: lychaginae@mail.ru, tel: +7 (919)457 9738.

Bryukhova Natalya Gennadyevna, research associate Department of History, Archaeology and Ethnography PFRC UB RAS Address: Perm Federal Research Center, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm (Russia) 614900, Perm, Ul. Lenina 13a, Room 104, Russian Federation E-mail: nat-bryukhova@yandex.ru

Рис. 1. Месторасположение стоянки Чашкинское Озеро II в пределах Чашкинского микрорегиона

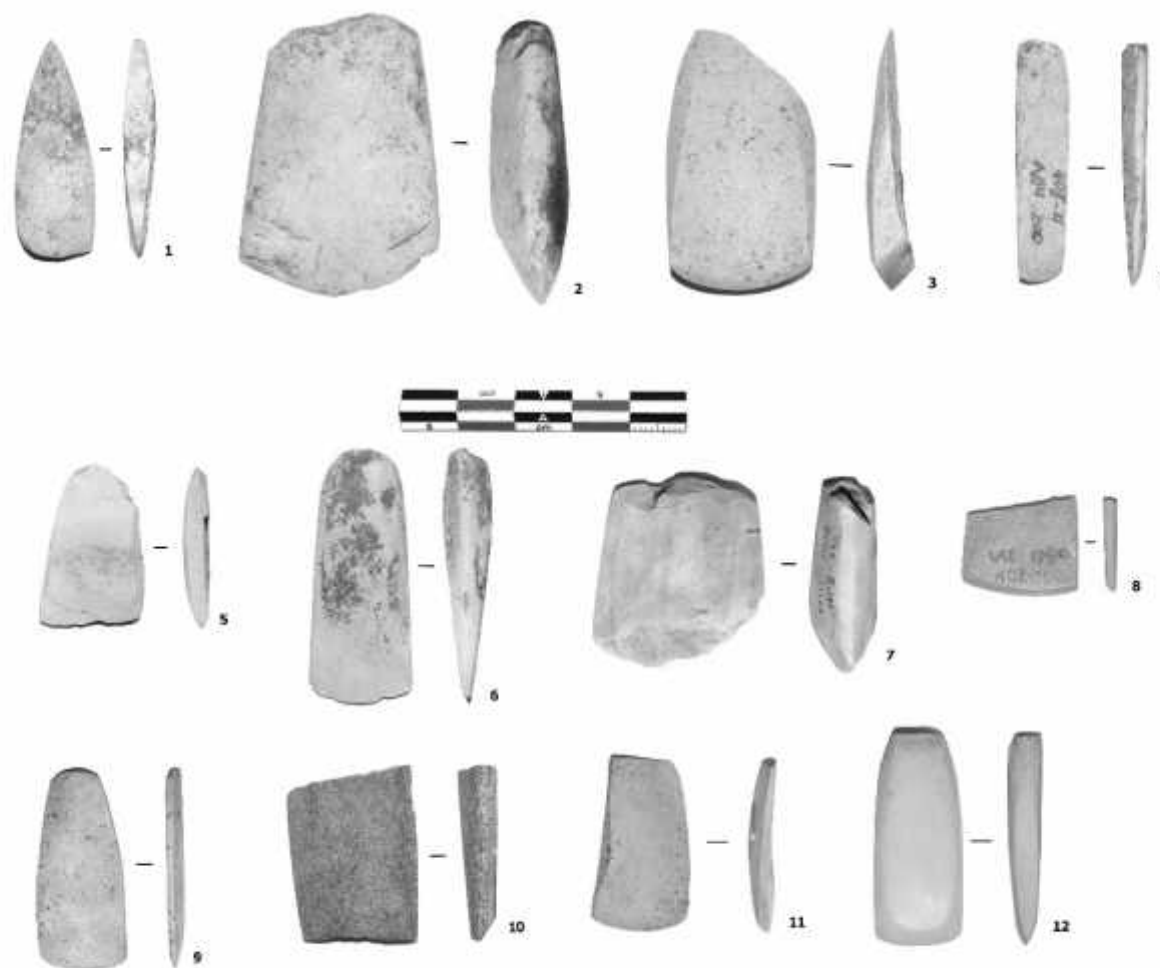

Рис. 2. Шлифованные орудия. Раскопки 2021 г.

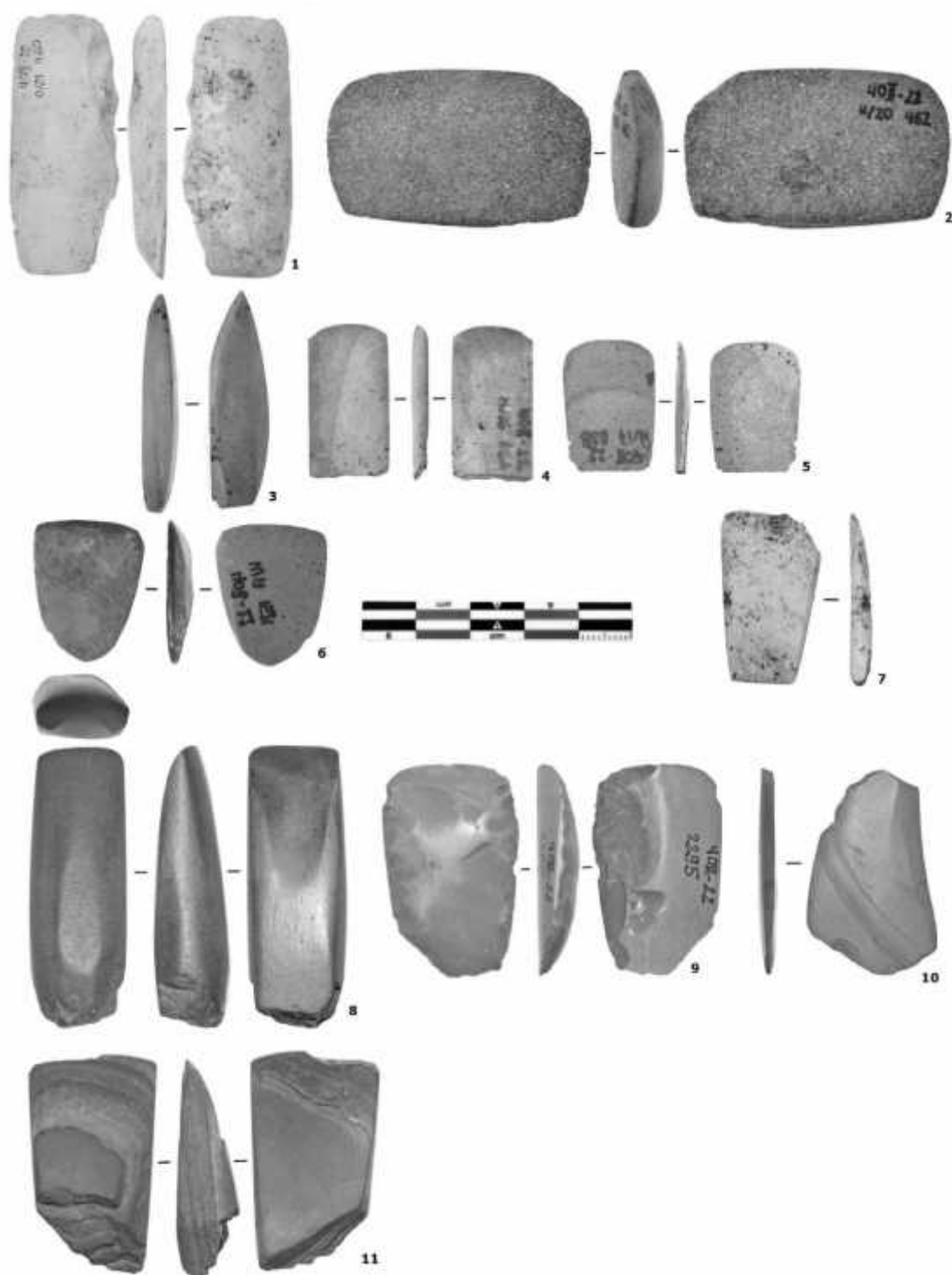

Рис. 3. Шлифованные орудия. Раскопки 2022 г.

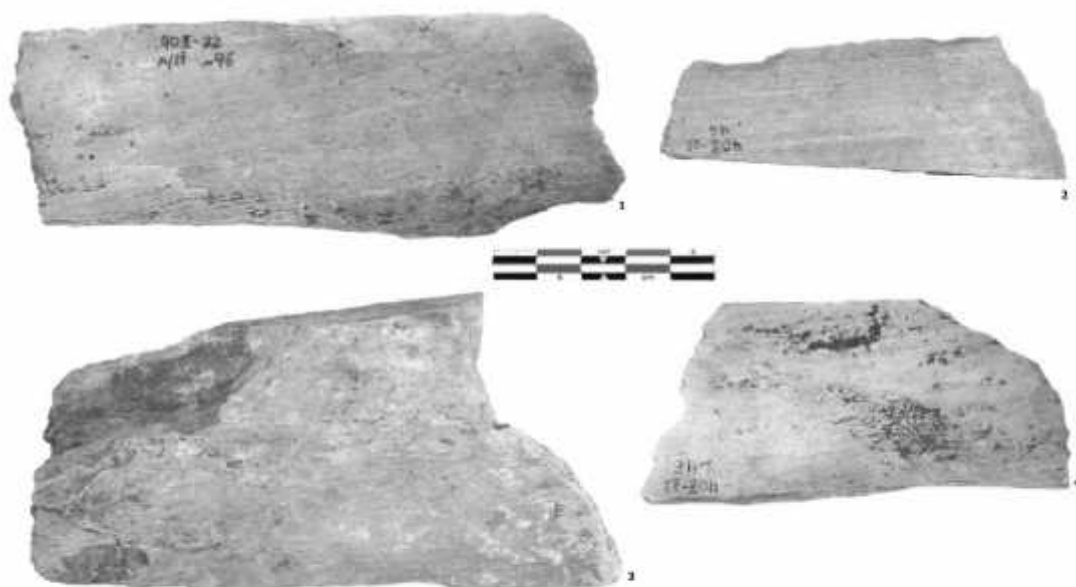

Рис. 4. Отдельности сырья – хлоритового сланца, выявленные на стоянке Чашкинское Озеро II.

Рис. 5. Оселки. Стоянка Чашкинское Озеро II.

УДК 902

DOI: 10.24412/2658-7637-2022-21-42 -47

А.Ю. Смертина,^{1,2} Е.Л. Лычагина^{1,2}**КАМЕННЫЕ УКРАШЕНИЯ С ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ БАССЕЙНА
СРЕДНЕЙ КАМЫ****(по материалам поселения Бор I и стоянки Забойная II)**¹Пермский Государственный Национальный Исследовательский Университет, Пермь,
Российская Федерация²Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация

Статья посвящена введению в научный оборот украшений из серпентинита с памятников Бор I, поселение (раскопки О.Н. Бадера 1950-51 гг.) и Забойная II, стоянка (раскопки 1959 г.). Памятники относятся к гаринской энеолитической культуре. В работе представлено 6 предметов с поселения Бор I и 2 украшения со стоянки Забойная II. Все изделия относятся к подвескам. Они имели овальную, каплевидную, ромбовидную или подпрямоугольную форму, одно сквозное отверстие, просверленное с одной или двух сторон, диаметром 2-4 мм. Размеры подвесок варьировались в пределах от 16 до 45 мм, толщина от 2 до 9 мм. Месторождение сырья для создания украшений – Сарановский и Мойвинский массив, расположенные на востоке и севере Пермского края. Аналогии данным украшениям можно найти на энеолитических памятниках Верхнего и Среднего Прикамья. Подобные изделия описаны также на территории Среднего Зауралья, Западной Сибири, Южного Урала и устья р. Камы. Украшения как важное свидетельство развития духовной культуры в энеолите, требуют дальнейшего осмысления, а также проведения петрографического и трасологического анализов.

Ключевые слова: энеолит, гаринская культура, украшения, подвески, серпентинит, Средняя Кама.

A.Yu. Smertina,^{1,2} E.L. Lychagina^{1,2}**JEWELLERY MADE OF PRECIOUS STONES FROM THE CHALCHOLITHIC
SITE OF THE MIDDLE KAMA****(based on the materials of the settlement of Bor I and the site of the Zaboynaya II)**¹Perm State University, Perm, Russian Federation²Perm State Humanitarian Pedagogical University,
Perm, Russian Federation

The publication presents the results of analysis of serpentinite jewellery from the sites of Bor I (excavations of O.N. Bader 1950-51) and Zaboynaya II (excavations of 1959). The sites belong to the Garin Eneolithic culture. The work presents 6 items from the settlement of Bor I and 2 jewellery from the site of Zaboynaya II. All items belong to pendants. They had an oval, teardrop shaped, diamond shaped or sub-rectangular shaped, one through hole drilled from one or two sides, with a diameter from 2 to 4 mm. The sizes of the pendants ranged from 16 to 45 mm, thickness from 2 to 9 mm. The deposit of raw materials for the creation of jewellery is the Saranovsky and Moivinsky massif, located in the east and north of the Perm Region. Analogies to these pendants can be found on the Eneolithic monuments of the Upper and Middle Kama region. Similar products are also described on the territory of the Middle Trans-Urals, Western

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-49-590002 р_а_Пермский край «Комплексные исследования постнеолитических и энеолитических культур на территории Среднего Предуралья, Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

*Выражаем благодарность Е.М. Томилиной - ст. преподавателю кафедры минералогии и петрографии ПГНИУ, за консультацию при описании типа сырья изделий и его месторождения.

Siberia, the Southern Urals and the mouth of the Kama. Jewelry, as an important evidence of the development of spiritual culture in the Eneolithic, requires further reflection, as well as petrographic and tracological analyses.

Keywords: *Chalcolithic period, Garin culture, jewellery, pendants, serpentinite, Middle Kama.*

Введение

Энеолит является переходной эпохой, для которой характерно использование каменных орудий труда, наряду с медными, изготовленными ковкой или плавкой [Лычагина, 2013, с. 77]. При выделении энеолитического периода в лесной полосе, в качестве одного из критериев, исследователи отмечают распространение предметов неутилитарного назначения, изготовленных из камня, кости, металла [Смертина, 2022, с. 25]. Именно к таким предметам относятся каменные подвески и нашивки, встречающиеся на энеолитических памятниках Среднего Прикамья.

Среднее Прикамье простирается от г. Усолье на севере (верхний бьеф Камского водохранилища) до устья р. Сивы на юге. Активные археологические исследования в этом районе проходили в конце 1940-ых – 1950-ые гг., в связи с проектом строительства сначала Камской, а затем Воткинской ГЭС. В этот период было открыто и изучено раскопками более 20 памятников энеолитического периода [Бадер О.Н., 1961]. Однако, предметам неутилитарного назначения внимания практически не уделялось.

Целью данной статьи является подробное описание и введение в научный оборот украшений, хранящихся в кабинете археологии ПГНИУ, с памятников – Бор I, поселение и Забойная II, стоянка, расположенных в бассейне Средней Камы.

Характеристика памятников

Поселение Бор I располагалось в 0,15 км к югу от д. Верхние Гари, вдоль края боровой террасы, которая на 4-5 м возвышалась над поймой р. Чусовой до затопления Камским водохранилищем. В настоящее время эта территория относится к Добрянскому городскому округу Пермского края.

Памятник был открыт Н.А. Прокошевым в 1934 г. В 1935 г. М.В. Талицкий заложил три шурфа в границах поселения [Лычагина, 2011, с. 149]. В 1947-1948 гг. поселение было обследовано О.Н. Бадером, который подтвердил наличие здесь полуземлянки с очагом посередине жилища и датировал памятник бронзовым веком (среди находок был обнаружен медный нож). Крупномасштабные раскопки поселения проходили в 1950-51 гг. Территория памятника уничтожена водами Камского водохранилища.

Всего на памятнике было вскрыто 3559 м² и изучено 23 жилища гаринской культуры эпохи энеолита, которая современными исследователями датируется концом IV – началом II тыс. до н.э. [Выборнов и др., 2019, с. 34-47]. В основном они представлены полуземлянками со столбовой конструкцией. Керамика относится к двум комплексам: сосуды с примесью песка в глине, хорошо сглаженные и имеющие форму закрытого полуяйца (неолитический комплекс); сосуды с растительными примесями, полуяйцевидной формы, сглаженные зубчатым орудием (энеолитический комплекс, относящийся к гаринской культуре). Орнамент состоит из «шагающей гребенки» и наклонно поставленных зубчатых отпечатков. Каменные орудия представлены кремневыми изделиями, в числе которых ножи, скребки, наконечники стрел, проколки, а также шлифованные орудия (топоры, тесла, долота). Среди медных предметов были обнаружены медный нож и острие-шило. В публикации по итогам раскопок памятника имеется упоминание о 9 шлифованных сланцевых подвесках, имеющих одно сверленное отверстие [Бадер О.Н., 1961, с. 22-66]. В ходе осмотра коллекций памятника, хранящихся в кабинете археологии ПГНИУ, было обнаружено 6 подвесок.

Стоянка Забойная II расположена на боровой террасе левого берега Камы, на правом берегу р. Забойной, в 0,2 км от ее устья, близ поселка Забойная, в 2 км южнее пристани Юго-Камск. В настоящее время эта территория относится к Пермскому муниципальному району Пермского края.

Памятник был выявлен Н.О. Бадером в 1956 г. На территории памятника было выделено две впадины и заложено два шурфа. Материальная культура представлена несколькими отщепами, ножевидными пластинами и фрагментами пористой керамики плохой сохранности [Бадер Н.О., 1960, с. 117]. Раскопки стоянки проходили в 1959 г. Территория памятника частично разрушена водами Воткинского водохранилища. В ходе осмотра коллекций памятника, хранящихся в кабинете археологии ПГНИУ, было обнаружено 2 подвески.

Описание материалов

Всего, нами было изучено 8 украшений: 6 – с поселения Бор I и 2 предмета со стоянки Забойная II.

Бор I, поселение (раскопки О.Н. Бадера 1950-1951 гг.)

1. Подвеска (№24428, рис. 1:1) – изделие изготовлено из бежевого серицит-серпентинитового сланца. Поверхность местами неровная, но заполированная. Форма каплевидная. Размер: 45 x 34 x 7 мм. Подвеска имеет одно отверстие, диаметром 4 мм, которое сверлилось с 2 сторон. Украшение целое.

2. Подвеска (№19053 рис. 1:2) – изделие изготовлено из бежевого серицит-серпентинитового сланца. Поверхность местами неровная, но полностью заполированная. Форма ромбовидная. Размер: 36 x 26 x 6 мм. Подвеска имеет одно отверстие, диаметром 4 мм, которое сверлилось с 1 стороны. Украшение целое.

3. Подвеска (№225/82 рис. 1:3) – изделие изготовлено из бежевого серпентинитового сланца. Поверхность полностью заполированная. Форма овальная. Размер: 22 x 13 x 2 мм. Подвеска имеет одно отверстие, диаметром 3 мм, которое сверлилось с 2 сторон. Украшение целое.

4. Подвеска (№225/31630 рис. 1:4) – изделие изготовлено из коричневого серпентинитового сланца. Поверхность полностью заполированная. Форма овальная. Размер: 22 x 12 x 3 мм. Подвеска имеет одно отверстие, диаметром 2 мм, которое сверлилось с 1 стороны. Украшение обломано на месте отверстия.

5. Подвеска (№391/8341 рис. 1:5) – изделие изготовлено из бело-коричневого серпентинитового сланца. Белый цвет объясняется появлением на поверхности изделия талька. Поверхность частично заполированная. Форма овальная. Размер: 16 x 12 x 5 мм. Подвеска имеет одно отверстие, диаметром 3 мм, которое сверлилось с 1 стороны. Украшение обломано на уровне отверстия.

6. Подвеска (№225/38676 рис. 1:6) – изделие изготовлено из серо-коричневого серпентинитового сланца. Поверхность хорошо заполированная. Форма подовальная. Размер: 42 x 20 x 9 мм. Подвеска имеет одно отверстие, диаметром 3 мм, которое сверлилось с 1 стороны. Украшение целое.

Забойная II, стоянка (раскопки 1959 г.)

7. Подвеска (№584/8736 рис. 1:7) – изделие изготовлено из серо-коричневого серпентинитового сланца. Поверхность хорошо заполированная. Форма подпрямоугольная. Размер: 31 x 17 x 4 мм. Подвеска имеет одно отверстие, диаметром 4 мм, которое сверлилось с 2 сторон. Украшение обломано в нижней части.

8. Подвеска (№584/8636 рис. 1:8) – изделие изготовлено из серо-коричневого серпентинитового сланца. Поверхность хорошо заполированная. Форма каплевидная. Размер: 17 x 13 x 4 мм. Подвеска имеет одно отверстие, диаметром 2 мм, которое сверлилось с 2 сторон. Украшение целое.

Обсуждение результатов

Все описанные предметы выполнены из серпентинитового сланца. Месторождение данного материала известно в бассейне р. Чусовой в Сарановском массиве, а также на р. Вишере в Мойвинском массиве, возможно, именно оттуда приносилось сырье [Иванов, 1990, с. 208-213]. Форма изделий овальная (4 экз.), каплевидная (2 экз.), ромбовидная (1 экз.), подпрямоугольная (1 экз.). Некоторые из украшений представлены фрагментарно, имеется слом около отверстия. Размер предметов представлен в диапазоне от 16 до 45 мм, с

толщиной от 2 до 9 мм. Встречаются экземпляры с отверстием, просверленным как с одной, так и с двух сторон.

При поиске аналогий, в первую очередь стоит обратить внимание на украшения (подвески и нашивки), стоянки Чашкинское Озеро II, расположенной на границе Верхнего и Среднего Прикамья. Здесь присутствует довольно представительная коллекция из 16 предметов, которые частично опубликованы [Лычагина, Смертина, 2022, с. 41-49]. Украшения с памятников Бор I и Забойная II являются более плотными, чем на стоянке Чашкинское озеро II, ввиду примеси полевого шпата в структуре серпентинита, поэтому их сохранность выше. Их средние размеры также больше, чем у украшений со стоянки Чашкинское Озеро II. К тому же, на стоянке Чашкинское Озеро II широко представлена такая категория украшений как нашивки. Цвет изделий также отличается. Если на стоянке Чашкинское Озеро II доминируют оттенки зеленого (хлоритового), то для описанных в данной статье изделий характерны бежевый и коричневые цвета. По всей видимости, это связано с различием в источниках (месторождениях) сырья, которое использовалось для изготовления украшений.

Аналогии данным украшениям можно найти на других энеолитических памятниках Среднего Прикамья – Бор IV, Бор V, Боровое Озеро VI, Красное Плотбище, Тюремка III, Бойцовская II, Забойная I, Кама-Жулановская II, Камский Бор II [Лычагина, Смертина, 2021, с. 41-49]. Здесь также преобладают подвески довольно крупных форм. Украшения с этих памятников еще не становились объектами отдельного изучения и нуждаются в подробном описании.

Подобные находки известны на территории Южного Урала на поселении Кара-Якуповское, в погребении поселения Березки V. Основной материал – серпентинит зеленоватых оттенков, наиболее распространенная форма – каплевидная, реже округлая. В погребении из Усть-Катавской II пещеры были выявлены каплевидные подвески из серого сланца [Серигов, 2014, с. 131-132].

На территории Среднего Зауралья и Западной Сибири преобладают украшения красноватого цвета из пироксилитового сланца, каплевидной и зубчатой формы. Они были встречены на стоянках Шайтанское озеро I, Аятское озеро, на Усть-Вагильском холме, в погребениях могильника Бузан [Серигов, 2014, с. 131-132].

Каменные подвески известны в энеолитических могильниках, расположенных в устье р. Камы – Тенишевском и Мурзихинском II. Они представлены серпентинитовыми украшениями со сланцевой и массивной текстурой, круглой и каплевидной формы [Голубева, Чижевский, 2020, с.76-88; Голубева, Галимова, Бахматова, 2022, 107-119]. Украшения с усть-камских имеют много общего с предметами, изученными на стоянке Чашкинское Озеро II, в то время как рассмотренные в этой статье подвески отличаются от них по материалу и средним размерам (они более массивные).

Заключение

Предметы неутилитарного назначения являются важным свидетельством развития духовной культуры в эпоху энеолита. Среди них достаточно распространены каменные украшения (подвески и нашивки).

На всех рассмотренных памятниках Южного Урала, Среднего Зауралья, Западной Сибири, бассейна Камы распространены каменные подвески, преимущественно изготовленные из серпентинита разных оттенков. В основном встречаются каплевидная, овальная и округлая формы изделий. Все украшения обработаны способом шлифовки и имеют отверстия, полученные в результате сверления с одной или двух сторон (в зависимости от толщины заготовки). Вероятно, цвет и текстура изделий связаны с особенностями месторождений сырья в регионах. В связи с тем, что рассматриваемые украшения найдены на поселениях, а не в погребальных комплексах, сложно судить об их назначении в составе костюма.

На соседних с Прикамьем территориях украшения широко изучены, в то время как в местных материалах данная категория находок также фигурирует, но в научной литературе

описана лишь в общих чертах. В дальнейшем важно произвести обработку энеолитических украшений Прикамья, чтобы выявить особенности сырьевой базы, технологические приемы изготовления и семантику предметов.

Библиографический список

1. Бадер Н.О. Памятники эпохи бронзы на Каме между Чусовой и Белой // Ученые записки. Том XII, вып.1: Труды Камской археологической экспедиции. Вып. III. - Пермь, 1960. – С. 111-131
2. Бадер О.Н. Поселения Турбинского типа в Среднем Прикамье. М.-Л.: 1961. – 198 с.
3. Выборнов А.А., Лычагина Е.Л., Васильева И.Н., Мельничук А.Ф., Кулькова М.А. Новые данные о периодизации и хронологии новоильинских, гаринских и борских памятников Прикамья // Вестник Пермского университета. 2019. Серия «История» № 1. С. 34-47.
4. Голубева Е.Н., Галимова М.Ш., Бахматова В.Н. Экспериментально-трассологическое исследование каменных подвесок из энеолитических погребений в устье Камы // Поволжская археология. 2022. №3 (41). – С. 107-119.
5. Голубева Е.Н., Чижевский А.А. Сланцевые подвески из энеолитических погребений Мурзининского II могильника: морфолого-функциональный анализ (предварительные данные) // Археология евразийских степей. 2020. №5. – С. 76-88.
6. Иванов О.К. Расслоенные хромитаносные ультрамафиты Урала. М.: Наука, 1990. - 242, [1] с., [12] л. ил.
7. Лычагина Е.Л. Деятельность Камской экспедиции ГАИМК на территории Пермского края // Российская Археология. 2011. №4. – С. 147–152.
8. Лычагина Е.Л. Каменный и бронзовый век Предуралья. Пермь: Изд-во ПГГПУ. 2013. – 120 с.
9. Лычагина Е.Л., Смертина А.Ю. Каменные украшения с памятника гаринской культуры Чашкинское озеро II // Уфимский археологический вестник, 2022. – С. 41-49.
10. Сериков Ю.Б. Очерки по первобытному искусству Урала / Ю. Б. Сериков; Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. – Нижний Тагил, 2014. – 268 с: ил.
11. Смертина А.Ю. Основные признаки перехода к энеолиту на территории лесного Предуралья // Studia historica juvenum. № 1 (18) / 2022: научный журнал / ред. коллегия: А.М. Белавин, Д.В. Шмуратко, А.Н. Сарапулов, Н.С. Батуева (отв. ред. вып.); Перм. гос. гуманитар.- пед. ун-т. – Пермь, 2022. – С. 20-25.

Сведения об авторах

Смертина Анастасия Юрьевна, магистрант историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ), ассистент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (ПГГПУ), E-mail: nnazarowa@mail.ru, тел.: 8-963-87-91-289.

Лычагина Евгения Леонидовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии Пермского государственного научно-исследовательского университета, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Российская Федерация). Пермский край, г. Пермь, ул. Химградская, д. 3, кв. 25. Индекс: 614042. Email: lychaginae@mail.ru , Тел: +7 (919)4579738.

Smertina Anastasia Yurevna, Master of Faculty of History and Political Science, Perm State University (PSU), assistant of the chair of Domestic and World History, Archeology, Perm State

Humanitarian Pedagogical University (PSHPU), Perm, Russian Federation, E-mail: nnazarowa@mail.ru, Tel.: 8-963-87-91-289.

Lychagina Evgenia Leonidovna, doctor of historical sciences, professor of the chair of History and Archeology, Perm State University, professor of the chair of Domestic and World History, Archeology, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation). Himgrad St, 3-25 Perm, RUSSIA. Zip/Postal: 614042. Email: lychaginae@mail.ru, tel: +7 (919)457 9738.

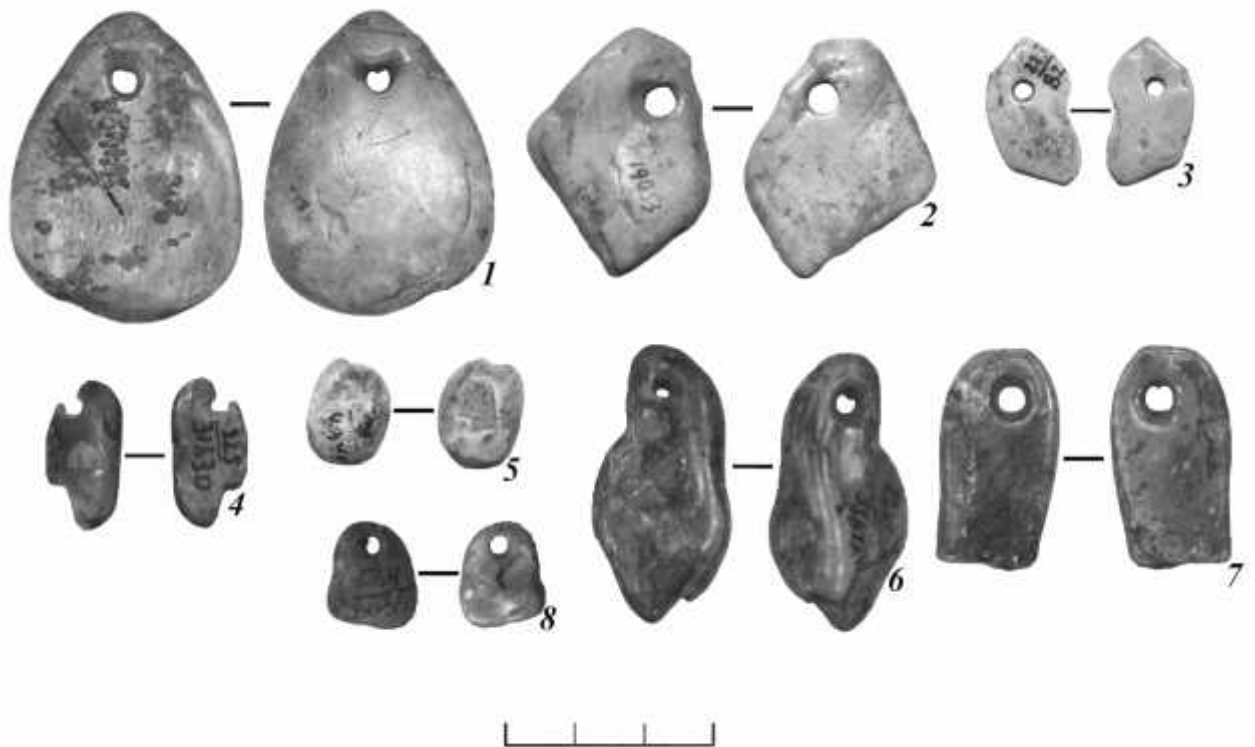

Рис. 1 Каменные украшения с памятников Бор I, поселение (1-6) и Забойная II, стоянка (7-8)

УДК 902.01

DOI: 10.24412/2658-7637-2022-21-48 -68

А.В. Данич¹**СРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ - СРЕЗНИ С ТЕРРИТОРИИ
ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ**

¹Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация

Наконечники стрел – самая массовая и самая разнообразная категория находок вооружения на территории Пермского Предуралья. Каждый год раскопки памятников дают новые материалы по дистанционному оружию, включая ранее неизвестные типы наконечников стрел. Целью публикации является характеристика и систематизация одного вида железных наконечников стрел - срезней. Само их название говорит о том, что эти наконечники не были предназначены для прокалывания брони. Их широкая режущая кромка имела большую поражающую способность как для животного, так и для незащищенного доспехами воина. Глубокие резанные раны, которые срезень мог нанести жертве, приводили к серьезным кровотечениям.

Ключевые слова: наконечники стрел, срезень, Пермское Предуралье, стрела, вооружение.

A.V. Danich¹**MEDIEVAL ARROWHEADS ARE CUTTINGS FROM THE TERRITORY OF THE
PERMIAN URALS**

¹Perm State University of Humanities and Pedagogy, Perm, Russian Federation

Arrowheads are the most widespread and most diverse category of weapons finds in the Permian Urals. Every year, excavations of monuments provide new materials on remote weapons, including previously unknown types of arrowheads. The purpose of the publication is to characterize and systematize one type of iron arrowheads – slices. Their very name suggests that these tips were not designed to pierce armor. Their wide cutting edge had a great striking ability for both an animal and an unprotected warrior. The deep incised wounds that the slice could inflict on the victim led to serious bleeding.

Keywords: arrowheads, cross-section, Permian Urals, arrow, armament.

Введение

Военное дело является одним из основных элементов культуры древних народов. В связи с этим изучение военного дела – важная задача исторической науки в целом, а археологии в частности.

Эпоха средневековья — это также период возникновения, развития и расцвета многих образцов холодного оружия, бытовавшего затем до этнографической современности у народов Евразии.

Изучение вооружения дает много сведений для исследования уровня производства оружия той эпохи, связей, направления торговли, а также позволяет познакомиться с социальной расслоенностью народов, населявших исследуемую территорию. Именно при изготовлении оружия и военного снаряжения в первую очередь использовались новейшие технические достижения, влиявшие на развитие военного дела в целом.

Актуальность данной темы состоит в том, что данный тип наконечников Пермского Предуралья в целом никогда не рассматривался. Затрагивались лишь наконечники стрел различных форм найденные на конкретном памятнике. Данная статья продолжает публикацию наконечников стрел Пермского Предуралья, начатую в 2011 г. публикацией бронебойных наконечников стрел [Данич, 2011].

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

Источниковой базой для статьи послужили материалы из музеев городов Чердыни, Соликамска, Березников, Кудымкара, Перми, Чёрмоза посёлков Майкор, Пожва, Ильинское, коллекции из раскопок ПГГПУ и ПГНИУ.

Основная часть

Вся масса наконечников Пермского Предуралья была описана в виде кода, где каждая цифра кода отвечает за определённые характеристики. *Первая* (материал изготовления) – 1 – железный, 2 – костяной; *вторая* (способ насада на древко) – 1 – черешковый, 2 – втульчатый; *третья* (форма пера) – 1 – бронебойный, 2 – срезень, 3 – трёхлопастной, 4 – листовидный, 5 – круглый, 6 – двурогий; *четвёртая* (порядковый номер типа) – 1, 2, 3...; *пятая* (сечение пера) – 1 – круг, 2 – овал, 3 – квадрат, 4 – ромб, 5 – ромб с вогнутыми краями, 6 – плоский, 7 – три луча, 8 – треугольник; *шестая* (сечение черешка) – 1 – круг, 2 – овал, 3 – квадрат, 4 – ромб, 5 – ромб с вогнутыми краями, 6 – плоский, 7 – четыре луча, 8 – треугольник; *седьмая* (наличие упора при переходе от пера к черешку) – 1 – без упора, 2 – утолщение, 3 – узелок, 4 – упор, 5 – втулка.

При проведении типологического членения я старался, где возможно, уйти от излишней дробности, а выделить основные блоки. Тем более, как указывает А.И. Соловьёв, в устной традиции (например, селькупской), в лесной полосе Западной Сибири при функциональной идентификации наконечника знаковое значение (наличие или отсутствие) имели лишь наиболее принципиальные конструктивные элементы рабочей части, определяющие особенности формы пера (развилчатость, долотовидность, гранёность, шипастость, общая ромбовидность), морфологическая же вариабельность при этом могла быть велика [Соловьёв, 1987, с. 35]. Скорее всего традиции Прикамья не сильно отличались от традиций Западной Сибири.

Наконечники стрел являлись, по существу, предметами одноразового применения. Их функциональное назначение в большинстве случаев не требовало сложных технологических схем или высококачественного сырья (стали). Основная их масса отковывалась свободной ручной ковкой из кричного железа без дополнительного улучшения качества поковки.

Эволюция наконечников стрел проходила путём отбора оптимальных форм для поражения живой силы противника и была направлена на повышение эффективности дистанционного боя.

Всего с территории Верхнего Прикамья эпохи средневековья мне удалось обработать 1684 железных и костяных наконечников стрел. В силу плохой сохранности материала в обработку попало 1656 экземпляров.

В комплексе наконечников стрел преобладают железные изделия – 1266 экземпляров (76,45% всех наконечников), костяные составляют 418 экземпляров (25,25%). Железные наконечники представлены 108 типами, костяные – 23 типами.

В составе железных наконечников черешковые экземпляры преобладают над втульчатыми 98% и 2% соответственно. По форме пера железные наконечники распределяются следующим образом: бронебойные 14,60 %, срезни 6,24 %, трёхлопастные 1,58 %, листовидные 77,41 %, круглые 0,17 %. Морфологическое разнообразие наконечников стрел обусловлено различными причинами: собственными культурными традициями, разного рода инокультурными влияниями, уровнем существующей технологии, а также поиском оптимальных форм проникающих.

В данной статье я рассматриваю только один вид наконечников – срезни. Все наконечники данной категории – черешковые. Само их название говорит о том, что эти наконечники не были предназначены для прокалывания брони. Их широкая режущая кромка имела большую поражающую способность для незащищенного доспехами воина или лошади. Глубокие резанные раны, которые срезень мог нанести жертве, приводили к серьезным кровотечениям.

На данный момент с территории Пермского Предуралья известно о 79 таких наконечниках (табл.1).

- 1.1.2.1. Плоские двурогие срезни без упора, выполненные из треугольной пластины с расширением в боевой части и вырезом в виде буквы «V» – 23 экз. (№ 1-23). Длина 33-134 мм, ширина 11-36 мм, толщина пера 2-3 мм, толщина черешка 2 мм. Найдены на Саламатовском городище, Редикарском городище, Плёсинском могильнике в погребении 51, на Кудымкарском городище, селище Запоселье, в выбросе из грабительских ям и погребении 20 на могильнике Запоселье, межмогильном пространстве могильника Огурдино, в Чаньвенской пещере, в погребениях 106, 145, 369 Агафоновского I могильника, Родановом городище, Кыласовом (Анюшкар) городище, Городищенском городище, могильнике Сартаково, Рождественском городище.
Аналогичные наконечники находили в Михайловском могильнике, в Новгороде [Медведев, 1966, с. 71-72]; Вымских могильниках [Савельева, 1987, рис. 13/21, 32].
В Сибири аналогичные наконечники происходят с Искера, Усть-Ишима, Тоянова Городка, Релки, Барсова Городка, Шаманского Мыса, могильников Чистый Яр, Кыштовка-1, 2, Абрамово-10, Садовка-2, Кинтусовский, Тискино, Бедеровский Бор, Туруновка-2, Халас-Погор, Сопка-2, городищ Сопка-1, Ермаково-1, Шаманский Мыс, Мангазея, из под д. Тюпа на Чулыме, Пудагского могильника [Соловьёв, 1987, с. 43].
Период бытования данного типа наконечников VIII-XIX вв.
- 1.1.2.2. Плоские двурогие срезни с упором. Выполнены из треугольной пластины с расширением в боевой части и вырезом в виде буквы «V» и вырезанным черешком с упором в нижней части – 3 экз. (№ 24-26). Длина 82-105 мм, длина пера 41-60 мм, ширина пера 17-28 мм, толщина пера 2 мм, толщина черешка 2 мм. Были найдены на Вакинском селище и в погребении 40 Плёсинского могильника.
В Сибири аналогичные наконечники происходят с Искера, Усть-Ишима, Тоянова Городка, Релки, Барсова Городка, Шаманского Мыса, могильников Чистый Яр, Кыштовка-1, 2, Абрамово-10, Садовка-2, Кинтусовский, Тискино, Бедеровский Бор, Туруновка-2, Халас-Погор, Сопка-2, городищ Сопка-1, Ермаково-1, Шаманский Мыс, Мангазея, из-под д. Тюпа на Чулыме, Пудагского могильника [Соловьёв, 1987, с. 43].
Данный тип является одним из вариантов типа 1.1.2.1. Вероятно с тем же периодом существования – VIII -XIX вв.
- 1.1.2.3. Плоские двурогие срезни без упора выполненные из треугольной пластины с расширением в боевой части и вырезом в виде месяца – 6 экз. (№ 27-32). Три наконечника изготовлены из треугольной пластины и три наконечника имеют вырезы на боковых сторонах для обозначения черешка. Вырезы плавные, без упора для черешка. Длина 65-100 мм, ширина 21-30 мм, толщина пера 2 мм, толщина черешка 2-3 мм.
Найдены в погребениях 33 и 47 Плёсинского могильника, погребениях 344 и 366 Агафоновского I могильника.
В Сибири аналогичные наконечники происходят с Искера, Усть-Ишима, Тоянова Городка, Релки, Барсова Городка, Шаманского Мыса, могильников Чистый Яр, Кыштовка-1, 2, Абрамово-10, Садовка-2, Кинтусовский, Тискино, Бедеровский Бор, Туруновка-2, Халас-Погор, Сопка-2, городищ Сопка-1, Ермаково-1, Шаманский Мыс, Мангазея, из под д. Тюпа на Чулыме, Пудагского могильника [Соловьёв, 1987, с. 43].
Данный тип является одним из вариантов типа 1.1.2.1. Вероятно с тем же периодом существования – VIII -XIX вв.
- 1.1.2.4. Двурогие срезни с вытянутым вильчатым плоским пером, с вырезом в виде равнобедренного треугольника, с узелковым упором или усечённо-конической

шейкой – 8 экз. (№ 33-40). Длина 41-82 мм, длина пера 24-46 мм, ширина пера 15-47 мм, толщина пера 2 мм, диаметр черешка 2-4 мм.

Найдены на Кудымкарском городище, Рождественском городище, Городищенском городище, Родановом городище, погребении 263 Рождественского могильника.

Пропорции 1:1 характерны для IX и X в. найдены в Малышевском могильнике, в погребениях IX-X в Крюково-Кужновского могильника, в погребении X в. в Киеве, в Гнездовских курганах, на городище Екимауцы, в Новгороде в слое X в, в курганах X в. у дер. Вельково, на Миклашевском городище, на Княжей горе [Медведев, 1966, с. 72].

Аналогичные наконечники встречаются на памятниках западного Казахстана [Книсарин, 2002, рис.5/4].

В Сибири аналогичные наконечники происходят с Искера, Усть-Ишима, Тоянова Городка, Релки, Барсова Городка, Шаманского Мыса, могильников Чистый Яр, Кыштовка-1, 2, Абрамово-10, Садовка-2, Кинтусовский, Тискино, Бедеровский Бор, Туруновка-2, Халас-Погор, Сопка-2, городищ Сопка-1, Ермаково-1, Шаманский Мыс, Мангазея, из под д. Тюпа на Чулыме, Пудягского могильника [Соловьёв, 1987, с. 43].

Аналогии известны на Золоторевском поселении в Пензинской области [Белорыбкин, 2001, рис. 77/4, 7]. В Новгороде аналогичные наконечники датируются XII в. [Медведев, 1966, рис. 15/1], в Старой Рязани первой половиной XIII в. [Даркевич, Борисевич 1995, табл. 23/2, с. 167].

Соответствуют типу 60 по А.Ф. Медведеву, датируемый серединой XI-XIV вв.

- 1.1.2.5. Двурогий срезень с плоским пером, с вогнутой режущей частью, с узелковым упором – 1 экз. (№ 41). Длина 50 мм, длина пера 13 мм, ширина пера 29 мм, толщина пера 2 мм, диаметр черешка 2 мм.

Найден на Рождественском городище.

Аналогичные наконечники найдены в Новгороде в слое конца XIII в., в Биляре, в Спасском городце, в курганах XIV в. у ст. Тульской [Медведев, 1966, с.72].

Данные наконечники характерны для XIV в.

- 1.1.2.6. Срезни в виде узкой прямоугольной расширяющейся к острию лопаточки без упора для древка с овальным боевым окончанием – 5 экз. (№ 42-46). Длина 61-110, ширина пера 13-16, толщина пера 2 мм, толщина черешка 2-3 мм.

Найдены на Кудымкарском городище, Искорском городище, Терикановском могильнике, погребении 32 Антыбарского могильника.

Аналогичные наконечники найдены в курганах Михайловского могильника и Тимирёвского могильника, в слоях X-XI вв. Довмонта города Пскова, в кургане X в. у дер. Заозерье, в курганах Южного Приладжья [Медведев, 1966, с. 71].

Эти наконечники характерны для финно-угорских народов Южного Приладжья и Ярославского Поволжья X-XI вв. [Медведев, 1966, с. 71].

Были распространены в VIII-XII вв., но преимущественно в IX-X вв.

- 1.1.2.7. Срезень в виде узкой прямоугольной расширяющейся к острию лопаточки без упора для древка с прямым боевым окончанием – 1 экз. (№ 47). Длина 92, ширина пера 12, толщина пера 2 мм, толщина черешка 2 мм.

Найден на Кудымкарском городище.

Аналогичные наконечники найдены в Стерлитамакском могильнике, на Сарском городище, в погребении 84 Малышевского могильника, Вятских могильниках [Савельева, 1987, рис. 13/22], памятниках западного Казахстана [Книсарин, 2002, рис.4/12].

Данный тип является одним из вариантов типа 1.1.2.6. Вероятно с тем же периодом существования и такими же территориями распространения.

- 1.1.2.8. Срезни в виде узкой прямоугольной расширяющейся к острию лопаточки без упора для древка с тупоугольным боевым окончанием – 2 экз. (№ 48-49). Длина 58-67, ширина пера 12-17, толщина пера 2 мм, толщина черешка 2-3 мм. Найдены в погребении 69 могильника Телячий Брод и Чаньвенской пещере. Данный тип является одним из вариантов типа 1.1.2.6. Вероятно с тем же периодом существования и такими же территориями распространения.
- 1.1.2.9. Срезни треугольные плоские, без упора – 6 экз. (№ 50-55). Длина 44-61, ширина 17-24 мм, толщина 2 мм, толщина черешка 2-3 мм. Найдены на Кудымкарском селище, в Чаньвенской пещере, селище Запоселье и селище Телячий Брод, межмогильном пространстве Плотниковского могильника. В Сибири аналогичные наконечники происходят с Архиерейской Заимки, Релки, Басандайки, Искера, Барсова городка, Малой Тебенди, Аргаиза, Кипа, Старобибеево-1, Илонского могильника, Плехановского II городища [Соловьёв, 1987, с. 42]. В Восточной Европе они особенно характерны для финно-угорского населения X-XI вв. [Медведев, 1966, с. 71]. Данные наконечники начали распространяться со второй половины I тыс. (VIII - IX вв.) и использовались коренным населением до этнографической современности.
- 1.1.2.10. Срезни в виде широкой расширяющейся к острию лопаточки без упора для древка с тупоугольным боевым окончанием – 2 экз. (№ 56-57). Длина 63-68 мм, длина пера 26 мм, ширина 27 мм, толщина пера 2 мм, толщина черешка 2 мм. Найдены на Саламатовском могильнике и Чаньвенской пещере. Были распространены в VIII-X вв.
- 1.1.2.11. Срезни в виде расширяющейся к острию лопаточки, с упором для древка – 3 экз. (№ 58-59; 72). Длина 41-90 мм, длина пера 37-63 мм, ширина пера 6-29 мм, толщина пера 2 мм, диаметр черешка 2-4 мм. Найдены на селище Телячий Брод и Рождественском городище. В Сибири аналогичные наконечники происходят из Искера, Кипа, Аргаиза, Седовой Заимки, Тоянова Городка, Гжатска, из окрестностей д. Тюша Томской области, Кыштовки-2, 1, Туруновки-2, Берегаевского могильника, Малой Тепенди, Старобибеево-1 [Соловьёв, 1987, с. 42]. Близкие по форме наконечники в эпоху средневековья были известны в Семирежье (XIII-XIV вв.) [Максимова, 1965, табл. III/8], на Алтае (XIII-XIV вв.) [Гаврилова, 1965, табл. XXV/10], в Южной Сибири (IX-X вв.) [Худяков, 1980, табл. XXIII/4; XXXI/10-11], в Центральной Азии (XI-XIV вв.) [Худяков, 1991, рис. 6, 10, 16, 18]. Крупные наконечники с упором распространяются с середины первой половины II тыс. и применяются до XVII в. Мелкие наконечники с упором появляются в начале II тыс.
- 1.1.2.12. Трапецевидный, уплощенный, прямоугольного сечения, с выпуклой дуговидной боевой гранью с узелковым упором – 1 экз. (№ 60). Длина 103 мм, длина пера 58 мм, ширина пера 20 мм, толщина пера 2 мм, диаметр черешка 4 мм. Найден на Рождественском городище. Аналогичные наконечники известны в Волжской Булгарии – на Болгарском городище, Суварском, Билярском, Кашан I, селищах Чакма, Именьковское, Семеновском V селище, Песчаный остров селище [Руденко, 2003, с. 103]; на Золотарёвском поселении в Пензинской области [Белорыбкин, 2001, рис. 76/6]; в Удмуртии на городище Иднакар в слоях XI-XII вв. [Иванова, 1998, рис. 44/3-4]. Такие наконечники датируются XIII-XIV вв. Преимущественно XIV в.
- 1.1.2.13. Трапецевидные, уплощенные срезни прямоугольного сечения, с выпуклой подтреугольной боевой гранью – 11 экз. (№ 61-71). Длина 61-98 мм, длина пера 30-74 мм, ширина пера 7-29 мм, толщина пера 2 мм, диаметр черешка 2-3 мм.

Найдены на Кудымкарском городище, межмогильном пространстве Плотниковского могильника, селище Телячий Брод, Рождественском могильнике, Лаврятском городище, Кыласово (Анюшкар) городище.

Аналогичные наконечники находили в Южном Приладожье, в Михайловском могильнике, в Тимиревском могильнике [Медведев, 1966, с. 71], в могильниках центрального Тянь-Шаня – Кичи-Ача и Чап [Табалдиев, Солтобаев, 1995, с.109].

В Сибири данные наконечники происходят из Искера, Кипа, Аргаиза, Седовой Заимки, Тоянова Городка, Гжатска, из окрестностей д. Тюша Томской области, Кыштовки-2, 1, Туруновки-2, Берегаевского могильника, Малой Тепенди, Старобибеево-1 [Соловьёв, 1985, с. 42].

В Волжской Булгарии аналогичные наконечники найдены на Болгарском городище в IV слое (конец XIII-XIV вв.) и на раскопах в центре внутреннего города Билярского городища [Руденко, 2003, с. 83].

Найдены в Плеснеске, на Девич горе, в Киеве, на Княжей горе, на Райковецком городище, на городище Горица, на городище Воинская Гребля, на городище Хутор Половецкий, в Изяславле, на Донецком городище, в Смоленске, в Новгороде, Старой Рязани, в Биляре, в Суваре [Медведев, 1966, с. 75-76].

А так же в Пензинской области на Золоторевском поселении [Белорыбкин, 2001, рис. 77/6; 76/7]; в Удмуртии на городище Иднакар в слоях конца IX-начала XI вв. [Иванова, 1998, рис. 44/6, 9].

До монгольского нашествия на Руси и вообще в Восточной Европе не были известны, появились с ордами Батия в первой половине XIII в. В большом количестве найдены на русских поселениях южной полосы, разрушенной монголами и вообще распространены по всей Восточной Европе. Это типичные монгольские наконечники. Они были самыми употребительными и в Монголии в XIII-XIV вв. На севере России встречаются редко [Медведев, 1966, с. 75].

Крупные наконечники с упором распространяются с середины первой половины II тыс. и применяются до XVII в. Мелкие наконечники с упором появляются в начале II тыс.

- 1.1.2.14. Секторовидные срезни – 5 экз. (№ 73-77). Длина 71-80 мм, длина пера 26-55 мм, ширина 15-24 мм, толщина 2 мм, толщина черенка 2-3 мм.

Найдены на Саламатовском городище, Рождественском городище и Кыласовом (Анюшкар) городище.

Аналогичные наконечники найдены на городище Алчедар, на Княжей горе, на Девич-горе, на Райковецком городище [Медведев, 1966, с. 71], в могильниках центрального Тянь-Шаня: Секи I, Туура-Суу I, Чап [Табалдиев, Солтобаев, 1995, с. 109], памятниках западного Казахстана [Книсарин, 2002, рис.5/9].

В Сибири аналогичные наконечники известны на могильниках Аргаиз, Берегаевский, Тургайский, Кыштовка-2, Абрамово-10, Туруновка-2, Сопка-2 [Соловьёв, 1985, с. 42].

Были распространены на юго-западе древней Руси с IX-XI вв., преимущественно в X-XI вв., не надо путать их с крупными срезнями занесенными в XIII в. монголами [Медведев, 1966, с. 71].

- 1.1.2.15. Секторно-четырёхугольный наконечник с округлым острием, покатыми плечиками, лопастным упором и прямоугольным в сечении черешком – 1 экз. (№ 78). Длина 105 мм, длина пера 60 мм, ширина 73 мм, толщина 2 мм, толщина черенка 3 мм.

Найден на Рождественском городище.

Аналогичный наконечник известен на территории Ошской области Республики Кыргызстан [Акматов, 2014, рис. 1/2].

Данное изделие отличается массивностью, широкими остриями, большим упором и прямоугольным в сечении черешком. Собственно, рабочая часть его занимает

больше половины всей длины предмета. По-видимому, типологически его следует связывать с секторными наконечниками, получившими широкое распространение в степях Евразии с начала II тыс. н. э. вместе с выходом на военно-политическую арену монголоязычных племен, и считать его местной модификацией секторных ударников. Судя по массивности лезвия, рассматриваемый наконечник был рассчитан на нанесение широкой кровоточающей раны, а большой упор, вероятно, не только увеличивал убойную силу наконечника, но и придавал стреле устойчивость в полете [Кищенко, 2003, с. 135–136]. Возможно, данный наконечник был экспериментальным образцом и не получил широкого распространения. Тем не менее при наличии соответствующего лука и при стрельбе на короткой дистанции [Литвинский, 2001, с. 52–55] рассматриваемый наконечник можно признать эффективным средством борьбы с незащищенным панцирем противником и с его боевым конем. Таким образом, появление на нашей территории и на Тянь-Шане секторно-четырёхугольных наконечников следует связывать с нашествием в XII–XIII вв. монголоязычных племен – киданей, найманов и/или монголов. Говорить что-либо определенное о верхней границе бытования данного изделия пока преждевременно.

Заключение

Подводя итоги можно сказать, что такие наконечники стрел как срезни использовались как для охоты, так и для нанесения урона среди незащищённых бронёй вражеских воинов и их коней. Их широкая режущая кромка имела большую поражающую способность. Глубокие резанные раны, которые срезень мог нанести жертве, приводили к серьезным кровотечениям. Особенно опасны они были для конницы и рекомендовались в одном из средневековых руководств по лучной стрельбе для охоты на крупных и быстро бегущих животных [Arab Archery, 1945].

Двурогие срезни служили больше охотничьим оружием. На стреле такой наконечник крепился горизонтально к поверхности земли и перпендикулярно к вырезу под тетиву. Такой стрелой били на короткой дистанции по набегавшему либо уходящему зверю на облавных охотах. Били волка в угон стремясь перебить позвоночник, спинные мышцы, шею, конечности. С помощью срезней охотились на лосей. Первой такой стрелой перебивая переднюю конечность стреляя в голень, а когда зверь падал, быстро сблизившись добивали зверя.

Двурогим был и наконечник для охоты на птиц, но он намного миниатюрнее чем наконечники для охоты на крупного зверя.

Широкие наконечники стрел были широко распространены у всех кочевых и полукочевых народов России. Например, так Марко Поло описывая вооружение монголов писал, что у каждого воина по 60 стрел, где 30 стрел легких и 30 тяжелых с широкими наконечниками для стрельбы на близком расстоянии по рукам, ногам, лицам и для перерубания тетив [Марко Поло, 1940, с. 65].

На территории Пермского Предуралья имелся развитый комплекс вооружения, вполне соответствующий уровню развития военной техники своего времени. Практически все прогрессивные изменения форм вооружения происходили в степных и лесостепных районах, и с небольшим запаздыванием воспринималось местным населением.

Библиографический список

Источники

1. Белафин А.М., 1986. Отчёт об археологических исследованиях в Карагайском районе Пермской области в 1985 году. – Пермь. – Архив ЛАТАиЭА ПГГПУ.
2. Белафин А.М., 1987. Отчёт о полевых исследованиях в Чусовском районе Пермской области в 1986 году. – Пермь. – Архив ЛАТАиЭА ПГГПУ.

3. *Белавин А.М.*, 1989. Отчёт об исследованиях селища и могильника Телячий Брод в 1989 году. – Пермь. – Архив ЛАТАиЭА ПГГПУ.
4. *Белавин А.М.*, 1991. Отчёт о раскопках Рождественского городища на реке Обва в 1990 году. – Пермь. – Архив ЛАТАиЭА ПГГПУ.
5. *Белавин А.М.*, 1992. Отчёт о раскопках могильника Телячий Брод на реке Усьва в 1991 году – Пермь. – Архив ЛАТАиЭА ПГГПУ.
6. *Крыласова Н.Б.*, 1991. Отчёт о раскопках Рождественского могильника и Филипповского городища в 1990 году. – Пермь. – Архив ЛАТАиЭА ПГГПУ.
7. *Крыласова Н.Б.*, 2005. Отчёт о раскопках селища Запоселье I в Соликамском районе Пермской области в 2004 году. – Пермь. – Архив ЛАТАиЭА ПГГПУ.
8. *Крыласова Н.Б.*, 2006. Отчёт о раскопках селища Запоселье I в Соликамском районе Пермской области в 2005 году. – Пермь. – Архив ЛАТАиЭА ПГГПУ.
9. *Крыласова Н.Б.*, 2007. Отчёт о раскопках селища Запоселье I и Запосельского могильника в Соликамском районе Пермской области в 2006 году. – Пермь. – Архив ЛАТАиЭА ПГГПУ.
10. *Крыласова Н.Б.*, 2009. Отчёт о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2008 г. - Пермь. – Архив ЛАТАиЭА ПГГПУ.
11. *Крыласова Н.Б.*, 2011. Отчёт о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2010 г. - Пермь. – Архив ЛАТАиЭА ПГГПУ.

Литература

1. *Акматов К.Т.*, 2014. Новая коллекция железных наконечников стрел в Государственном историческом музее Кыргызской республики // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 13. Вып. 3. – Новосибирск. – С. 209-217.
2. *Белавин А.М.*, 1986. Городищенское городище на р. Усолке // Приуралье в древности и средние века (Межвузовский сборник научных трудов УдГУ). - Ижевск. С. 130-142.
3. *Белавин А.М.*, 2000. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: ПГПУ. – 200 с.
4. *Белорыбкин Г.Н.*, 2001. Золотарёвское поселение. – СПб. – Пенза: Изд-во ПГПУ.
5. *Гаврилова А.А.*, 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. – М.-Л.
6. *Голдина Р.Д.*, 1968. Агафоновский могильник на Верхней Каме // УЗ ПГУ № 191. – Пермь. – С. 111-119.
7. *Данич А.В.*, 2011. Типология бронебойных наконечников стрел Пермского Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Выпуск VII. – Пермь, ПГПУ. – С. 98-115.
8. *Даркевич В.П., Борисевич Г.В.*, 1995. Древняя столица рязанской земли XI-XIII вв. – М.: Круг.
9. *Иванова М.Г.*, 1998. Иднакар. Древнеудмуртское городище IX-XIII вв. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. – 294 с.
10. *Кищенко В.Г.*, 2003. Стрелы древних средневековых культур Евразии: Реконструкция // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3: Половецко-золотоордынское время. Сб. науч. работ. – Донецк: ДонНУ. – С. 131-192.
11. *Книссарин Б.А.*, 2002. Некоторые вопросы вооружения и военного дела средневековых кочевников Западного Казахстана VIII-XI вв. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Вып. 1 – Уральск.
12. *Литвинский Б.А.*, 2001. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.
13. *Максимова А.Г.*, 1965. Погребение воина XIV в. // ВАН КазССР №6 (243). – Алма-Ата.

14. Марко Поло, 1940. Путешествие. – Л. – 316 с.
15. Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII-XIV вв. // САИ - Вып.Е1-36. – М.: Издательство «Наука». – 184 с.
16. Оборин В.А., 1960. К истории охоты и скотоводства у древних Коми-пермяков // Учёные записки ПГУ, Т. XII, вып. 1. Труды Камской археологической экспедиции. Вып. 3. – Пермь. – С. 219-230.
17. Оборин В.А., 1976. Раскопки древнего Искора // Археологические открытия 1975 года. – М. – С. 191.
18. Руденко К.А., 2003. Железные наконечники стрел VIII-XV вв. из Волжской Булгарии. – Казань – 512 с.
19. Савельева Э.А., 1987. Вымские могильники XI-XIV вв. – Л.: ЛГУ. – 200 с.
20. Соловьёв А.И., 1987. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. – Новосибирск: Наука. – 192 с.
21. Спицин А.А., 1902. Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. - №26. - СПб.: Имп. Арх. Комиссия. – 110 с.
22. Табалдиев К., Солтобаев О, 1995. Предметы вооружения из погребений центрального Тянь-Шаня // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово. – 268 с.
23. Талицкий М.В., 1946. Верхнее Прикамье в X-XIV вв. // КСИИМК, т.ХIII. - МЛ.
24. Худяков Ю.С., 1980. Вооружение енисейских кыргызов. - Новосибирск.
25. Худяков Ю.С., 1991. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – М: Наука. – 190 с.
26. Arab Archery, 1945. Princeton, New Jersey.

Сведения об авторе

Данич Андрей Васильевич, ведущий специалист лаборатории археологической трасологии, антропологии экспериментальной археологии НИИ Археологии и антропологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, Пермь, (Россия). Директор ООО «Гильдия Археологов». Адрес для контактов: adanich@yandex.ru ORCID 0000-0002-2754-2286

Danich Andrey Vasilyevich, Leading specialist of the Laboratory of Archaeological Tracology, Anthropology of Experimental Archaeology of the Research Institute of Archaeology and Anthropology of Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, (Russia). Director of the Guild of Archaeologists LLC. Contact address: adanich@yandex.ru ORCID 0000-0002-2754-2286

Таблица 1. СРЕЗНИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

№ №	Место и условия находки	Дата	Тип	Размеры, мм					Описание типа	Шифр	Автор и год раскопок, литерату ра	Место хране ния	Прим ечани е	Тип по Медведеву	АФ Тип по	Соловьёву А.А.	Тип по Хузинову Ф.Ш.	Казакову Б.П.	Тип по Руденко К.А.
				длина	длина пера	ширина пера	толщина пера	толщина пера (диаметр)											
1	Саламатовское городище	IX-XIII вв.	1.1.2. 1.	134		34	2	2	1.1.2.1.6.6.1.	2438/	Белавин А.М., 1987	ПГГП У		59	42				
2	Кудымкарское городище	VII- XVII вв.	1.1.2. 1.	33		11	2	2	1.1.2.1.6.6.1.					59	42				
3	Агафоновский I могильник погр.145	VIII-IX вв.	1.1.2. 1.	115		32	3	2	1.1.2.1.6.6.1.		Голдина Р.Д.			59	42				
4	Плёсинский могильник	VIII-X вв.	1.1.2. 1.	117		30	2	2	1.1.2.1.6.6.1.	1560/3	Оборин В.А., 1960	ККМ		59	42				
5	Редикарское городище	VIII- XV вв.	1.1.2. 1.	105		36	2	2	1.1.2.1.6.6.1.	1074/43 1	Оборин В.А., 1974	ЧКМ		59	42				
6	Роданово городище	X-XIV вв.	1.1.2. 1.	49		15	2	2	1.1.2.1.6.6.1.				архив ИИМ К	59	42				
7	Запоселье селище	VIII-XI вв.	1.1.2. 1.	102		18	2	2	1.1.2.1.6.6.1.			СКМ		59	42				
8	Агафоновский I могильник	VIII-IX вв.	1.1.2. 1.	97		27	2	2	1.1.2.1.6.6.1.	936/111 4	Голдина Р.Д.	ГКМ		59	42				
9	Кыласово (Анюшкар) городище	VIII-XI вв.	1.1.2. 1.	89		26	2	2	1.1.2.1.6.6.1.	324/106 1		ПГГП У		59	42				
10	Агафоновский I могильник	VIII-IX вв.	1.1.2. 1.	87		25	2	2	1.1.2.1.6.6.1.		Голдина Р.Д.			59	42				

	погр.369																	
11	Чаньвенская пещера	IX-XI вв.	1.1.2.1.	56		24	2	2	1.1.2.1.6.6.1.	19223/6		ПКМ		59	42			
12	Редикарское городище	VIII-XV вв.	1.1.2.1.	100		20	2	2	1.1.2.1.6.6.1.	1074/255	Оборин В.А., 1974	ЧКМ		59	42			
13	Агафоновский I могильник погр.106	VIII-IX вв.	1.1.2.1.	80		28	2	2	1.1.2.1.6.6.1.		Голдина Р.Д.	ГКМ		59	42			
14	Запоселье, могильник выброс из граб. ям	IX-X вв.	1.1.2.1.	77		20	2	2	1.1.2.1.6.6.1.		Крыласов а Н.Б.2006	ПГГПУ		59	42			
15	Огурдинский могильник м/м	VIII-XI вв.	1.1.2.1.	62		19	2	2	1.1.2.1.6.6.1.		Крыласов а Н.Б.			59	42			
16	Роданово городище Г/13	X-XIV вв.	1.1.2.1.	97		24	2	2	1.1.2.1.6.6.1.	РодГ16/9	Сарапуло в А.Н. 2016	ПГГПУ		59	42			
17	Саламатовское городище Д/19 гл.-0,4 м	IX-XIII вв.	1.1.2.1.	63		23	2	2	1.1.2.1.6.6.1.	СГ12/462	Абдулова С.И. 2012	ЧусКМ		59	42			
18	Городищенское городище	IX в.	1.1.2.1.	53	10	19	2	2	1.1.2.1.6.6.1.		(Белавин А.М., 1986. Рис. 2, 3)			59	42	23	2 (ИД)	
19	Запоселье, могильник погр.20	IX-X вв.	1.1.2.1.	63		23	2	2	1.1.2.1.6.6.1.	ЗМ-07/86	Крыласов а Н.Б.2007	ПГГПУ		59	42			
20	Сартаково, могильник	X-XI вв.	1.1.2.1.	81		18	2	2	1.1.2.1.6.6.1.	21140/177	Шатунов С.В.,2007	ПКМ		59	42			
21	Плёсинский могильник	VIII-X вв.	1.1.2.1.	74		30	2	2	1.1.2.1.6.6.1.	642/82	Оборин В.А.,	ККМ		59	42			

	погр.51										1961						
22	Рождественское городище. РII.	IX в.	1.1.2.1.	64		23	2	4	1.1.2.1.6.6.1.	РГ91(2)/525	Белавин А.М., 1991	ПГГПУ		59	42	23	2 (ID)
23	Саламатовское городище Яма 29 Г'20 -0,45 м	IX-XIII вв.	1.1.2.1.	41		30	2	2	1.1.2.1.6.6.1.	СГ13/172	Абдулова С.И. 2013	ЧусКМ		59	42		
24	Вакинское селище	VIII-X вв.	1.1.2.2.	93	41	17	2	2	1.1.2.2.6.6.4.		Спицин А.А., 1902				42		
25	Не известно	VIII-X вв.	1.1.2.2.	105	46	21	2	2	1.1.2.2.6.6.4.			ПКМ			42		
26	Плёсинский могильник погр.40	VIII-X вв.	1.1.2.2.	82	60	28	2	2	1.1.2.2.6.6.4.		Оборин В.А., 1961	ККМ			42		
27	Плёсинский могильник погр.47	VIII-X вв.	1.1.2.3.	83		25	2	2	1.1.2.3.6.6.1.	642/96	Оборин В.А., 1961	ККМ		59	42		
28	Плёсинский могильник	VIII-X вв.	1.1.2.3.	89		21	2	2	1.1.2.3.6.6.1.	642/389	Оборин В.А., 1961	ККМ		59	42		
29	Агафоновский I могильник погр.366	VIII-IX вв.	1.1.2.3.	81	40	30	2	3	1.1.2.3.6.6.1.		Голдина Р.Д.			59	42		
30	Плёсинский могильник	VIII-X вв.	1.1.2.3.	100		22	2	2	1.1.2.3.6.6.1.	1560	Оборин В.А., 1960	ККМ		59	42		
31	Агафоновский I могильник погр.344	VIII-IX вв.	1.1.2.3.	65		25	2	2	1.1.2.3.6.6.1.		Голдина Р.Д.			59	42		
32	Плёсинский могильник погр.33	VIII-X вв.	1.1.2.3.	94	43	22	2	2	1.1.2.3.6.6.1.	642/1048	Оборин В.А., 1961	ККМ		59	42		

33	Роданово городище	X-XIV вв.	1.1.2.4.	51	44	15	2	4	1.1.2.4.6.1.3.		(Талицки й, 1946 Стр.63)			60	42			Б5 5
34	Кудымкарское городище	VII-XVII вв.	1.1.2.4.	66	43	25	2	2	1.1.2.4.6.1.4.					60	42	23	2 (ИД)	Б5 5
35	Рождественское городище	IX-XIV вв.	1.1.2.4.	82	45	27	2	4	1.1.2.4.6.1.4.		архив автора			60	42	23	2 (ИД)	Б5 5
36	Рождественское городище РIX, Ъ/98, гл. -0,12 м	IX-XIV вв.	1.1.2.4.	41	24	20	2	2	1.1.2.4.6.1.3.	РГ14/45	Крыласов а Н.Б. 2014			60	42			Б5 5
37	Рождественское городище РV, Г'74 гл. -0,6 м	IX-XIV вв.	1.1.2.4.	81	46	47	2	3	1.1.2.4.6.1.3.	РГ12/13 0	Крыласов а Н.Б. 2012			60	42			Б5 5
38	Кудымкарское городище	VII-XVII вв.	1.1.2.4.	55	43	16	2	2	1.1.2.4.6.1.4.		Спицин А.А., 1902			60	42	23	2 (ИД)	Б5 5
39	Кудымкарское городище	VII-XVII вв.	1.1.2.4.	35	15	10	2	2	1.1.2.4.6.1.4.					60	42	23	2 (ИД)	Б5 5
40	Рождественский могильник. Погр. 263	X-XI вв.	1.1.2.4.	74	37	37	2		1.1.2.4.6.1.4.	РМ15/1	Крыласов а Н.Б. 2015			60	42			Б5 5
41	Рождественское городище РVIII, Н/64 -0,2 м	IX-XIV вв.	1.1.2.5.	50	13	29	2	2	1.1.2.5.6.1.4.	РГ19/32 1	Крыласов а Н.Б. 2019			60				
42	Кудымкарское городище	VII-XVII вв.	1.1.2.6.	110		14	2	2	1.1.2.6.6.6.1.	1010/21 1		ККМ		58				
43	Антыбарский могильник погр.32	XII-XIII вв.	1.1.2.6.	71		17	2	2	1.1.2.6.6.6.1.	б/н	Ленц Г.Т.	ПГГП у		58				

44	Искорское городище	X-XX вв.	1.1.2.6.	61		13	2	2	1.1.2.6.6.6.1.	1215/125	Оборин В.А, 1973	ЧКМ		58				
45	Терикановский могильник	X-XI вв.	1.1.2.6.	98		16	2	3	1.1.2.6.6.6.1.	ТМ99/11		ККМ		58				
46	Искорское городище	X-XX вв.	1.1.2.6.	88		16	2	2	1.1.2.6.6.6.1.	1173/126	Оборин В.А., 1975	ЧКМ		58				
47	Кудымкарское городище	VII-XVII вв.	1.1.2.7.	92		12	2	2	1.1.2.7.6.6.1.		Архив автора			58				
48	Телячий Брод могильник погр.69	VIII-XII вв.	1.1.2.8.	67		17	2	3	1.1.2.8.6.6.1.	МТБ91/33	Крыласов а Н.Б., 1991	ПГГПУ						
49	Чаньвенская пещера	IX-XIX вв.	1.1.2.8.	58		12	2	2	1.1.2.8.6.6.1.	19223/24								
50	Чаньвенская пещера	IX-XIX вв.	1.1.2.9.	61		22	2	2	1.1.2.9.6.6.1.	19223/8		ПКМ			39			
51	Кудымкарское селище	VII-XVII вв.	1.1.2.9.	46		22	2	2	1.1.2.9.6.6.1.	б/н	Коллекция Теплоуховых	ПКМ			39			
52	Чаньвенская пещера	IX-XIX вв.	1.1.2.9.	55		18	2	2	1.1.2.9.6.6.1.	19223/9		ПКМ			39			
53	Телячий Брод селище	VIII-XII вв.	1.1.2.9.	44		21	2	2	1.1.2.9.6.6.1.	б/н	Белавин А.М., 1997	ПГГПУ			39			
54	Плотниковский могильник межмог.простр. И/128 -0,15 м	XII-XV вв.	1.1.2.9.	52		24	2	2	1.1.2.9.6.6.1.	Пл.М 12/51	Брюхова Н.Г., 2012	ККМ			39			
55	Запоселье, селище РVI	VIII-X вв.	1.1.2.9.	45		17	2	3	1.1.2.9.6.6.1.	ЗС05/56	Крыласов а Н.Б.2005	ПГГПУ			39			

56	Саламатовское городище В/12 гл.-0,35	IX-XIII вв.	1.1.2.10.	68	26	27	2	2	1.1.2.10.6.6.1.	СГ12/12 2	Абдулова С.И. 2012						
57	Чаньвенская пещера	IX-XIX вв.	1.1.2.10.	63		27	2	2	1.1.2.10.6.6.1.	19223/2 5							
58	Телячий Брод селище	VIII-XII вв.	1.1.2.11.	90	63	29	2	4	1.1.2.11.6.1.4.	б/н		ПКМ			38		
59	Не известно		1.1.2.11.	81	56	16	2	4	1.1.2.11.6.1.2.			ПКМ			38	27	3 (IB)
60	Рождественское городище РV Б/77 гл.-1,1 м	IX-XIV вв.	1.1.2.12.	103	58	20	2	4	1.1.2.12.6.1.3.	РГ11/36 2	Крыласов а Н.Б.2011	ПГГП У		67	38		Б5 2
61	Не известно		1.1.2.13.	98	64	20	2	3	1.1.2.13.6.1.4.		(Белавин, 2000, стр.112, рис.52)			67	38	27	3 (IB)
62	Плотниковский могильник межмог.простр. К/127 -0,1 м	XII-XV вв.	1.1.2.13.	92	74	13 +	2	2	1.1.2.13.6.1.4.	Пл.М/12 /4	Брюхова Н.Г., 2012	ККМ		67	38		А2 7а
63	Плотниковский могильник межмог.простр. 3/126 -0,1 м	XII-XV вв.	1.1.2.13.	86	64	29	2	2	1.1.2.13.6.1.3.	Пл.М.12 /79	Брюхова Н.Г., 2012	ККМ		67	38		А2 7а
64	Кудымкарское городище	VII-XVII вв.	1.1.2.13.	85	53	18	2	2	1.1.2.13.6.1.4.		Спицин А.А., 1902			67	38	27	3 (IB)
65	Телячий Брод селище. РII. Я89/5. Гор. IV.	VIII-XII вв.	1.1.2.13.	64	55	21	2	3	1.1.2.13.6.1.4.		Белавин А.М., 1989	ПГГП У		67	38	27	3 (IB)
66	Рождественский могильник	X-XI вв.	1.1.2.13.	69	44	19	2	2	1.1.2.13.6.1.4.	РМ97/39 0	Белавин А.М.,	ПГГП У		67	38	27	3 (IB)

											1997						)	
67	Кудымкарское городище	VII-XVII вв.	1.1.2.13.	70	45	14	2	3	1.1.2.13.6.1.4.		Архив автора			67	38	27	3 (IB)	A2 7a
68	Не известно		1.1.2.13.	61	34	8	2	2	1.1.2.13.6.1.4.		(Талицкий, 1946 Стр.63)			67	38	27	3 (IB)	A2 7a
69	Кудымкарское городище	VII-XVII вв.	1.1.2.13.	75	43	15	2	3	1.1.2.13.6.1.4.		Архив автора			67	38	27	3 (IB)	A2 7a
70	Кыласово (Анюшкар) городище	IX-XIV вв.	1.1.2.13.	81	47	7	2	2	1.1.2.13.6.1.4.		(Белавин, 2000, стр.112, рис.52)			67	38	27	3 (IB)	A2 7a
71	Лаврятское городище	VIII-XI вв.	1.1.2.13.	52	30	7	2	2	1.1.2.13.6.1.4.		Спицин А.А., 1902			67	38	27	3 (IB)	A2 7a
72	Рождественское городище Р/17 - 0,35	IX-XIV вв.	1.1.2.11.	41	37	6	2	2	1.1.2.11.6.1.4.	РГ09/209	Крыласов а Н.Б.2009	ПГГПУ		67	38			A2 7a
73	Саламатовское городище	IX-XIII вв.	1.1.2.14.	73	41	17	2	3	1.1.2.14.6.6.2.	8/42	Белавин А.М., 1986	ПГГПУ		55	37			
74	Кыласово (Анюшкар) городище	IX-XIV вв.	1.1.2.14.	80	55	24	2	2	1.1.2.14.6.1.4.		(Оборин, 1960. Рис. 2, 8)			55	37			
75	Рождественское городище	IX-XIV вв.	1.1.2.14.	71	47	24	2	2	1.1.2.14.6.6.2.	6/979	Поляков, 1985	ПКМ		55	37			
76	Саламатовское городище	IX-XIII вв.	1.1.2.14.	76	49	15	2	3	1.1.2.14.6.1.4.	8/190	Белавин А.М., 1986	ПКМ		55	37	27	3 (IB)	

77	Рождественское городище РV - 0,14	IX-XIV вв.	1.1.2.14.	47	26	17	2	2,5	1.1.2.14.6.1.4.	РГ92(5)/101	Белавин А.М., 1992	ПГГПУ		55	37			
78	Рождественское городище В'77 гл.-2,06 м	IX-XIV вв.	1.1.2.15.	105	60	73	2	3	1.1.2.15.6.6.4.	РГ11/520	Крыласов а Н.Б.2011	ПГГПУ		55	37			
79	Телячий Брод могильник погр.69	VIII-XII вв.		65	58	18	2	4	1.1.2....6.1.4.	МТБ91/32	Белавин А.М., 1991	ПКМ		67		27	3 (IV)	

БКМ - Березниковский краеведческий музей; ГКМ - Гайнский краеведческий музей; ЕКМ - Екатеринбургский краеведческий музей; ИлМ - Ильинский краеведческий музей; ККМ - Кудымкарский краеведческий музей; ПГГПУ - музей Пермского государственного педагогического университета; ПКМ - Пермский краеведческий музей; СКМ - Соликамский краеведческий музей; ЧКМ - Чердыньский краеведческий музей.

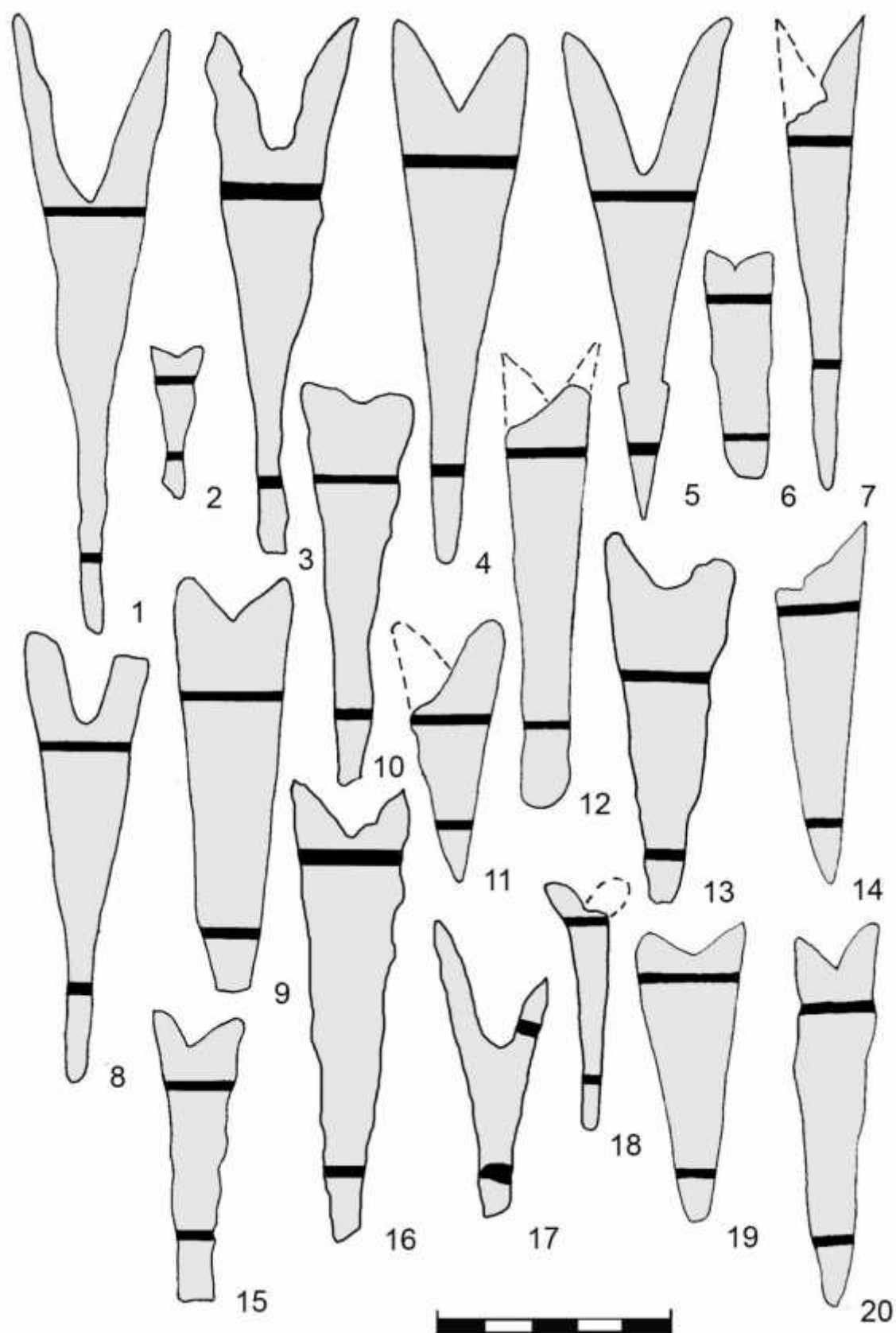

Рис. 1. Срезы Пермского Предуралья

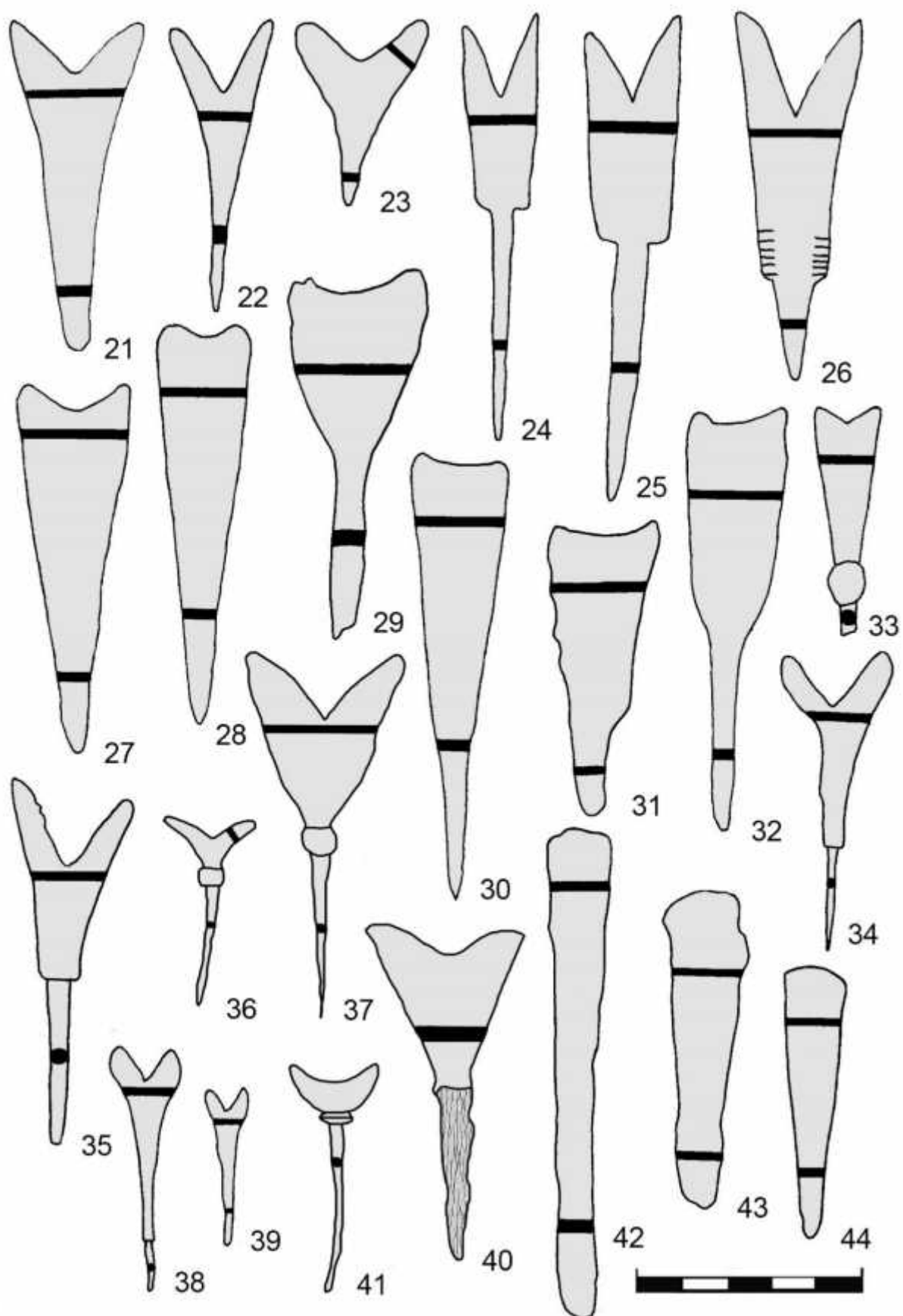

Рис. 2. Срезни Пермского Предуралья

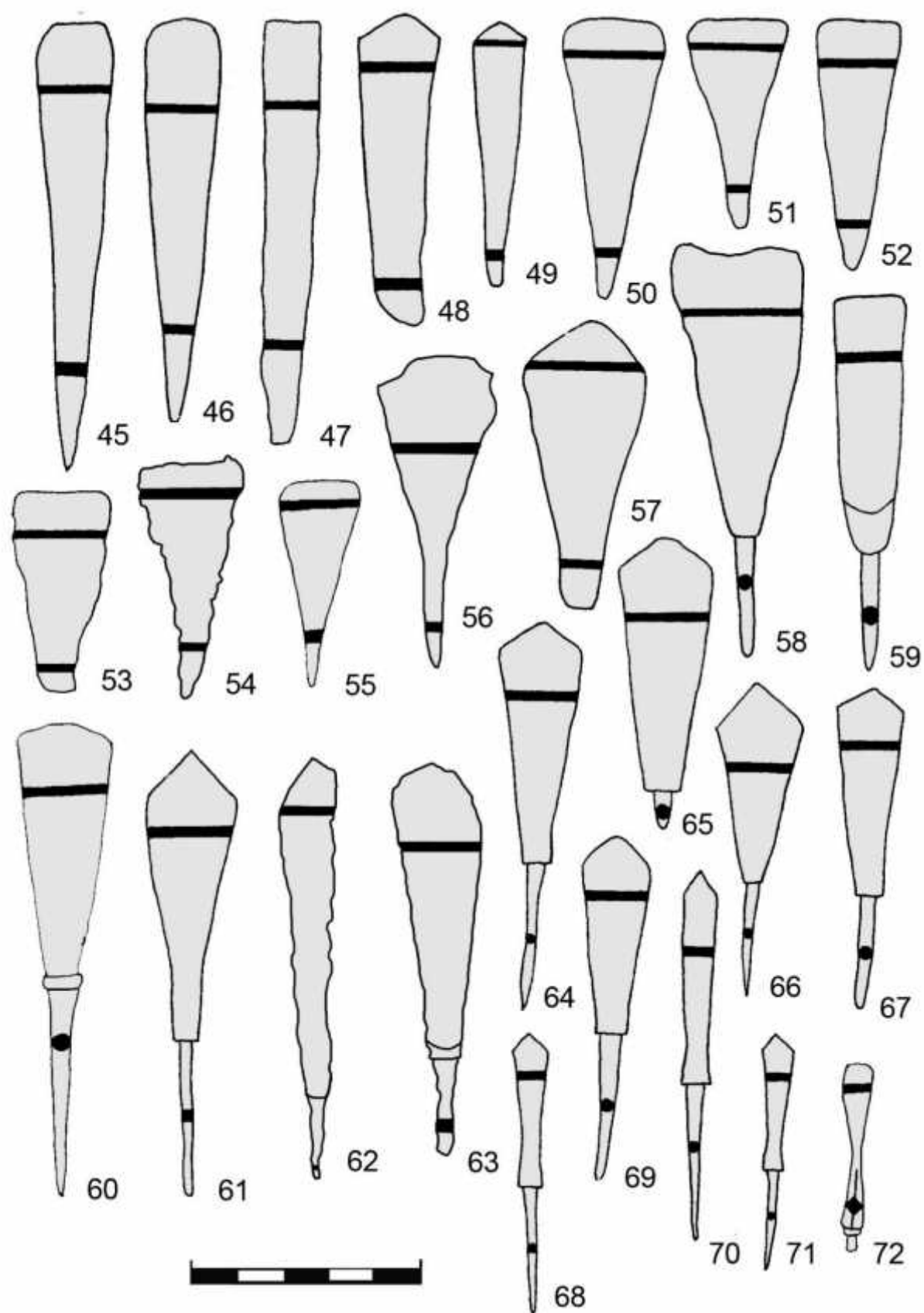

Рис. 3. Срезни Пермского Предуралья

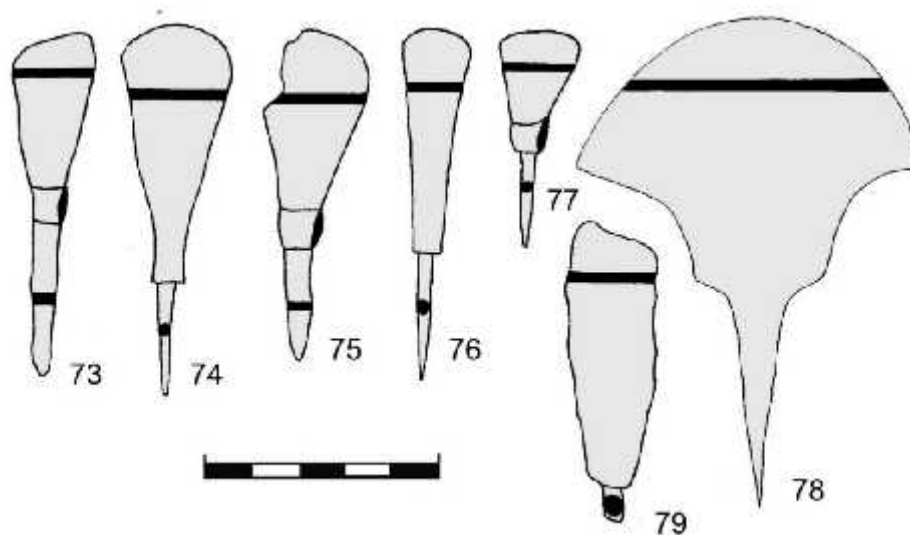

Рис. 4. Срезни Пермского
Предуралья

ТИПОЛОГИЯ СРЕЗНЕЙ				
1.1.2.1	1.1.2.2	1.1.2.3	1.1.2.4	1.1.2.5
1.1.2.6	1.1.2.7	1.1.2.8	1.1.2.9	1.1.2.10
1.1.2.11	1.1.2.12	1.1.2.13	1.1.2.14	1.1.2.15

Рис. 5. Типология срезней Пермского Предуралья

УДК 902.01

DOI: 10.24412/2658-7637-2022-21-69 -79

К.В. Моряхина¹

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ УКРАШЕНИЯ ЩУКИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

¹Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь,
Российская Федерация

В статье представлена классификация металлических украшений, обнаруженных на Щукинском могильнике. Автором приведены аналогии с соседних территорий, по возможности указаны датировки изделий. В результате удалось датировать погребения, в которых были найдены украшения, выделить позднюю часть могильника и раннюю, где есть также несколько поздних погребений. Количество поздних погребений превалирует над ранними. Судя по материалам Щукинского могильника количество элементов костюма и их разнообразие со временем увеличивалось. В поздних погребениях наряду с подвесками и поясом были обнаружены височные кольца и украшения рук, которые не было зафиксировано в ранней части могильника.

Ключевые слова: украшения, средневековые, хронология, Щукинский могильник, Пермское Предуралье.

K.V. Moryakhina¹

METAL JEWELRY OF SCHUKINSKY BURIAL GROUND

¹Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

The article presents a classification of metal jewelry found at the Shchukin burial ground. The author gives analogies from neighboring territories. The dates of the products are indicated where possible. As a result, it was possible to date the burials in which the decorations were found. The late part of the burial ground and the early part were identified, where there are also several late burials. The number of late burials prevails over the early ones. The number of costume elements and their variety increased over time, judging by the materials of the Shchukin burial ground. In later burials, along with pendants and a belt, temporal rings and hand ornaments were found. There are none in the early part of the burial ground.

Keywords: jewelry, Middle Ages, chronology, Shchukin burial ground, Perm Cis-Urals.

Щукинский могильник расположен в 300 км к западу от д. Щукино Афанасьевского района Кировской области на небольшом мысу высотой 14 м правого берега р. Камы. Памятник был обнаружен и исследован В.А. Кананиным в 1977 г. На площади 1100 кв. м было изучено 82 погребения. Часть памятника разрушена в результате оползня мыса. На могильнике фиксируются следы разграбления. Памятник считается полностью изученным, датируется VI–IX вв. [Кананин, 1978, с. 2].

Ранее украшения Щукинского могильника наряду с материалами других памятников были классифицированы и опубликованы в обобщающих работах Р.Д. Голдиной «Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье» [Голдина, 1985] и Р.Д. Голдиной, В.А. Кананина «Средневековые памятники Верховьев Камы» [Голдина, Кананин, 1989]. Но тем не менее изучение украшений с отдельно взятого памятника остается актуальным, поскольку такое исследование позволяет более четко датировать памятник и отдельные погребения, а также проследить этнокультурные контакты.

Автор статьи при обобщении материалов Щукинского могильника опиралась на классификационные схемы Р.Д. Голдиной [Голдина, 1985] и Н.Б. Крыласовой [Белавин,

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

Крыласова, 2008]. Представленная классификация не претендует на оригинальность, в ее основе лежат морфологические признаки: типы и подтипы выделены по форме украшения, варианты — по декору.

Височные кольца (10 экз.)

Тип 1. Без привесок (5 экз.) Подтип 1. Проволочные. Вариант а. Простые округлые (5 экз. — п. 4, 11, 32, 53, 69). Как указывает Ю.А. Подосенова в своей диссертации, литые проволочные украшения получили широкое распространение на территории Пермского Предуралья (Митинский, Агафоновский I, Аверинский II, Деменковский, Висимский, Важгортский могильники) с конца V–X вв. [Подосенова, 2009, с. 78].

Тип 2. С литыми привесками (5 экз.)

Подтип 1. С бипирамидальной гроздью.

Вариант а. Шарики крупные, лишь намечены (п. 30; рис. 1/27)

Вариант б. Шарики крупные, отлиты по отдельности (п. 36)

Вариант в. Шарики мелкие, отлиты по отдельности (2 экз. — п. 12; рис. 1/26)

На одном височном кольце нижняя часть грозди обломлена, поэтому ее невозможно отнести к какому-либо варианту (п. 30).

В Пермском Предуралье подобные височные кольца найдены на Аверинском II, Плесинском, Важгортском, Редикарском, Каневском, Баяновском могильниках. Аналогичные украшения встречаются в поломо-чепецкой археологической культуре на Варнинском, Поломском II, Поломском I, Омутницком, Тольёнском, Мыдлань–Шай могильниках. [Иванов, 1998, рис. 19/6,7; 47/4,9,11; Семенов, 1980, табл. II/8; Генинг, 1962, табл. I/13–15], у марийцев IX–XI вв. на Веселовском, Дубовском, Черемисское кладбище, Юмском могильниках [Никитина, 2002, рис. 25/12, 56/15, 17; Архипов, 1973, рис. 17/21–23], в раннебулгарских материалах на Танкеевском, Больше-Тарханском могильниках [Казаков, 1971, табл. XXI/35а, 38, 47, 51], на территории Южного Урала в материалах Старо-Халиловских и Каранаевских курганов. Н.А. Мажитов относит данные изделия к основным датирующим признакам IX – начала X вв. [Мажитов, 1981, рис. 55/1, 56/4, 60/1; Мажитов, 1993, с. 131, рис. 4/2а].

Ю.А. Подосенова отмечает в своей диссертации, что височные кольца с бипирамидальной гроздью относятся к местному производству (являются типичными для ломоватовской и полумской культур), и появление их на раннебулгарских памятниках связано с миграцией части ломоватовского населения. Исследовательница относит появление таких украшений к первой половине IX в. На территории Пермского Предуралья они встречаются до начала XI в. с определенными видоизменениями [Подосенова, 2009, с. 70].

Перстни (4 экз.)

Тип 1. Щитковые (4 экз. рис. 1/31). Подтип 1. Со вставкой. Вариант а. С четырьмя захватами (4 экз. — п. 23, 32, 65, 76). Среди обнаруженных перстней только один четко выраженные захваты, на остальных они отлиты условно. В одном случае сохранилась только вставка. Перстни со вставкой в Пермском Предуралье обнаружены на Аверинском II, Агафоновском II, Баяновском, Деменковском, Плесинском могильниках, на Рождественском, Лаврятском городищах и датируются кон. VIII–X вв.

На других территориях встречаются на памятниках салтово-маяцкой культуры в VIII – нач. IX вв. [Плетнева, 1999, рис. 19], на Бродовском и Неволинском могильниках неволинской культуры [Голдина, Водолаго, 1990], в Удмуртском Предуралье на могильниках Мыдланьшай, Варнинском, Качкушарском I и на городище Индакар [Генинг, 1962, табл. II; Семенов, 1980, табл. II/43–46; Иванова, 1998, рис. 27/26], на раннебулгарских памятниках на Танкеевском и Немчамском могильниках [Казаков, 1992, рис. 13/53], в Лагереvских, Бекешевских и Старо-Халиловских курганах Южного Урала [Мажитов, 1981, рис. 38/7], у мордвы на Лядинском, Окском могильниках [Альбом, 1941, табл. XXX/4], у марийцев на Веселовском и Кочергинском могильниках

[Архипов, 1973, с. 35], в Белозерье на поселении Крутик [Сумина, 1999, рис. 8/4], в Прииртышье [Финно-угры и балты, 1987, табл. LXXVIII/7].

Автор статьи в своей диссертации пришла к выводу, что перстни со вставкой, как отмечали и другие исследователи, имеют свое происхождение из салтово-маяцкой культуры, но также производились и на местах [Моряхина, 2018, с. 68]. Персти с нечетко выраженными захватами, однозначно, относятся к местному производству.

Браслеты (6 экз.)

Тип 1. Дротовые (5 экз.).

Подтип 1. Круглые. Вариант а. С приостренными концами (2 экз. — п. 32, 44; рис. 1/1). Браслеты также обнаружены на Агафоновском II, Баяновском, Рождественском, Степаново Плотбище могильниках, Дойкарском, Саламатовском I городищах, происходят из коллекции Теплоуховых (Горт-Кушет). Датируются IX–XI вв.

Аналогичные изделия встречаются на раннебулгарских памятниках [Казаков, 1992, рис. 62/12], в Удмуртском Предуралье на Варнинском могильнике, на памятниках бассейна р. Чепцы IX–XIII в. [Семенов, 1980, с. 33], в Зауралье на Ликинском могильнике [Викторова, 2008, рис. 47/б], на памятниках кинтусовского типа, в Прииртышье на памятниках усть-ишимской культуры [Финно-угры и балты, 1987, табл. LXXXII/30, XCI/20], в Новгороде в слое X–XIV вв. [Седова, 1981, с. 94].

Подтип 2. Четырехгранные. Вариант а. С кружковым орнаментом (1 экз. — п. 71). Стоит отметить, что браслет был завернут в мех и бересту. Само погребение были совершено по типу кремации, находки располагались хаотично. Такие браслеты известны по материалам Баяновского, Каневского, Плесинского, Степаново Плотбище могильниках, на Анюшкар, Городищенском, Саламатовском I городищах.

Аналогичной формы, но не имеющие орнамента, изделия встречаются на памятниках неволинской культуры [Голдина, 2012, с. 43], у мордвы на Максимовском могильнике [Альбом, 1941, табл. XXVII/10], у муромы в VIII–IX вв. [Финно-угры и балты, 1987, табл. XXXIV/9]; с кружковым орнаментом — у марийцев в IX–XI вв. на Веселовском могильнике [Архипов, 1973, рис. 31/б].

Подтип 3. Шестигранные (2 экз.).

Вариант а. Без орнамента (1 экз. — п. 14; рис. 1/4).

Браслет происходит из детского погребения, и как в случае с другими детскими браслетами — концы изделия заведены друг за друга. Вероятно, браслет был передан ребенку от кого-то из взрослых, и чтобы он не спадал с руки, был согнут сильнее, чем обычно.

Вариант б. С кружковым орнаментом (1 экз. — п. 32; рис. 1/2).

Подобные браслеты обнаружены на Рождественском, Степаново Плотбище могильниках.

Аналогичные изделия известны на Неволинском могильнике [Голдина, 2012, с. 43], на Варнинском могильнике в Удмуртском Предуралье [Семенов, 1980, с. 33], на Больше-Тиганском могильнике в Волго-Камском междуречье [Халикова, 1976, с. 167–168], на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте [Мурыгин, 1992, рис. 19/16].

Браслеты подтипов 2 и 3 датируются IX–X вв.

Тип 2. Пластинчатые. Подтип 1. С граненым уплощением на концах (1 экз. — п. 32; рис. 1/3).

Браслеты также обнаружены на Баяновском, Запосельском, Плесинском, Степаново Плотбище могильниках и датируются IX–X вв.

Аналогичные изделия встречаются в Удмуртском Предуралье на Варнинском могильнике [Семенов, 1980, с. 33], на Больше-Тиганском могильнике в Волго-Камском междуречье [Халикова, 1976, с. 167–168].

Подвески (23 экз.).

Отдел А. Шумящие (13 экз.)

Тип 1. Арочные (3 экз.)

Подтип 1. Ажурные (2 экз. — п. 30; рис. 1/28). Подобные подвески есть в материалах Баяновского могильника.

Подтип 2. С изображением головы медведя (1 экз. — п. 16; рис. 1/29).

Подвески с изображением головы медведя получили широкое распространение в Пермском Предуралье и имеют разные вариации оформления щитка и привесок, найдены были на Аверинском II, Баяновском, Деменковском, Каневском, Урынском могильниках. На соседней территории известны на Варинском могильнике [Семенов, 1980, табл. V/11].

Р.Д. Голдина и В.А. Кананин отнесли подобные арочные подвески к IX в. [Голдина, Кананин, 1989, рис. 70].

Тип 2. Со стержневой основой (9 экз.).

Подтип 1. С креплениями для привесок понизу (4 экз.).

Вариант а. С насечками (3 экз. — п. 20, п. 68; рис. 1/25).

Вариант б. Гладкая (1 экз. — м/м). Такие подвески встречаются на Аверинском II, Плесинском, Урынском могильниках.

Подтип 2. С креплениями для привесок по бокам (1 экз. — п. 20).

Тип 3. С пластинчатой основой. Подтип 1. Основа, украшена четырьмя рядами насечек (1 экз. — п. 40; рис. 1/5). Похожая привеска была обнаружена на Аверинском II могильнике и в Удмуртском Предуралье на Варинском могильнике [Семенов, 1980, табл. V/11]. Р.Д. Голдина и В.А. Кананин их датировали VII в. [Голдина, Кананин, 1989, рис. 68].

Отдел Б. Плоские (6 экз.).

Тип 1. Кольцеобразные. Подтип 1. Псевдовитые (3 экз. — п. 11; рис. 1/30).

Тип 2. Колесовидные (3 экз.).

Подтип 1. Гладкие (1 экз. — п. 30).

Подтип 2. Ажурные (2 экз.).

Вариант а. Украшена расходящимися из центра линиями с насечками (1 экз. — п. 60; рис. 1/6). Аналогичные подвески найдены на Аверинском II, Агафоновском I, Висимском, Деменковском, Загарском могильниках. Похожие украшения встречаются на Неволинском могильнике [Голдина, 2012, табл. 170/1–3].

Вариант б. Украшена по кругу отверстиями в четыре ряда (1 экз. — п. 40; рис. 1/12)

Р.Д. Голдина и В.А. Кананин датировали ажурные подвески VIII в. [Голдина, Кананин, 1989, рис. 69].

Отдел В. Объемные. Тип 1. Подвески–ложки (4 экз.).

Подтип 1. Со стилизованным изображением головы животного или птицы на рукояти (2 экз. — п. 79; рис. 1/7).

Похожие подвески–ложки были обнаружены в Пермском Предуралье на Деменковском, Висимском, Загарском могильниках. Н.Б. Крыласова их датировала VIII–IX вв. [Крыласова, 2007, с. 59].

Подобные ложки со скульптурным изображением животного или птицы представлены в Удмуртском Предуралье в материалах Варнинского могильника [Семенов, 1980, табл. XXVIII/4, 5, 7], на городище Индакар [Иванова, 1998, с. 171].

Подтип 2. С рельефным изображением головы медведя на изгибе рукояти (2 экз. — п. 37, 66; рис. 1/13).

Ложки с изображением медведя известны по материалам Аверинского II, Плесинского, Урынского, Телячий Брод могильников, из местонахождений у д. Вакино, с. Гайны, д. Харино, д. Чажегово. Н.Б. Крыласова их отнесла к второй половине VIII – к первой половине IX вв. За пределами Пермского Предуралья такие находки редки: на Сайгатинском VI могильнике в Западной Сибири найдена бронзовая ложка с изображением головы медведя, на Старо-Халиловском кургане на Южном Урале — серебряная, голова медведя покоится на лапах [Крыласова, 2007, с. 63].

Пронизки (21 экз.)

Тип 1. Пронизки-трубочки. Подтип 1. С поперечными линиями на обоих концах (2 экз. — п. 60, 79). Такие же пронизки найдены на Аверинском II могильнике, на Неволинском могильнике [Голдина, 2012, табл. 173/12], в Удмуртском Предуралье на Варнинском могильнике [Семенов, 1980, табл. VII/47].

Тип 2. Спиральновитые (3 экз.).

Подтип 1. Цельновитые с псевдовитками (п. 54).

Подтип 2. Витые из узкой проволоки (2 экз. — п. 30).

Спиральновитые пронизки встречаются Аверинском II, Агафоновском I, Деменковском, Каневском, Огурдинском, Плесинском, Рождественском, Урьинском могильниках, на соседних территориях — в Удмуртском Предуралье на Варнинском могильнике [Семенов, 1980, табл. VII/72,73], у ранних болгар на Больше-Таганском могильнике [Халикова, Халиков, 2018, табл. 1/2].

Тип 3. Со вздутием (14 экз.).

Подтип 1. С одним вздутием (9 экз.).

Вариант а. С небольшим расширением (3 экз. — п. 79).

Вариант б. С заметным расширением (3 экз. — п. 79).

Вариант в. С прорезным заметным расширением (3 экз. — п. 49).

Подтип 2. С двумя вздутиями (5 экз.).

Вариант а. С небольшим расширением (3 экз. — п. 24, 68).

Вариант б. С заметным расширением (2 экз. — п. 23, 36).

Подтип 3. С тремя вздутиями. Вариант а. С небольшим расширением (1 экз. — п. 11).

Пронизки со вздутием получили широкое распространение в Пермском Предуралье — обнаружены Аверинском II, Агафоновском I, Деменковском, Каневском, Огурдинском, Плесинском, Рождественском, Урьинском могильниках. Аналогичные пронизки известны в материалах Варнинского могильника [Семенов, 1980, табл. VII/65, 66, 68], Неволинского могильника [Голдина, 2012, табл. 173/15, 174/6].

Тип 4. Зооморфные. Подтип 1. Птицеобразные без орнамента (2 экз. — п. 60, 79; рис. 1/14). Пронизки получили распространение в VII в. [Голдина, Кананин, 1989, рис. 68] на Аверинском II, Агафоновском I, Каневском, Висимском могильниках. На других территориях встречаются на Варнинском могильнике [Семенов, 1980, табл. VII/45], на Неволинском могильнике [Голдина, 2012, табл. 174/12].

Привески (14 экз.)Тип 1. Колокольчики (9 экз.).

Подтип 1. Без орнамента (3 экз. — п. 3, 12, 30).

Подтип 2. С ободком в верхней части (3 экз. — п. 3, 49).

Подтип 3. С ободком в верхней и нижней части (3 экз. — п. 54, 79).

Такие привески-колокольчики встречаются на Деменковском, Плесинском могильниках, на Неволинском могильнике [Голдина, 2012, табл. 173/1], в Удмуртском Предуралье на Варнинском могильнике [Семенов, 1980, табл. VII/26, 27, 29].

Тип 2. Колоковидные (3 экз. — п. 2, 49). Также известны по материалам Деменковского, Плесинского могильников.

Тип 3. Шариковидные (2 экз. — п. 49, 54). В Пермском Предуралье были найдены на Деменковском, Плесинском могильниках, на Неволинском могильнике [Голдина, 2012, табл. 173/10], в Удмуртском Предуралье на Варнинском могильнике [Семенов, 1980, табл. VII/21].

Пряжки (12 экз.).

Тип 1. Трехсоставные с округлым вращающимся кольцом и нависающим язычком. Подтип 1. С прямоугольной пластиной (2 экз. — п. 56, 80; рис. 1/20). Подобные пряжки встречаются на Митинском и Бурковском могильниках и датируются VI в. [Голдина, Кананин, 1989, рис. 67/4,8].

Тип 2. Цельнолитые с плоской задней пластиной, крепившейся к рамке при помощи штифтиков (4 экз.).

Подтип 1. С округлой задней пластиной (2 экз. — п. 14, 32; рис. 1/16).

Аналогичные пряжки найдены на Аверинском II, Агафоновском I могильниках и датируются VIII в. [Голдина, Кананин, 1989, рис. 69/1], на соседних территориях встречаются на Неволинском могильнике [Голдина, 2012, табл. 175/1–2], на Варнинском могильнике [Семенов, 1980, табл. X/25], у марийцев IX–XI вв. [Архипов, 1973, рис. 41/5], у ранних болгар на Танкеевском могильнике [Казаков, 1992, рис. 36/3, 5, рис. 59/38].

Подтип 2. С приостренной задней пластиной, украшенной насечками (2 экз. — п. 10, 12). Такие пряжки есть на Аверинском II, Урьинском, Загарском могильниках и датируются IX в. [Голдина, Кананин, 1989, рис. 70/1]. Похожие найдены на соседних территориях на Варнинском могильнике [Семенов, 1980, табл. X/26, 28], у марийцев IX–XI вв. [Архипов, 1973, рис. 41/12].

Тип 3. Цельнолитые восьмеркообразные. Подтип 1. Пряжка с овальным концом и прямоугольным приемником (4 экз.).

Вариант а. Узким приемником (1 экз. — п. 52).

Вариант б. Средним приемником (3 экз. — п. 24, 30, 53; рис. 1/8–9).

Подобные пряжки встречаются на Аверинском II, Баяновском, Каневском, Плесинском, Телячий Брод могильниках и наиболее характерны для IX в. [Голдина, Кананин, 1989, рис. 70/8]. Такие пряжки есть в материалах могильника Мыдлань-Шай [Генинг, 1962, табл. III/10, 12], на Варнинского могильника [Семенов, 1980, табл. XI/3, 9], у марийцев IX–XI вв. [Архипов, 1973, рис. 41/19–20], ранних болгар на Тетюшском, Танкеевском могильнике [Казаков, 1992, рис. 36/3, 5, рис. 59/52].

Тип 4. Рамчатые (2 экз.).

Подтип 1. Круглое кольцо (1 экз. — п. 56; рис. 1/19). Аналогичные изделия были обнаружены на Аверинском II, Агафоновском I, Деменковском могильниках и датируются VI в. [Голдина, Кананин, 1989, рис. 67/1].

Подтип 2. Прямоугольное кольцо с выступами (1 экз. — п. 80).

Накладки (101 экз.).

Тип 1. Штампованные с прорезью (9 экз.).

Подтип 1. Квадратные (3 экз. — п. 14; рис. 1/17).

Подтип 2. В виде прямоугольной трапеции (6 экз. — п. 14; рис. 1/18).

Такие накладки получили распространение с VIII в. [Голдина, Кананин, 1989, рис. 69/5–6] и на других могильниках Пермского Предуралья — Баяновском, Деменковском, Плесинском, на соседних территориях — на Неволинском могильнике [Голдина, 2012, табл. 181/1–13], могильнике Мыдлань-Шай [Генинг, 1962, табл. IV/3], Варнинском могильнике [Семенов, 1980, табл. XII/39, 45], у марийцев IX–XI вв. [Архипов, 1973, рис. 43/15], у ранних болгар на Танкеевском могильнике [Казаков, 1992, рис. 60/87].

Тип 2. Калачевидные с разомкнутыми концами (2 экз. — п. 14; рис. 1/15). Р.Д. Голдина и В.А. Кананин их датировали VIII в. [Голдина, Кананин, 1989, рис. 69/11]. Такие накладки известны еще по материалам Неволинского могильника [Голдина, 2012, табл. 182/21].

Тип 3. Круглые с петлей на обороте (1 экз. — п. 18). Встречаются также на Аверинском II, Огурдинском, Урьинском могильниках, а также в материалах Неволинского могильника [Голдина, 2012, табл. 182/12], Варнинского могильника [Семенов, 1980, табл. XIII/28].

Тип 4. Сердцевидные. Подтип 1. Со схематичным изображением личины (31 экз. — п. 10, 12, 23, 31, 54; рис. 1/10, 22). В Пермском Предуралье известны на Аверинском II, Баяновском могильниках и датируются IX в. [Голдина, Кананин, 1989, рис. 70/26].

На соседних территориях обнаружены на Невولينском могильнике [Голдина, 2012, табл. 181/1–13], на могильнике Мыдлань-Шай [Генинг, 1962, табл. IV/14].

Тип 5. Полуовальная пластина с прикрепленным свободно висющим кольцом.

Подтип 1. С растительным орнаментом (10 экз. — п. 1, 3, 12, 13, 23, 54; рис. 1/23). Подобные накладки были найдены на Аверинском II, Баяновском, Горт-Кушетъ, Рождественском, Степаново Плотбище могильниках. Как отмечала Н.Б. Крыласова, в Пермском Предуралье накладки получили распространение в IX–X вв. под влиянием салтовских прототипов [Белавин, Крыласова, 2008, с. 419]. Аналогии известны по материалам могильника Мыдлань-Шай [Генинг, 1962, табл. IV/19], Варнинского могильника [Семенов, 1980, табл. XIII/17], у ранних болгар на Танкеевском могильнике [Казаков, 1992, рис. 60/33].

Тип 6. Овальные. Подтип 1. С прорезью в нижней части. (1 экз. — п. 16). Также были обнаружены на Каневском, Урынском могильниках.

Тип 7. В виде полумесяца с двумя полушарными выступами (46 экз. — п. 3, 12, 23, 31, 54; рис. 1/21). Такие накладки встречаются на Баяновском, Рождественском могильниках. Известны также в материалах Варнинского могильника [Семенов, 1980, табл. XIII/2], марийцев IX–XI вв. [Архипов, 1973, рис. 43/43], Хусаиновском курганном могильнике на Южном Урале [Мажитов, 1977, табл. I/224].

Наконечники ремня (7 экз.).

Тип 1. В виде пластины, зажимающей ремень с двух сторон (1 экз. — п. 3). Такие же наконечники ремня есть на Аверинском II могильнике.

Тип 2. В виде продолговатой пластины (4 экз.).

Подтип 1. Узкая пластина. Вариант а. Неорнаментированная (2 экз. — п. 3, 32).

Подтип 2. Широкая пластина (2 экз.).

Вариант а. С выемкой в верхней части (1 экз. — п. 14). Подобный наконечник ремня есть в материалах Деменковского могильника, в Удмуртском Предуралье в материалах Варнинского могильника [Семенов, 1980, табл. XIV/3]. На Невولينском могильнике есть похожие наконечники ремня, но мечеобразной формы [Голдина, 2012, табл. 184/10].

Вариант б. С геометрическим орнаментом (1 экз. — п. 31). Похожий наконечник ремня найден на Аверинском II могильнике.

Наконечники ремня варианта а датируются VIII в., варианта б — IX в. [Голдина, Кананин, 1989, рис. 69/14, рис. 70/14].

Тип 3. В виде мечеобразной пластины (2 экз.).

Вариант а. С фигурными выемками по бокам (1 экз. — п. 57; рис. 1/24). Аналогичный наконечник ремня обнаружен на Аверинском II могильнике, на соседней территории на Невولينском могильнике [Голдина, 2012, табл. 184/8].

Вариант б. С геометрическим орнаментом (1 экз. — п. 54; рис. 1/11). Похожий наконечник ремня обнаружен у ранних болгар на Танкеевском могильнике [Казаков, 1992, рис. 59/20].

Наконечники ремня варианта а датируются VIII в., варианта б — IX в. [Голдина, Кананин, 1989, рис. 69/17, рис. 70/19].

Выводы.

На основе представленной классификации удалось датировать погребения (рис. 2), где были обнаружены украшения (33 погребения из 82, соответственно 40,2 %):

VI в. — п. 56, 80

VII–VIII вв. — п. 40, 60, 79

VIII в. — п. 14, 57

VIII–IX вв. — п. 11, 32, 37, 49, 65, 66, 68, 76

IX в. — 1, 2, 3, 4, 10, 12, 13, 16, 23, 24, 30, 31, 36, 44, 52, 53, 54, 71.

Как мы видим основная масса погребений относится к VIII–IX вв. На планиграфии (рис. 2) большая часть поздних погребений сконцентрирована в северо-

западной части могильника. Часть поздних погребений перемешана с более ранними — VII–VIII вв. в юго-восточной части. Погребения VI в. отдалены друг от друга, расположены в разных частях могильника. Материалы VI в. представлены всего двумя поясными пряжками. Для того, чтобы разобраться с ранней частью могильника необходимо рассматривать другие материалы памятника. Также можно допустить, что ранняя часть не сохранилась в результате обрушения берега, на котором расположен памятник.

По материалам Щукинского могильника заметно как менялся набор элементов костюма. В погребениях VI – нач. VIII в. обнаружен какой-то один вид украшений: пояс или подвеска+пронизка. В кон. VIII–IX вв. костюм становился более полным: в 13 погребениях было 2–4 элемента костюма, в 12 — по одному элементу. В поздних погребениях обнаружены височные кольца, пронизки, привески, подвески, перстни, браслеты, поясная гарнитура (пряжки, накладки, наконечники ремня). Височные кольца, привески, украшения рук не представлены в ранних погребениях.

На памятнике представлены типичные для ломоватовской культуры украшения, которые также распространены в полоумской и неволинской культурах. Обнаруженные изделия относятся к местному производству, изготовлены преимущественно по технике литья. Наибольшая схожесть отмечена с материалами Аверинского II могильника, что вполне закономерно, поскольку оба памятника расположены в Верховьях Камы и несколько отдалены от других, а также имеют одинаковую датировку. Аналогичные украшения, найденные на Щукинском могильнике, также встречаются у ранних болгар и марийцев, отдельные варианты изделий (височные кольца, браслеты, накладки, подвеска-ложечка) известны и по материалам могильников Южного Урала.

Библиографический список

1. Альбом древностей мордовского народа / Под. ред. Ю.В. Готье, А.И. Яковлев. — Саранск: Изд-е Мордовского НИИ, 1941. — 137 с.
2. Архипов Г.А. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. — Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1973. — 197 с.
3. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. — Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. — 603 с.
4. Викторова В.Д. Угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). — Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2008. — 208 с.
5. Генинг В.Ф. Мыдлань-Шай — удмуртский могильник VIII–IX вв. // Вопросы археологии Урала. — 1962. — Вып. 3. — С. 7–132.
6. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. — Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1985. — 280 с.
7. Голдина Р.Д. Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. — Том 21. — Ижевск, 2012. — 472 с.
8. Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье / Р.Д. Голдина, Н.В. Водолаго. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 1990. — 176 с.
9. Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники Верхней Камы / Р.Д. Голдина, В.А. Кананин. — Екатеринбург: Уральский ун-т, 1989. — 215 с.
10. Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). — Ижевск: УИИЯиЛ, 1998. — 309 с.
11. Иванова М.Г. Древнее удмуртское городище IX–XIII вв. — Ижевск: УИИЯиЛ, 1998. — 294 с.
12. Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. — Вып. 1. — Казань: ИЯЛИИ им. Г. Ибрагимова, 1971 — С. 94–156.

13. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. — М.: Наука, 1992. — 335 с.
14. Кананин В.А. Отчет об исследованиях в Афанасьевском районе Кировской области, проведенных летом 1977 года. 1978 // Архив ИА РАН. Ф. 1. Д. 6650.
15. Крыласова Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. — Пермь: ПГПУ, 2007 — 352 с.
16. Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. — М.: Наука, 1977. — 240 с.
17. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. — М.: Наука, 1981. — 164 с.
18. Мажитов Н.А. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII–XI вв.) // Хронология памятников Южного Урала. — Уфа: УНЦ ИИЯЛ РАН, 1993. — С. 119–140.
19. Моряхина К.В. Украшения рук средневекового населения Пермского Предуралья: дис. ... канд. ист. наук. — Пермь, 2018. — 746 с.
20. Мурыгин А.М. Печерское Приуралье: эпоха средневековья. — М.: Наука, 1992. — 182 с.
21. Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). — Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. — 432 с.
22. Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. — М.: Мосты культуры, 1999. — 375 с.
23. Подосенова Ю.А. Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья: дис. ... канд. ист. наук. — Казань, 2009. — 207 с.
24. Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). — М.: Наука, 1981. — 196 с.
25. Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник полоумской культуры. — Ижевск: УдмНИИ, 1980. — С. 5–135.
26. Сумина И.А. Металлические перстни средневекового Белозерья // Труды Государственного исторического музея. — 1999. — Вып. 111. — С. 167–189.
27. Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Под ред. Б.А. Рыбакова // Археология СССР. Т. 17. — М.: Наука, 1987. — 510 с.
28. Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // Советская археология. — 1976. — № 2. — С. 158–178
29. Халикова Е.А., Халиков А.Х. Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник) // Археология евразийских степей. Выпуск 25. — Казань: Изд-во «Фэн», 2018. — 144 с.

Сведения об авторе

Моряхина Кристина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. E-mail: kmoryaxina@mail.ru

Moryakhina Kristina Victorovna, Candidate of Historical Sciences, Assistant Prof. departments of national and general history, archeology, Perm State Humanitarian Pedagogical University. E-mail: kmoryaxina@mail.ru

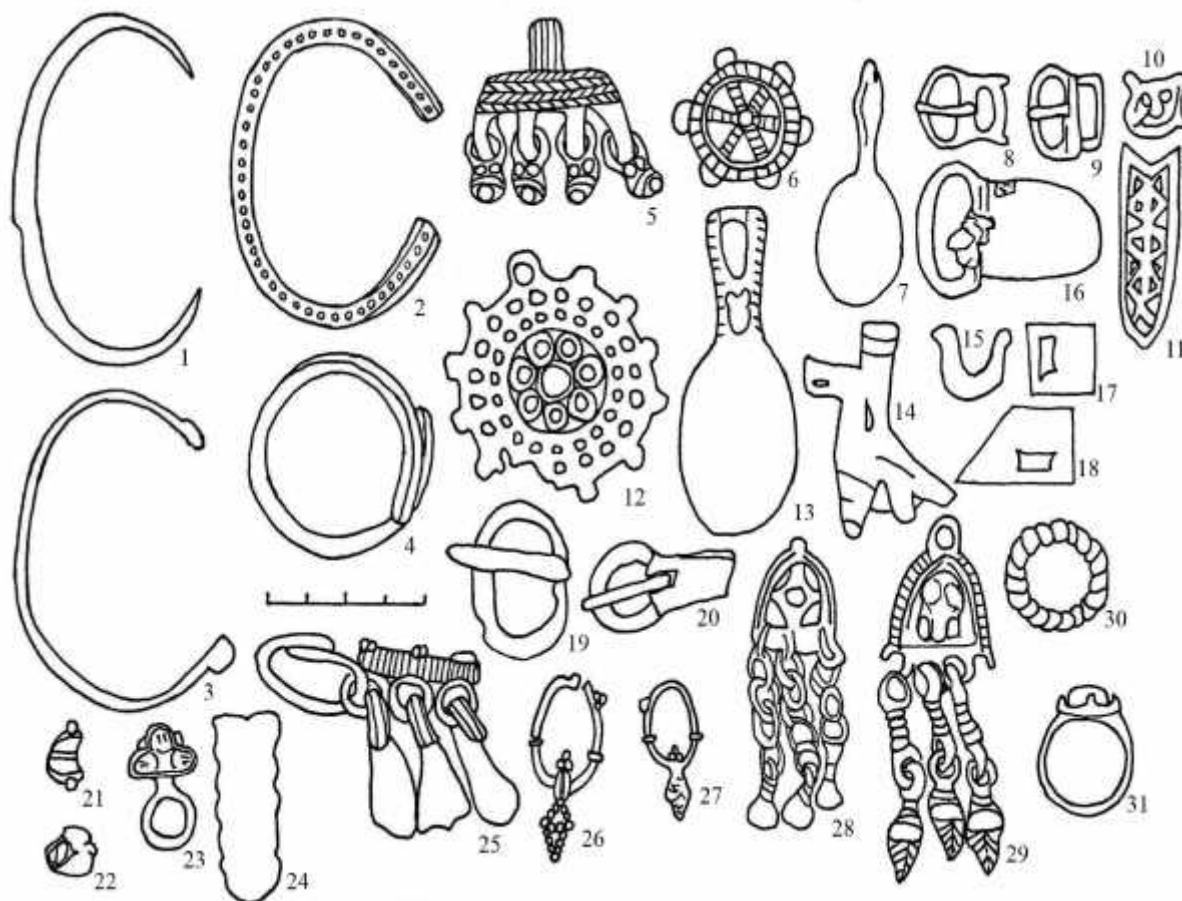

Рис. 1. Украшения Шукинского могильника

1-4 – браслеты, **5-7, 12, 13, 25, 28-30** – подвески, **8, 9, 16, 19, 20** – пряжки, **10, 15, 17, 18, 21-23** – поясные накладки, **11, 24** – наконечники ремня, **14** – пронизка, **26-27** – височные кольца, **31** – перстень.

1 – n. 44; **2-3, 31** – n. 32; **4, 15, 17-18** – n. 14; **5, 12** – n. 40; **6** – n. 60; **7, 14** – n. 79; **8, 27-28** – n. 30; **9** – n. 53; **10-11** – n. 54; **13** – n. 66; **16** – n. 14; **19-20** – n. 56; **21-23, 26** – n. 12; **24** – n. 57; **25** – n. 20; **29** – n. 16; **30** – n. 11.

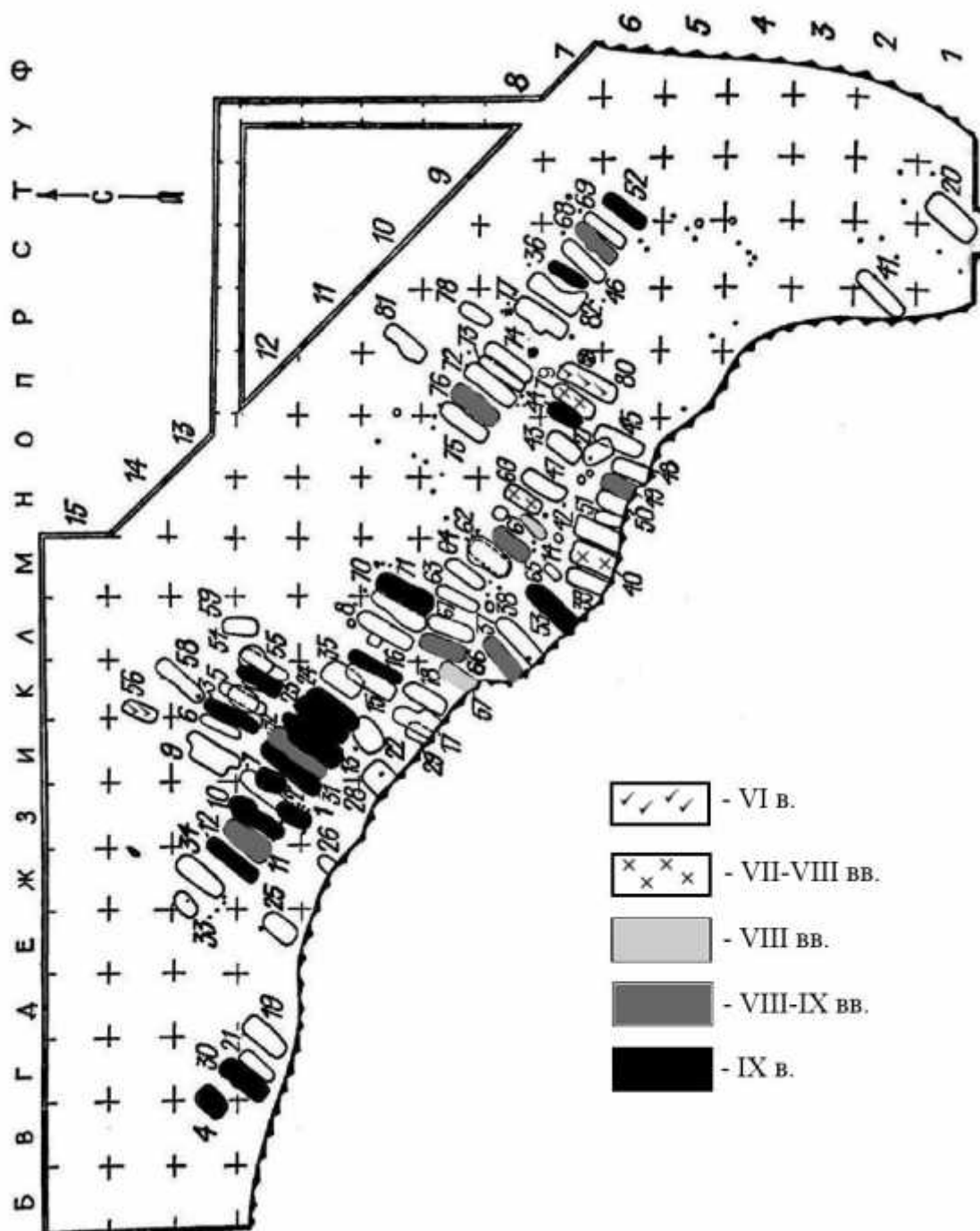

Рис. 2. Шукинский могильник (план по В.А. Кананину).
Схема развития могильника (по материалам украшений).

УДК 902

DOI: 10.24412/2658-7637-2022-21-80 -85

Ю.А. Подосёнова,^{1,2} А.Н. Сарапулов²
ГРИВНА ИЗ ЮВЕЛИРНОЙ И ЛИТЕЙНОЙ МАСТЕРСКОЙ РОДАНОВА
ГОРОДИЩА

¹Пермский федеральный научно-исследовательский центр УрО РАН, г. Пермь,
РФ

²Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г.
Пермь, РФ

При исследовании ювелирной и бронзолитейной мастерской, выявленной на городище Роданово обнаружены изделия, являющиеся сырьем (слитки из цветных и драгоценных металлов, лом) и ряд ювелирных украшений, изготовленных в мастерской. Среди изделий обнаружена серебряная гривна, информация о которой и вводится в научный оборот. Зачастую аналогичные гривны в научной литературе фигурируют под названием гривны «глазовского» типа, а их время распространения даётся исследователями достаточно широко – IX-XI вв. Однако, гривна из мастерской Роданово городища имеет отличительные особенности, которые могут являться хронологическими и территориальными признаками.

Ключевые слова: эпоха средневековья, Пермское Предуралье, Роданово городище, ювелирная мастерская, гривна глазовского типа, серебро, анализ металла, техника изготовления.

Yu.A. Podosyonova,^{1,2} A.N. Sarapulov²
A NECK-RING FROM A JEWELLERY AND CASTING WORKSHOP OF
RODANOV GORODISHCHE

Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm,
RF

Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Perm, RF

When studying a jewellery and casting workshop discovered at the gorodishche of Rodanovo, items that are raw materials (non-ferrous and noble metal ingots, scrap) and a number of jewellery made in the workshop were found. The article introduces into scholarly discourse the information about a silver neck-ring found among the items. Analogous neck-rings often appear in the scholarly literature under the name of the Glazov type neck-ring, and researchers date the time of their distribution quite widely – 9th–11th centuries. However, the neck-ring from the workshop of Rodanovo gorodishche has distinctions that may be dating and territorial features.

Keywords: mediaeval epoch, Perm region, Rodanovo settlement, jewellery workshop, Hryvnia of the Glazov type, silver, metal analysis, manufacturing technique.

Данная работа является продолжением цикла статей, посвященных введению в научный оборот материалов, обнаруженных в результате полевых археологических изысканий на средневековом городище Роданово в Пермском крае. В предыдущих работах были рассмотрены отдельные категории изделий из цветных и драгоценных металлов, производившиеся в ювелирной и литейной мастерской на Родановом городище [Крыласова и др., 2019, с. 56-72; Подосёнова, Сарапулов, 2021, с. 119-126],

* Исследование материалов мастерской выполнено при поддержке Министерства образования и науки Пермского края (соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.); полевые археологические исследования мастерской, а также изучение артефакта с помощью естественно-научных методов выполнено в рамках проекта и при поддержке гранта РФФИ и Пермского края 20-49-590001 p_a «Средневековое ювелирное наследие Пермского края: стилистические и химико-технологические особенности», а также при поддержке Фонда Президентских грантов, проект № 21-2-003496 «Археологи в музее».

изделия из кости [Сарапулов, Шмырина, 2022, с. 41-50], янтарь-сырец [Сарапулов и др., 2021, с. 156-168], нательные кресты [Сарапулов и др., 2020, с. 21-27].

Роданово (Полутово) городище, расположенное на высоком берегу Камского водохранилища, в д. Городище Юсьвинского района Пермского края, известно с XVIII в. Отдельные находки на нем представлены в коллекции А.Е. и Ф.А. Теплоуховых. В советское время памятник исследовался экспедицией ГАИМК под руководством А.В. Шмидта (1932 г.), А.В. Прокошева (1935 г.), М.В. Талицкого (1936–1937 гг.). Материалы легли в основу статьи М.В. Талицкого, посвященной Верхнему Прикамью в X–XIV вв. [Талицкий, 1951]. По имени городища названа родановская археологическая культура. Городище сильно разрушено Камским водохранилищем. С 2016 г. археологические работы на памятнике проводятся под руководством А.Н. Сарапулова. В целом на 2021 год исследованная площадь составила более 1000 кв. м. (с учетом раскопок 1932 г., 1935–1937 гг.). За время раскопок, проводимых в последние годы, в предвальной части городища была выявлена мастерская, где отливали украшения из цветных металлов (привески, пронизки, детали поясного набора) [Крыласова, Подосенова, Сарапулов, 2019] и изготавливали ювелирные изделия (височные украшения, подвески). Мастерская включала комплекс сооружений разного назначения. В 2017 г. в ее пределах была изучена прямоугольная яма размерами 3,0 x 2,05 м, глубиной 1,32 м от поверхности. В ней был выявлен разрушенный горн в виде скопления камней, шлака и глиняной обмазки. Горн располагался на глинобитной подушке и имел каменное устье, сложенное из крупных и мелких галек. На основе радиоуглеродного анализа яма датирована первой половиной XI в. Рядом с горном в расстоянии через 1 м располагались в ряд 6 квадратных ям размерами 0,8–1 x 1–1,2 м, глубиной 0,2–0,4 м. Над ними находились очаги на глинобитных подушках. Одна из ям, заполненная углем, интерпретирована как углежогная. В 2018 г. были изучены еще две ямы, связанные с мастерской. Над квадратной ямой № 1 размерами 2,75 x 2,75 м, глубиной 1,2 м от фиксации был сооружен дощатый настил, на нем – очаг на глинобитной подушке. Рядом находилась яма № 2 в виде квадратного котлована размерами 2,0 x 2,0 м, глубиной 1,28 м от поверхности, в ней были выявлены следы берестяного короба, содержавшего более 200 фрагментов цилиндрических тиглей и множество медных пластин. Здесь же и в подквадратном углублении, примыкающем к яме, найдено скопление полуфабрикатов поясных накладок. Находки – шлаки, фрагменты тиглей, медные пластины, проволока, предметы неопределенного назначения (лом), выплески металла и обрубленные литники, бракованные изделия и полуфабрикаты, железные зубила, бородки, шилья, точильный круг, точильные камни с пазами, оселки, фрагменты форм-изложниц, слитки металла и пр. – позволили интерпретировать указанный комплекс как литейную мастерскую, функционировавшую в XI – начале XII вв. В слое одного из объектов мастерской была обнаружена серебряная гривна, речь о которой пойдет в данной публикации (рис. 1).

Длительный контакт изделия с находками из цветных металлов повлек образование на его поверхности небольшой, легко отделяемой коррозии. Вес изделия 188,9 грамм. Диаметр 16-17 см.

Изделие представляет обруч, свернутый в полтора оборота, из кованного дрота многогранного сечения (6-7 граней). Центральная часть дрота (22 см) и концы (4,5-5 см от края замочной конструкции – петли или крючка) не орнаментированы и утончены (в среднем 5,3 мм). Остальные две части имеют орнамент имитирующий витье (25,5 см и 25,5 см, рис.1:в). На одном конце обруча петля, расположенная перпендикулярно плоскости изделия. Загнутый конец петли оканчивается спиралевидным завитком (рис.1: а). На другом конце – граненная многогранная (9 граней) головка квадратной формы (10,78x11,79 мм) небольшой высоты (0,51 мм) со срезанными верхними углами и верхней центральной площадкой ромбической формы (9,8 x 11,2 мм). Головка загнута

и развернута в внешнюю сторону, но находится вместе с гривной в одинаковой плоскости (рис.1: а).

Для изготовления изделия применялись достаточно простые операции: с помощьюковки придавалась многогранность литой заготовке дрота, формировалась петля и головка. Орнамент, имитирующий витье выполнялся с помощью торсирования (кручения граненой проволоки или дрота вокруг своей оси).

Серия рентгено-флюоресцентных анализов состава металла изделия показала, что его основа и зерно-филигранные элементы изготовлены из сплава с высоким содержанием серебра (Ag-Cu, где Ag в усредненном показателе более 89 %, табл. 1).

Похожие изделия из слегка ограненного дрота из серебра, утончающегося и гладкого в центральной части, орнаментированного спиральной нарезкой на концах получили название гривен глазовского типа. В немалом количестве такие изделия обнаружены в материалах памятников поломо-чепецкой археологических культуры, средневековых марийских могильниках Ветлужско-Вятского междуречья, средневековых могильниках мордвы и муромы Волго-Окского междуречья, в юго-восточном Приладожье, на финских и прибалтийских территориях. В целом период их распространения – VIII-XI вв., но в зависимости от территорий хронология может быть более узкой [Иванов, 1998, с.74-75; Зеленцова, 2018, с. 314-322; Леонтьев, 1996; Фехнер, 1967]. Вопрос о времени и месте появления гривен данного типа, а также центров их изготовления не однократно ставился в научной литературе. По мнению исследователей, техника изготовления, а также устройство и особенности размеров замочной конструкции являются региональными и хронологическими показателями [Зеленцова, 2018, с. 314-315]. Гривны глазовского типа или их фрагменты являются достаточно распространенной находкой и в материалах памятников ломоватовской и родановской археологических культур периода IX-XII вв. [Белавин, 2000, с. 85]. Однако точных аналогий рассматриваемому изделию ни в пределах обозначенных культур, ни за их пределами не обнаружено. Большинство изделий, рассмотренных авторами* и происходящих из кладов имеют отличающуюся замочную конструкцию – в основном представленную либо в виде двух загнутых граненных многогранных головок, либо в виде загнутой граненной многогранной головки на одном конце и петли с обрубленным окончанием на другом.

Как уже было отмечено, гривна происходит из слоя литейной и ювелирной мастерской. В одной из производственных ям мастерской были обнаружены серебряный слиток, напоминающий по внешнему виду болгарские серебряные слитки XII-XIII вв. [Руденко, 2015, с. 21] и явно недоработанное ювелирное изделие, датированное концом XI-XII вв. Также в одной из производственных ям был выявлен берестяной короб, содержащий инструментарий и металлический лом и скопление полуфабрикатов поясных накладок. На основе корреляции дат отдельных типов накладок яма датирована XI веком (преимущественно, первой половиной XI века) [Крыласова и др., 2019, с. 71]. Аналогичная дата – XI век – была получена и в результате радиоуглеродного анализа проб из других ям, обнаруженных также в пределах мастерской. Рассматриваемая гривна была явно связана не с литейным, а ювелирным комплексом, который функционировал, скорее всего, позже литейного. В настоящий момент остается только догадываться о назначении данной гривны. С одной стороны, гривна могла являться запасом сырья, для последующего изготовления

* Часть гривен была исследована в фондах музеев г. Перми и Пермского края, Государственного Эрмитажа (Редикарский клад 1908 г.), информация по гривнам из кладов, местонахождение которых в настоящее время не известно восстанавливалась по письменным и архивным источникам. В целом, была восстановлена информация о 77 гривнах, происходящих из Рождественского (Волгинского), Аниковского 1909 года, Мало-Шакшерского, Мальцевского (Калгановского), Пешнигортского, Чупинского, Редикарского 1883 года, Мелехинского, Амбор 1902 года, кудесевского, Горбуновского 1929 года, Верещагинского кладов.

ювелирных изделий. С другой – гривну мог изготовить сам владелец, с намерениями использовать её в последующем как денежный или сырьевой эквивалент. Важно отметить, что, рассматривая гривну создается впечатление о «недоработанной» вещи, по сравнению с гривнами из других памятников, исследованных авторами в фондах музеев – явно выраженные грани на участках изделия, свободных от декора, следыковки, заусеницы.

Библиографический список

1. *Белавин А.М.* Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2000. 200 с.
2. *Зеленцова О.В.* О ранней дате и месте гривенглазовского типа в древностях поволжских финнов // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А.Е. Леонтьева – М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 314-322.
3. *Иванов А.Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна Чепца в эпоху средневековья. Ижевск: Удм. ИИЯЛ; УрО РАН, 1998, 309 с.
4. *Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А., Сарапулов А.Н.* Производство элементов поясной гарнитуры в эпоху средневековья (по материалам раскопок Роданова городища 2018 г.) // Вестник Пермского университета. История. 2019. Вып. № 1 (44). С. 56–72.
5. *Леонтьев А. Е.* Археология мери. К истории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко, 1996, 340 с.
6. *Подосёнова Ю.А., Сарапулов А.Н.* Ювелирная подвеска с зерно-филигранным декором из ювелирной и литейной мастерской Роданова городища // Труды КАЭЭ, Вып. XIX, Пермь, 2021, С. 119-126.
7. *Руденко К.А.* Булгарское серебро. Древности Биляра. Казань: Изд-во Заман, 2015. 528 с.
8. *Сарапулов А.Н., Подосёнова Ю.А., Каменщиков О.Ю., Мокрушин И.Г.* Находки средневековых крестов на Родановом городище в Пермском крае // Труды КАЭЭ. № 16. 2020. С. 21-27.
9. *Сарапулов А.Н., Мокрушин И.Г., Красновских М.П., Иванов П.А., Каменщиков О.Ю., Подосёнова Ю.А.* Янтарь из раскопок средневекового городища Роданово на территории Пермского края // Археология Евразийских степей. Вып.3. 2021. С. 156-168.
10. *Сарапулов А.Н., Шмырина М.Е.* Об одной уникальной находке эпохи средневековья с территории Пермского Предуралья // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. №5. С.41-50.
11. *Талицкий М.В.* Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. 1951. № 22. С. 33–96.
12. *Фехнер М. В.* Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия, 1967. С. 55–88. (Тр. ГИМ. Вып. 43).

Сведения об авторах

Подосёнова Юлия Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории, археологии, этнографии ПФИЦ УрО РАН, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. E-mail: podosenka@yandex.ru.

Сарапулов Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории, археологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. E-mail: ans05@mail.ru.

Podosenova Yulia Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of History, Archeology, Ethnography of the PFIC of the Ural Branch of the Russian

Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of National and Universal History, Archeology of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. E-mail: podosenka@yandex.ru.

Sarapulov Alexey Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of National and Universal History, Archeology of Perm State Humanitarian Pedagogical University. E-mail: ans05@mail.ru.

Таблица 1. Результаты исследования химического состава металла гривны из Роданова городища

Место пробы*	Cu (%)	Ag (%)	Остальные элементы	Примечание
Дрот у начала петли	7,93	92,10	-	механическое очищение
Петля, верхняя часть	12,2	86,7	Fe, W	без очищения
Средняя часть без декора	11,80	87,4	Fe, W, As, Pb	без очищения
Дрот у граненой головки	10,5	88,9	Fe	без очищения
Дрот у граненой головки	10,8	88,8	Fe	механическое очищение
Многогранная головка	10,6	89,4	-	механическое очищение
Витая часть	6,72	91,5	Au- 0,68, Fe, W	без очищения
*Исследование химического состава металла было проведено с помощью рентгено-флюоресцентного анализа (использовался портативный рентгено-флюоресцентный спектрометр Bruker S1 Sorter).				

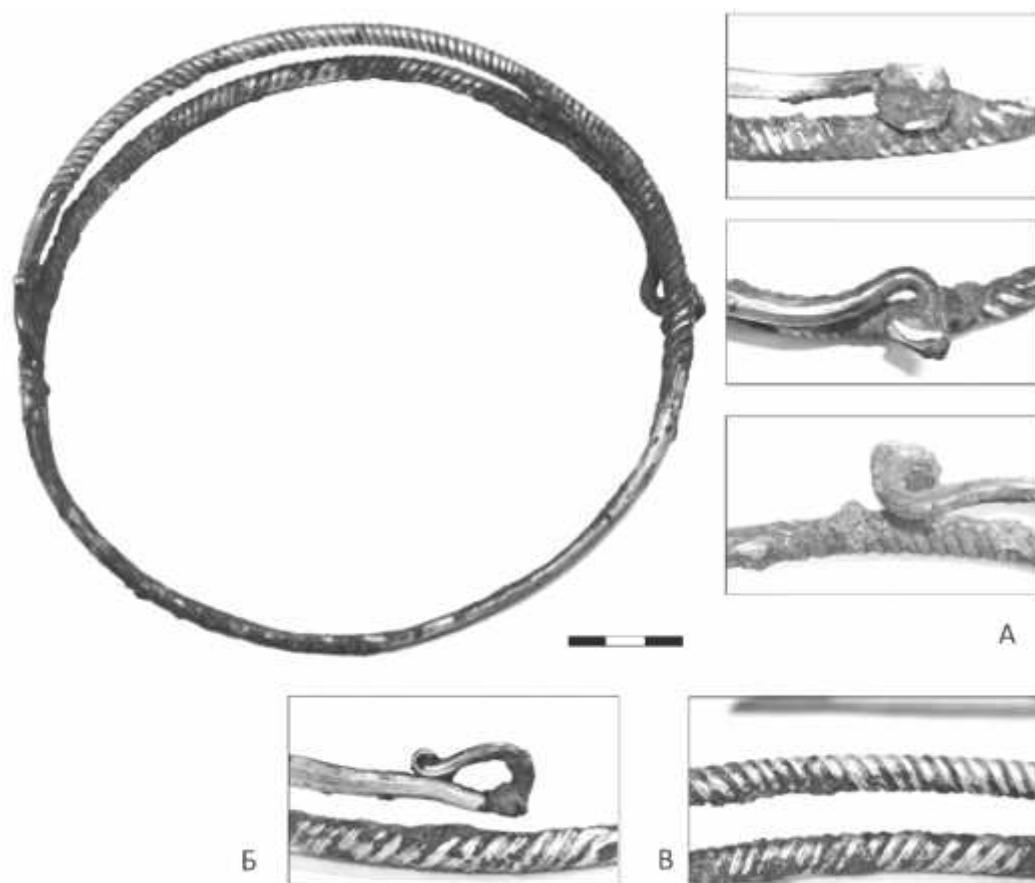

Рис. 1. Гривна из слоя ювелирной и литейной мастерской Роданово городища. а – устройство многогранной головки гривны, б – форма петли гривны, в – орнамент, имитирующий витье, торсирование.

УДК 902

DOI: 10.24412/2658-7637-2022-21-86 -94

К.А. Руденко¹**КРИЗИСНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ
В X – XIII ВВ. (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ)**¹Казанский государственный институт культуры, Казань,
Российская Федерация

История Волжской Булгарии в настоящее время рассматривается как единый поступательный процесс, наступивший в X веке и продолжавшийся до начала XIII столетия, когда это государство завоевали монгольские армии. В эту схему были включены и археологические материалы. Однако, даже в публикациях материалов раскопок городищ и селищ, были описаны случаи, когда их существование заканчивалось каким-либо событием, связанным со значительными разрушениями и следами насилия над жителями. Первые такие случаи были описаны при исследовании больших городищ – Булгара и Биляра. Они, как правило, связывались с монгольским нашествием или вторжениями иноземных войск ордынских правителей во второй половине XIV столетия. Для домонгольского периода также имелись сведения о случаях опустошительных разрушений, однако, ученые, как правило, ограничивались только констатацией этого факта. Комплексное изучение этого вопроса, показало, что было четыре кризисных трансформации, самыми важными из которых были те, что пришлись на рубеж XI - XII и XII веков, а самым ужасающим по своим последствиям – монгольское завоевание в первой трети XIII столетия. Археологическими признаками кризисных трансформаций являются зарытые в это время клады, следы разрушений на поселениях с человеческим жертвами, прекращения по этой причине функционирования поселений или замедление их развития. При наличии данных, можно к этому добавить антропологические изменения в составе населения, инновации в погребальном обряде или изменения в уже существовавшем. Также должны проследиваться и инновации в материальной культуре. Выдвинутая автором гипотеза, дает возможность понять динамику развития поселенческой булгарской структуры на протяжении домонгольского времени и тенденций развития материальной культуры этого периода.

Ключевые слова: Волжская Булгария, кризисные трансформации, кочевники, клады, хронология, булгарская поселенческая структура.

К.А. Rudenko¹**CRISIS TRANSFORMATIONS IN THE VOLGA BULGARIA IN X - XIII
CENTURIES (ACCORDING TO ARCHEOLOGY)**¹Kazan State Institute of Culture, Kazan, Russian Federation

The history of Volga Bulgaria is currently regarded as a single progressive process that began in the 10th century and continued until the beginning of the 13th century, when this state was conquered by the Mongol armies. Archaeological materials were also included in this scheme. However, even in the publications of materials from excavations of settlements and settlements, cases were described when their existence ended with some event associated with significant destruction and traces of violence against the inhabitants. The first such cases were described in the study of large settlements - Bulgar and Bilyar. They, as a rule, were associated with the Mongol invasion or invasions of foreign troops of the Horde rulers in the second half of the 14th century. For the pre-Mongol period, there was also information about cases of devastating destruction, however, scientists, as a rule, limited themselves to stating this fact. A comprehensive study of this issue showed that there were four crisis transformations, the most important of which were those that occurred at the turn of the 11th - 12th and 12th centuries, and the most horrifying in its consequences was the Mongol conquest in the first third of the 13th century. Archaeological signs of crisis transformations are treasures buried at that time, traces of destruction in settlements with human casualties, cessation of functioning of settlements for this reason or slowdown in their development. Given the availability of

data, one can add to this anthropological changes in the composition of the population, innovations in the burial rite, or changes in the already existing one. Innovations in material culture should also be traced. The hypothesis put forward by the author makes it possible to understand the dynamics of the development of the settlement Bulgar structure during the pre-Mongolian time and the development trends of the material culture of this period.

Keywords: *Volga Bulgaria, crisis transformations, nomads, treasures, chronology, Bulgar settlement structure.*

В X – начале XIII в. в Волжско-Камском регионе политической и экономической доминантой являлось государство Волжская Булгария. Это была страна с многочисленным населением и развитой поселенческой структурой. Последняя, в археологическом выражении, представлена 152 городищами и более чем полутора тысячей селищ [Фахрутдинов, 1975; Фахрутдинов, 1990, с. 71-78]. Остатки булгарских поселений (городищ и селищ) составляют поселенческие агломерации нескольких уровней [Руденко, 2014, с. 186-193]. На формирование и развитие агломераций разного уровня оказывало влияние большое количество факторов. В самом начале формирования булгарской поселенческой структуры в X в. решающую роль играли экономика (развитие земледелия, торговли, ремесел) и политика (ослабление метрополии – Хазарии, и в последней трети столетия достижение булгарами независимости). С XI в. стали проявляться и постепенно нарастать экологические проблемы (истощение пахотных земель, вырубка лесов в результате хозяйственной деятельности и расширения запашки, остепнение ряда территорий и т.п.).

Самыми действенными в функционировании булгарской поселенческой структуры с X и до первой трети XIII в. были так называемые «кризисные трансформации», которые являлись результатом внутренних и внешних военных конфликтов, приводивших к разрушению поселений или серьезным экономическим потерям. Этот термин был использован при исследованиях структуры расселения в X-XIII вв. в Суздальском Ополе, и вполне применим к Волжской Булгарии [Макаров, Федорина, Шполянский, 2018, с.23].

Определенными маркерами этих событий, являются:

1) клады монет, монетных слитков и ценных предметов, зарытые в эти периоды* [Фахрутдинов, 1975, с. 196, 197; Руденко, 2001, с. 322 – 331; Руденко, 2020, 7 – 33; Руденко, 2021, с. 122-135];

2) археологические памятники (городища и селища), прекратившие свое существование или имеющие следы значительных разрушений, что отразилось в стратиграфии и планиграфии;

3) останки жертв нападений: одиночные и коллективные захоронения, совершенные непосредственно на территории поселения. Эти признаки могут фиксироваться вместе или по отдельности, что зависит от степени изученности археологических памятников того или иного периода.

Источники по данной теме хорошо известны археологам-булгароведам. В первую очередь это 5-томная Археологическая карта, а также Свод булгаро-татарских памятников Р.Г. Фахрутдинова [Фахрутдинов, 1975, с. 28-48]. Так же им была создана классификация булгарских, ордынских и казанско-ханских городищ с указанием хронологических периодов их существования [Фахрутдинов, 1990, с. 71-78, табл.]. Равиль Габдрахманович опубликовал планы значительной части обследованных им городищ и, к сожалению, только частично, собранный на распаханых памятниках подъемный материал, с аналитическими выкладками по керамике [Фахрутдинов, 1981, 254-257, рис. 7-12]. Дополнительные сведения имеются в Своде памятников археологии РТ [Свод, 2007].

*Информация о них содержится в Археологической карте ТАССР (1981 – 1987).

Необходимо сказать и о исследованиях по фортификации болгарских городищ. Ее исследовал А.М. Губайдуллин, причем в вопросах датировки памятников и их интерпретации он следовал историографической традиции [Губайдуллин, 2002; 2019].

Особого внимания к датировке большинства городищ в целом, так и времени возведения укреплений авторы не уделяли, относя их, вслед за Р.Г. Фахрутдиновым в целом к домонгольскому времени – X – первой трети XIII в., даже в тех случаях, когда исследователи предлагали более узкую датировку памятника, например, Андреевского или Тигашевского городищ. Исключение составили Булгарское и Билярское городища, фортификация которых изучалась длительное время в том числе и вышеупомянутыми учеными, а также укрепления Старо-Куйбышевского городища, исследованного А.М. Губайдуллиным [Губайдуллин, 2019, с. 74-75]. А.М. Губайдуллиным также привлекались данные по укреплениям болгарских городищ из публикаций материалов исследований Суварского, Тигашевского, Андреевского, Джукетаусского и др. городищ [Губайдуллин, 2019, с. 67-69, 71-73]. Отметим, что Р.Г. Фахрутдинов, все же в ряде случаев, определял время существования болгарских памятников в рамках первой и второй половины домонгольского периода, хотя, в целом, исходя из имеющегося материала, датировал большую часть остальных домонгольским временем [Фахрутдинов, 1975, с. 35].

Также Р.Г. Фахрутдиновым были описаны фортификационные болгарские укрепления в виде длинных валов и рвов [Фахрутдинов, 1984, с. 67-70, рис. 8]. Правда время их сооружения Равилем Габдрахмановичем не уточнялось, поскольку специального их изучения не проводилось. Впрочем, исследователь предполагал, что их строительство было связано с монгольским нашествием.

Уточнение датировок болгарских памятников и их топографии было сделано по материалам разведочных работ автора в 1988 – 2007 гг. Некоторые коррективы по вопросам датирования болгарских поселений были сделаны после знакомства с археологическими коллекциями в Музее археологии ИА РТ.

Отметим, что Ф.Ш. Хузин и А.М. Губайдуллин считают болгарскими некоторые средневековые городища в современной Пензенской и Пермской областях, выделенные ими в отдельный тип, правда без аргументации такой атрибуции. При этом, если Ф.Ш. Хузин считал болгарскими 2-3 городища за пределами основной территории Волжской Булгарии, то А.М. Губайдуллин причислил к ним уже 6 памятников только в Пензенской области [Хузин, 2001, с. 182, 184; Губайдуллин, 2019, с. 37, 39, 87-91, 97, 98]. Мы эти памятники не рассматриваем [Руденко, 2007, с. 7, прим. 15].

Возвращаясь к теме кризисных трансформаций, отметим, что на болгарском археологическом материале такие ситуации зафиксированы четырежды. Первые два из них приходятся на Измерский этап болгарских древностей, по Е.П. Казакову (60-е гг. X – 80-е гг. XI в.) [Казаков, 2000, с. 24]. Это соответствует, упоминавшемуся в болгароведческой литературе понятию, «первая половина домонгольского периода». Третий этап – последняя треть – первая половина XII в. Последний этап – первая треть XIII в.

Первый период, который затронул только центральные районы проживания болгар, приходится на 960-е – 970-е гг. и связан, в основном, с поселениями в приустьевой части р. Камы: прекращением активной жизнедеятельности на Усть-Иерусалимском и Семеновском I селищах, и возрастании роли Измерского поселения, начало функционирования Билярского II селища [Казаков, 1991, с. 161]. Е.П. Казаков и Е.А. Беговатов считают, что причиной этого были военные события на волжском пути в середине 960-х гг. [Казаков, 1991, с. 161, 162]. Он маркируется несколькими кладами восточных монет, в том числе и с единичными монетами чекана Булгара: Болгарский (1895), Русско-Юруткульский (2010), Бураковский (2012).

Второй период 1020-е – 1050-е гг. определяется в основном по крупнымкладам восточных монет, зарытых в первой трети XI в.: Крещено-Баранский (1905)

состоявший из 614 монет и обломков, Билярский (2001) из 1768 целых и обломанных монет. Оба этих клада локализуются в непосредственной близости от Билярского городища [Беговатов, 2005, 3-42; Беговатов, Черняев, Храмченкова, 2012, с.23-28]. К этому же времени относится и ряд небольших кладов на поселениях в нижнем течении р. Камы в которых, как и в Крещёно-Баранском, присутствовали и западноевропейские денарии конца X – первой половины XI в. [Беговатов, Черняев, Храмченкова, 2012, с.23-24]. К кладам этого периода относится и Татарско-Толкишской денежно-вещевой клад 1907 г., зарытый в первой четверти XI в. [Даркевич, 1976, с. 50, 51, табл. 45/7]. В этот период прекращается поступление восточного монетного серебра на Среднюю Волгу и начинается выпуск литых монетовидных подвесок [Лебедев, Беговатов, Храмченкова, 2012, с. 173].

Первая половина XI в. была первым всплеском болгарской урбанизации, когда стали формироваться мезоагломерации и мегаагломерации. Примером последнего является рост территории Билярского городища. Вероятно, в это же время складываются и основные компоненты Суварского археологического комплекса. Одновременно происходит замедление роста территории Булгарского городища, а также ряда селищ, таких как Измерское, Рождественское VI и др. Вероятно, что аналогичные процессы шли и на поселениях близ Волги, в частности на Маклашеевской агломерации.

Но при этом, поселения этого времени, судя по монетным находкам, появляются в среднем течении р. Казанки (Русско-Урматское селище) на севере, и на востоке – на р. Шешме, [Бугарчев, Степанов, 2021, с. 12, табл. 1, фототабл. 1/1,2,3].

В этот период формируется комплекс памятников в левобережье р. Шешмы, на востоке болгарских земель. Часть из них (Елховская и Екатерино-Слободская агломерации) составляли единый поселенческо-фортификационный комплекс из земляных валов и расположенных вблизи их селищ и небольших городищ, иногда непосредственно связанных с валом и со своеобразной материальной культурой [Руденко, 2003, с. 251, 252, табл. 73,74; он же, 2007, с. 33]. В правобережье р. Шешмы известна только одна агломерация – Саклыкская [Руденко, 2007, с. 34, рис. 25/2; 28/Г, Д]. Судя по имеющемуся материалу, значительная часть этих поселений датируется концом X – первой половиной XI в. Во второй половине XI – XII вв. часть их прекращает свое существование, часть продолжает существовать, но площадь их существенно сокращается. Связаны с этими агломерациями поселения (преимущественно селища) в бассейне рек Челнинки и Толкишки – левых притоков р. Шешмы. Керамический комплекс этих селищ относится, преимущественно, к первой половине XI в. [Руденко, 2003, с. 242-246, табл. 64-68]. Не исключено, что в этот период сооружаются оборонительные валы в районе р. Елховки [Руденко, 2007, с. 33].

Появление и развитие вышеотмеченных агломераций связано с торговыми путями по р. Шешме и ее притокам в центральные районы Булгарии и на р. Каму. Судя по железным наконечникам стрел, найденных на поселениях расположенных в бассейне рр. Толкишки и Шешмы, можно предположить, что прекращение их развития, а где-то, видимо, и функционирования, приходится на XI в. [Руденко, 2003, с. 456, табл., №№ 917-923, табл. L]. Возможной причиной этого могли быть набеги кочевников. Косвенно, это подтверждают и данные антропологии, по изученным краниологическим сериям из Измерского, Старо-Куйбышевского, Семеновского II, «Четырехугольник» в Булгаре могильниках [Ефимова, 1991а, с. 46]. На основании этого было установлено, что в центральных районах Булгарии происходили процессы метисации различных групп населения.

Можно предполагать, что присутствие кочевников стимулировало частичный отток немногочисленных групп болгарского населения из Закамья в Предкамье, обозначив первую волну колонизации северных земель. Через несколько десятилетий, это же стало причиной прекращения поступления аскизских изделий из Южной

Сибири, что активировало начало производства местных их дериватов [Руденко, 2022б, с. 163-190]. Следствием вышеуказанных явлений стало формирование и развитие XIII группы традиционной керамики волжских булгар, выделенной Т.А. Хлебниковой [Хлебникова, 1984]. Также можно отметить, что в этот период происходит начало широкого использования эскарпа при возведении укреплений и увеличение числа городищ с круговой планировкой.

Третий период «кризисной трансформации» приходится на конец XI – первую половину XII в. К этому времени относятся вещевые клады: Кожаевский 1990 г., Курналинский 1958 г., Балыкульский, Сабакайский, а также клад слитков – Старо-Куйбышевский 1896 г. [Руденко, 2001, с. 330; он же, 2020, с. 27, №4; Кавеев, 1992, с. 105-109].

Этот период можно считать одним из пиков болгарской градостроительной активности и развития поселенческой структуры государства. Особенно много домонгольских памятников этого периода зафиксировано в Закамье. Но одновременно с этим, фиксируются и другие события: в это время были разорены или даже разрушены такие городища как Тигашевское на Буле, Андреевское на Волге, Красно-Сюндюковское в бассейне Свияги. Судя по имеющимся данным, следы пожара и разрушений имеются на Богдашкинском городище в Предволжье, которые, по материалам находок из котлованов погибших объектов, относятся к XI в. В Закамье пострадали городища Белогорское, Городок, Булгарское, Войкинские, Алексеевское и Старо-Куйбышевское. Помимо этого, также понесли урон селища: Остолоповское, Алексеевско-Лебяжское, Алексеевское VI и XII, Кожаевское IV, Старо-Куйбышевское V, возможно, Измерское и Саконское.

Стоит остановиться на Остолоповском селище, на котором зафиксированы не только следы сильных разрушений, причем настолько значительных, что поселение, практически полностью запустело, но и человеческие останки – целые костяки и части скелетов, как в объектах, так и в культурном слое, при этом и сам культурный слой оказался насыщенным мелкими костями от человеческих скелетов, например, фаланг пальцев рук и ног. Человеческие останки связаны со слоем разрушения, который датируется концом XI – началом XII в. [Руденко, 2017, с. 301]. Аналогичные случаи зафиксированы на Алексеевском VI и IV Старо-Куйбышевском селище. В Предкамье та же участь постигла Рождественское VI и Лаишевское селища.

Следствием этого стал отток части населения на рубеже XI – XII вв. и в первой трети XII в. вверх по Меше и появлению в ее среднем течении небольших поселений [Руденко, 2004, с. 109-110]. Аналогичные события происходили и в бассейне р. Казанки, только здесь беженцы переселялись на уже освоенные земли, например, на Русско-Урматское селище. Это была вторая волна внутренней колонизации в направлении с юга на север.

Следы кризисных событий были зафиксированы и на крупных болгарских городищах. Так, А.П. Смирнов, исследуя Суварское городище, отметил, что выявленная и изученная им кирпичная постройка в центре памятника была возведена в начале XI в. и разрушена в начале XII в., а затем восстановлена [Смирнов, 1941, с. 135-137]. На городище Кашан I при раскопках зафиксировано, что северная часть этого поселения была полностью разрушена, а в котлованах построек и вне их были обнаружены человеческие останки [Перескоков, 2014, с. 278-284]. Судя по сопутствующему материалу, это произошло не ранее конца XI в. – XII в.

Интересен и такой факт. Е.А. Халикова по итогам раскопок II некрополя на Билярском городище утверждала, что это кладбище перестало функционировать после «каких-то событий, связанных с массовой гибелью людей» которое произошло либо в конце XI в., либо в первой половине XII в. [Халикова, 1976, с. 121]. Она предполагала, что причиной этого могло быть военное нападение [Халикова, 1976, с. 130]. Кладбище возобновило свою деятельность в XII в. после некоторого перерыва, во время которого

здесь отложился культурный слой [Халикова, 1976, с. 128, 131]. В конце XII в. территория II Билярского могильника была перекрыта насыпью второй линии оборонительных укреплений внутреннего города Билярского городища, куда была включена и кладбищенская баня (т.н. «караван-сарай»).

В начале XII в. начал функционировать Билярский I могильник за валами внешнего города, в котором умершие хоронились в деревянных гробах, скрепленных железными коваными гвоздями с прямоугольными шляпками [Халикова, 1976, с. 136-137, 140]. Причем погребения в северной части некрополя (раскопы XI, XII) имели существенные отклонения от традиционного обряда: положение костяка, рук, поворота головы и т.п. Е.А. Халикова, исследовательница этого памятника, предположила, что это связано с «притоком в Биляр нового населения, у которого мусульманская обрядность окончательно еще не сформировалась» [Халикова, 1976, с. 148].

К этому можно добавить антропологическую характеристику этого населения. По данным антрополога С.Г. Ефимовой, оно составляет большинство не только на I могильнике, но также и на III и IV Билярских некрополях и представлено индивидуумами, которые по краниологическим параметрам, связано с коренным населением степной зоны Европейской части России [Ефимова, 1976, с. 169-185; она же, 1991, с. 122; 1991а, с. 66]. При этом, это население отличается от индивидуумов в ранней группе захоронений II Билярского могильника: у них длинная и узкая черепная коробка, менее выступающие носовые кости и более узкое лицо, что, по мнению С.Г. Ефимовой характеризует местное финноязычное население Волго-Вятского междуречья. Исследовательница считает, что это население составляло значительную часть городского населения Булгарии, причем в Биляре этот компонент преобладал среди женщин [Ефимова, 1991, с. 121-122, 129].

Мы выдвинули гипотезу, что кризис начала XII в. был связан с регулярными набегами кочевников [Руденко, 2022, с. 175-180; он же, 2022а, с. 242-257]. Можно предполагать, что все эти события разворачивались не одновременно, а на протяжении определенного времени. Главное, что они привели к новым вариантам развития агломераций, на большей части территории Булгарии, за исключением, возможно, восточных и южных областей. Судя по опубликованным материалам, именно после этих событий в Прикамье и в Посурье возникают или начинают активно развиваться болгарские анклавы, например, Рождественское городище в Пермском Предуралье [Белавин, Крыласова, 2008].

О переселении части болгарского населения, носителей керамики групп VII и VIII по Т.А. Хлебниковой, в Пермское Прикамье писала Н.А. Кокорина, утверждая, что это могло произойти в XII в., ссылаясь на материалы Кыласова городища, где она зафиксирована в слое XII – XIII в. вместе с круговой болгарской посудой [Кокорина, 2002, с. 29].

Появление на селищах в Волго-Камской пойме предметов конского снаряжения характерного для степных территорий [Руденко, 2007, с. 173, рис.62: 1,2], в том числе и с декоративным оформлением имеет аналогии в степных древностях конца XI - XII в. и у населения Северо-Восточного Причерноморья [Армарчук, 2006, с. 24, 30, 31].

Четвертой, последней «кризисной трансформацией» в истории Волжской Булгарии было монгольское нашествие 1232 – 1236 гг., которое стало причиной кардинального изменения системы поселенческих агломераций и их характера [Руденко, 2009, с. 444-451]. Пострадали многие крупные города, например, Биляр, а также Булгар [Полубояринова, 2003, с. 103-107]. По мнению Р.Ф. Шарифуллина и Ф.Ш. Хузина, Сувар после монгольского нашествия прекратил свое существование. Вероятно, что подобная участь постигла и многие поселения булгар, однако, пока точно подтвердить это археологическими изысканиями нет возможности.

Таким образом, на динамику развития болгарской поселенческой структуры домонгольского времени, а также на формирование облика материальной культуры

Волжской Булгарии оказали критические трансформации. Природу их в настоящее время не всегда точно можно выяснить: не хватает археологического материала для анализа. Наиболее вероятными причинами могут быть внешние факторы, причем достаточно регулярные. Таковыми могут быть кочевники, с которыми булгары граничили с юга. Нельзя исключать и внутренние конфликты, о которых мы практически ничего не знаем, за единичными упоминаниями в русских летописях о таких случаях.

По имеющимся материалам, можно предполагать, что на протяжении последней трети X – начала XI в. влияние кризисных явлений, вероятно, было не очень заметным. Но уже с конца XI века и в XII столетии, мы наблюдаем на различных памятниках следы разорений и разрушений, сопровождавшиеся человеческими жертвами. Где-то это привело к фатальным явлениям, когда поселения прекращали функционировать, где-то, спустя некоторое время, селения отстраивались заново. Кроме того, события этого периода, сопровождались возникновением новых поселений на северном пограничье булгарских земель. Очевидны и инновации в материальной культуре в этот период: появлении новых групп керамики, предметов вооружения и конского снаряжения. Последним таким событием, катастрофическим для всей Волжской Булгарии, было монгольское нашествие, после которого на протяжении не менее 50 лет произошло переформатирование булгарской поселенческой структуры, кардинальных перемен в материальной культуре.

Библиографический список

1. Армарчук Е.А. Конское снаряжение из могильников Северо-Восточного Причерноморья X – XIII веков. М. : ИА РАН, 2006. 226 с.
2. Беговатов Е.А. Заметка по нумизматике Прикаспийских государств рубежа X–XI вв. (Саманиды, Симджуриды, Буиды, Зийариды // Древности Поволжья: эпоха средневековья. (Исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Материалы II Всерос. конф. / Науч. ред. К.А. Руденко. Казань: Школа, 2005. – С. 3-42.
3. Беговатов Е.А., Черняев А.А., Храмченкова Р.Х. Новые находки западноевропейских монет и серебряных слитков в низовьях реки Кама // Исследования по средневековой археологии Евразии / Науч. ред. К. А. Руденко. Казань : «Школа», 2012. –С. 23-28.
4. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. – 603 с.
5. Бугарчев А.И., Степанов О.В. Монетные находки на территории Иски-Казанского археологического комплекса. Материалы X – XV вв. Казань : «Отечество», 2021. – 95 с.
6. Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань : ИИ АН РТ, 2002. – 232 с.
7. Губайдуллин А.М. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. // Археология Евразийских степей. 2019. № 3. – С. 4-322.
8. Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII – XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М. : Наука, 1976. –200 с.
9. Ефимова С.Г. Антропологические материалы из Билярских некрополей // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. – С. 169-185.
10. Ефимова С.Г. Формирование антропологического состава населения Биляра // Биляр – столица домонгольской Булгарии / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань : ИЯЛИ КНЦ, 1991. – С.117-130.
11. Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М. : Изд-во ун-та, 1991а. – 95 с.

12. *Кавеев М.М.* Клад ювелирных изделий с Кожаевского IV селища // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН, 1992. – С.105-109.
13. *Казаков Е.П.* Булгарское село X – XIII веков низовий Камы. Казань : Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.
14. *Казаков Е.П.* О становлении государственности Волжской Болгарии IX – XI вв. // Актуальные проблемы истории государственности татарского народа: Материалы научной конференции / Отв. ред. А. А. Арсланова. Казань: «Матбугат йорты», 2000. – С. 21-27.
15. *Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Болгарии второй половины XI – начала XV веков (к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). Казань: ИИ АНТ, 2002. 383 с.
16. *Лебедев В.П., Беговатов Е.А., Храмченкова Р.Х.* Монетовидные литые подвески Волжской Болгарии // Нумизматика Золотой Орды. 2012. №2. – С. 163-174.
17. *Макаров Н.А., Федорина А. Н., Шполянский С.В.* Большие поселения X – XI вв. и структуры расселения XII – XIII вв. в Суздальском Ополье: проблемы преемственности // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 8 / Отв. ред. Н. А. Макаров, сост. С. В. Шполянский. М. : ИА РАН, 2018. – С. 7-25.
18. *Перескоков М.Л.* Некоторые итоги исследования городища Кашан I в Республике Татарстан в 2013 г. // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований: Материалы VII научно-практической конференции «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвященной 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). Екатеринбург: Изд-во Горбуновой, 2014. – С. 278-284.
19. *Полубояринова М.Д.* Город Болгар в XIII веке // Русь в XIII в.: древности темного времени / Отв. ред. Макаров Н. А. , Чернецов А. В.; сост. : Коваль В. Ю. , Кузина И. Н. М. : Наука, 2003. – С. 103-107.
20. *Руденко К.А.* Булгарские клады (к вопросу о болгарской металлообработке XI — XIV вв.) // Древние ремесленники Приуралья: Материалы Всероссийской научной конференции (Ижевск, 21-23 ноября 2000 г.) / Отв. ред. В. И. Завьялов. - Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. – С. 322-348.
21. *Руденко К.А.* Железные наконечники стрел VIII — XV вв. из Волжской Болгарии. Исследование и каталог. Казань: Заман, 2003. 512 с.
22. *Руденко К.А.* Материалы к археологической карте Казанского ханства (по итогам работ в Западном Предкамье в 1995-1997 гг.) // Татарская археология. 2004. №1-2 (10-11). – С. 100-136.
23. *Руденко К.А.* Волжская Болгария в XI — начале XIII в.: поселения и материальная культура. Казань : «Школа», 2007. 244 с.
24. *Руденко К.А.* Монгольские завоевания и их отражение в материальной культуре народов Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья (XIII — начало XIV в.) (по археологическим данным) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г. А. Федорова-Давыдова. 30 сентября – 3 октября 2008 г. / Науч. ред. Л. Т. Яблонский. Азов: Издательство Азовского музея-заповедника Азов, 2009. С.444 - 451 (Донские древности. Вып. 10).
25. *Руденко К.А.* Стратиграфия Остолоповского селища XI – XII вв. в Алексеевском районе Татарстана // Археология Евразийских степей. 2017. №1. – С. 296-319.

26. Руденко К.А. Клады эпохи Волжской Булгарии на Старо-Куйбышевском археологическом комплексе в Татарстане: состав, датировка, интерпретация // Народы и религии Евразии. 2020. №4 (25). – С. 7-33. DOI: 10.14258/nreur(2020)4–01.
27. Руденко К.А. Перстни с чернью из Волжской Булгарии в контексте развития болгарского ювелирного ремесла // Средневековые искусства и ремесла. К 90-летию со дня рождения Татьяны Ивановны Макаровой / отв. ред. Н.В. Жилина. М. : Институт археологии РАН, 2021. – С. 122-135. DOI: [10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-352-7-122-135](https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-352-7-122-135).
28. Руденко К.А. Пойменные поселения Западного Закамья в XI – начале XV в. и кочевники // Археология евразийских степей. 2022. №3. – С. 175-180. DOI: 10.24852/2587-6112.3.175.180
29. Руденко К.А. Волжские болгары и тюркские кочевники в XI-XIV вв. (по археологическим материалам) // Степные миры в зеркале археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию ученого-археолога М. К. Хабдулиной / Нед. Т.С. Садыков, Б.М. Хасенова. Нур-Султан: ИП ARD-Print, 2022а. – С. 242-257.
30. Руденко К.А. Об особенностях материальной культуры народов Среднего Поволжья и Предуралья в XI – XII вв. (аскизский круг древностей) // Пензенский археологический сборник. Международный сборник научных трудов. Вып. 5 / Ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Институт регионального развития Пензенской области, 2022б. – С. 163-190.
31. Смирнов А.П. Сувар. Итоги раскопок 1933-37 гг. // Работы археологических экспедиций. М. : ГИМ., 1941. С. 135-171 (Труды ГИМ. Вып. XVI).
32. Свод памятников археологии Республики Татарстан. В 3-х т. Том 3 / Отв. ред. А. Г. Ситдинов, Ф. Ш. Хузин. Казань : ИИ АН РТ, 2007. 528 с.
33. Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань : Татар. кн. изд-во, 1975. 220 с.
34. Фахрутдинов Р.Г. Исследования болгарских городищ в Татарии и Ульяновской области (по разведкам 1967, 1970, 1971 гг.) // Советская археология. 1981. №1. – С. 242-260.
35. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М. : Наука, 1984. 216 с.
36. Фахрутдинов Р.Г. Классификация и топография болгарских городищ // Советская археология. 1990. №4. – С. 68-84.
37. Халикова Е.А. Билярские некрополи // Исследования Великого города / отв. ред. В. В. Седов. М. : Наука, 1976. – С. 113-168.
38. Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М. : Наука, 1984. 240 с.
39. Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань : «Мастер-Лайн», 2001. 480 с.

Сведения об авторе

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры (КазГИК), 420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 3. E-mail: murziha@mail.ru

Rudenko Konstantin A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Kazan State Institute of Culture (KazGIK), 420059, Kazan, st. Orenburg tract, 3. E-mail: murziha@mail.ru

УДК 902

DOI: 10.24412/2658-7637-2022-21-95 -102

М.Е. Шмырина^{1,2}**КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ГОРОДИЩА ИСКОР**¹Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Российская Федерация²Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Российская Федерация

В работе представлен обзор костяных изделий Искорского городища, расположенного на территории Верхнего Прикамья. Основной целью исследования является введение в научный оборот ранее неопубликованных костяных изделий, а также поиск аналогий и интерпретация предметов. Рассмотренные костяные предметы были подвергнуты классификации на группы в соответствии с функциональным назначением. Характер костяных изделий городища Искор может свидетельствовать об использовании памятника в качестве городища-святилища, о чем ряд авторов делает выводы, основываясь на иных признаках и фактах.

Ключевые слова: Пермское Предуралье, костяные изделия, средневековье, святилище*.

M.E. Shmirina^{1,2}**BONE PRODUCTS OF THE ISKOR SETTLEMENT**¹Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation²Perm State University, Perm, Russian Federation

The paper presents an overview of the bone products of the Iskor settlement, located on the territory of the Upper Prikamye. The main purpose of the research is the introduction of previously unpublished bone products into scientific circulation, the search for analogies and the interpretation of objects. The examined bone objects were classified into groups according to their functional purpose. The nature of the bone products of the Iskor settlement may indicate the use of the monument as a sanctuary settlement, about which the authors draws conclusions based on other signs and facts.

Keywords: Perm Pre-Urals, bone products, the Middle Ages, sanctuary, settlement.

Городище Искор находится в Чердынском районе Пермского края. Памятник расположен на высоком подтреугольном мысу, который с трех сторон – восточной, южной, и западной, имеет крутые каменные утесы, а с северной стороны опускается вниз покатой плоскостью [Корчагин, 2001, с. 6]. Также с северной стороны городище защищено тремя валами, возле которых не было сооружено рвов [Скорнякова, 2022, с. 44]. В ходе раскопок были выявлены, как средневековые комплексы, относящие в родановской археологической культуре (XI – XIV вв.), так и комплексы, относящиеся к периоду ранней русской колонизации Верхнего Прикамья (XV – XVI вв.) [Скорнякова, 2022, с. 45]. Наличие на площадке памятника значительного количества культовых сооружений позволило авторам раскопок сделать вывод о культовом характере городища [Оборин, 1976, с. 12]. Изученные постройки, относящиеся к ранним этапам существования памятника, также могут свидетельствовать о культовом назначении городища, ввиду непостоянности их использования и отличий в конструкции в сравнении с хорошо изученными родановскими жилищами [Оборин, 1976, с. 11].

Во время раскопок городища было встречено значительное количество костяных изделий. В общей сложности в коллекции городища Искор насчитывается 90 изделий из кости, которые можно разделить на следующие категории: орудия труда для домашних производств, предметы вооружения и охоты, украшения и детали костюма,

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Пермского края (соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.).

предметы гигиены, предметы досуга, предметы неопределенного назначения, заготовки и отходы производства.

Группа I – орудия труда для домашних производств насчитывает 28 изделий, что составляет более 30% от общего числа костяных предметов городища. В данную категорию включены предметы, используемые в различных бытовых практиках, а также необходимых для изготовления предметов обихода.

Подгруппа I – орудия труда для обработки кожи.

Отдел I – разбивальники (2 экз.), необходимые в первую очередь для разминания ремней. Срединная часть предметов имеет следы активного использования в указанных целях. Аналогичные разбивальники характерны для коллекций большинства поселенческих памятников Пермского Предуралья. Наибольшее количество разбивальников было встречено в материалах городища Анюшкар (109 экз.), Роданова городища (47 экз.) [Шмырина, 2021, с. 104]. За пределами территории Пермского Предуралья разбивальники также находят широкое распространение ввиду универсальности техники использования.

Отдел II – проколки (5 экз.), изготовленные из грифельных костей, имеют заостренный рабочий край. Среди исследователей существует мнение об использовании проколов не только для работы с кожей, но и берестой, войлоком, ввиду мягкости и податливости материала, который с легкостью можно проколоть с помощью слегка подточенной кости [Ленц, 2002, с. 227]. Аналогичные изделия также широко распространены в материалах прикамских памятников и на сопредельных территориях. В частности, проколки массово встречены в материалах городища Иднакар (648 экз.) [Иванова, 1998, с. 155].

Подгруппа II - орудия труда для прядения и ткачества.

Отдел I – кочедыки (7 экз.), необходимые для изготовления предметов из лыка, бересты, луба, кожи и прутьев. При помощи кочедыков могли изготавливаться корзины, сети, сумки и другие предметы, необходимые в быту. Зачастую кочедыки изготавливались из ребер или расколотых трубчатых костей животных [Ленц, 2002, с. 226]. Кочедыки были встречены на большинстве поселенческих памятников Пермского Предуралья. Аналогичные изделия содержатся в коллекциях городища Анюшкар, Роданова городища, Рождественского городища [Белавин, Крыласова, 2008, с. 276].

Тип I – неорнаментированные кочедыки без отверстий для привешивания (5 экз.). Изделий данного типа встречено большинство. Кочедыки сохраняют форму естественного сырья, рабочий конец подработан, ему придана заостренная форма. На рабочем крае предметов имеются следы залощенности, что свидетельствует об их активном использовании. Распространенность кочедыков с незначительными следами обработки обусловлена утилитарностью рассматриваемых изделий и активным их использованием в бытовых практиках средневекового населения Пермского Предуралья.

Тип II – орнаментированные кочедыки (2 экз.). Все предметы данного типа представлены фрагментами изделий, на которых сохранились орнаментальные композиции. Одно из изделий имеет геометрический орнамент из прочерченных линий и точек, складывающихся в композицию (рис.1:1). Аналогичные изделия широко распространены на территории Пермского Предуралья. Подобные мотивы были встречены на кочедыках городища Анюшкар, Вакинского селища [Шмырина, 2021, с. 105]. Второй фрагмент кочедыка имеет орнаментацию в виде изогнутых переплетенных линий, образующих две «косы». Вероятно, наименьшая распространенность орнаментированных, качественно выполненных кочедыков связана с их большей ценностью, а также усложненной техникой изготовления. Утилитарность, а также быстрый износ рабочей поверхности предметов не позволяли массово изготавливать кочедыки, имеющие высокохудожественную орнаментацию.

Отдел II – пряслица (9 экз.) (рис.1:3-5). Для изготовления пряслиц использовалась естественная форма сырья – изделия выполнены из срезанных эпифизов бедренных костей скота. Основным инструментом, используемым для прядения, являлось веретено [Ремесло и домашние производства средневекового Предуралья, 2017, с. 105]. В данном случае пряслице надевается на веретено в нижней или средней части, что придавало веретену более быстрое вращательное движение, необходимое при скручивании ниток. Костяные пряслица применялись для получения более плотной и толстой пряжи [Ремесло и домашние производства средневекового Предуралья, 2017, с. 106]. Зачастую пряслица изготавливались из глины или камня, в то время как пряслица из кости достаточно редки. На территории Прикамья аналогичные изделия известны в материалах Рождественского городища [Белавин, Крыласова, 2008, с. 278], а также городища Анюшкар [Ленц, 2002, с. 220]. Широкая распространенность пряслиц в материалах городища Искор может объясняться, как наиболее активным развитием прядения среди населения городища, так и их ритуальным значением. Исследователями Искорского городища не раз высказывалось мнение об исключительно культовом значении памятника, на котором средневековое население могло проводить различные обрядовые практики. В частности, святилище могло быть использовано для проведения обрядов троичко-семицкого цикла, связанного с культом плодородия [Корчагин, 2004, с. 56]. В данном случае пряслица могли использоваться исключительно в культовых целях.

Отдел III – шильце представлено небольшим (5,5 см) костяным изделием, имеющим заостренный рабочий край, с противоположной стороны присутствует отверстие для привешивания (рис.1:7). В настоящее время аналогичные костяные изделия используют для валяния шерсти. На данный момент не было встречено доказательств присутствия техники валяния на территории Пермского Предуралья, что может быть связано с недостаточной изученностью поселенческих памятников и плохой сохранностью шерсти в пермских почвах.

Подгруппа III – универсальные орудия.

Отдел I – рукояти.

Тип I – цельная рукоять шила (1 экз.) имеет Т-образную форму с округлой спинкой (рис.1:2). Рукоять имеет выступы с отверстиями для привешивания. Рукояти данного типа могут быть датированы XII – XIV вв. [Белавин, Крыласова, 2010, с. 100]. Происхождение Т-образных рукоятей традиционно связывается с территорией Прикамья, ввиду широкой распространенности подобных изделий на рассматриваемой территории [Белавин, Крыласова, 2008, с. 276]. Аналогичные изделия также можно встретить на территории Волжской Булгарии [Пальцева, Шакиров, Худяков, 2012, с. 210], городища Иднакар [Иванова, 1998, с. 161].

Тип II – составные рукояти (2 экз.).

Подтип I – навершие рукояти (1 экз.) представлено цилиндрическим предметом, расширяющимся к верхней части, имеющим отверстие в центральной и боковой части. Навершие орнаментировано прочерченными линиями по всей поверхности предмета. Подобные изделия призваны фиксировать части составных рукоятей в исходном положении. Аналогичные изделия широко распространены на памятниках средневекового Пермского Предуралья, в частности на Рождественском городище [Белавин, Крыласова, 2008, с. 274], городище Анюшкар, Родановом городище [Шмырина, 2021, с. 108].

Подтип II – затыльник (1 экз.) представлен пластиной каплевидной формы (рис.1:6). Затыльники были необходимы для скрепления конструкции наборной рукояти и располагались на ее окончании, формируя навершие. Зачастую затыльники имеют отверстия или же углубления для крепления [Пальцева, Шакиров, Худяков, 2012, с. 210]. В представленном изделии не обнаружено подобных элементов конструкции, что может говорить как о том, что предмет является заготовкой, либо же

крепился с помощью плотного прилегания поверхности. Аналогичные изделия широко распространены в материалах средневековых памятников, как Пермского Предуралья [Белавин, Крыласова, 2008, с. 274], так и сопредельных территорий. В частности, значительное количество затыльников встречено в коллекции Биляра [Пальцева, Шакиров, Худяков, 2012, с. 210] и Болгара [Закирова, 1988, с. 221].

Помимо представленных изделий был встречен один фрагмент составной рукояти, который ввиду степени сохранности, невозможно отнести к определенной части конструкции наборной рукояти.

Группа II – предметы вооружения и охоты. Рассматриваемая группа насчитывает 33 костяных предмета и включает наконечники стрел, а также изделия, необходимые для стрельбы из лука.

Подгруппа I – оружие дальнего боя.

Отдел I – костяная накладка на колчан (1 экз.) представлена подпрямоугольным изделием с фактурной орнаментацией на лицевой стороне поверхности предмета и двумя отверстиями для пришивания к колчану (рис.1:8). Изделие имеет качественную обработку, но было сломано. Костяные накладки были необходимы, как для придания жесткости колчану, так и художественного оформления. Аналогичные изделия известны в материалах городища Анюшкар, Рождественского городища [Белавин, Крыласова, 2008, с. 310], а также Биляра [Пальцева, Шакиров, Худяков, 2012, с. 325].

Отдел II – предохранительные приспособления включает предохранительный щиток для запястья при стрельбе из лука (рис.1:17). Щиток имеет форму продолговатого овального желоба с закругленными краями. Изделие не орнаментировано, имеется по два отверстия с каждой стороны для крепления. Примечательной особенностью предохранительного щитка являются активные следы использования при стрельбе из лука, представленные отметинами от тетивы. Аналогичные изделия были встречены на территории Рождественского городища в слоях XII – XIII вв. [Белавин, Крыласова, 2008, с. 311], городища Анюшкар. Также значительное количество защитных пластин встречается в материалах памятников Волжской Булгарии [Измайлов, 2008, с. 80].

Подгруппа II – предметы охоты.

Отдел I – наконечники стрел встречены в количестве 30 экземпляров. Значительная часть костяных наконечников представлена фрагментарно, либо же является заготовками. Вне зависимости от этого, все рассматриваемые изделия можно отнести к килевидным с плоским черешком (Тип 7 по А.Ф. Медведеву) (рис.1:12). Аналогичные наконечники стрел встречены на большинстве памятников Пермского Предуралья. В материалах Вятских городищ черешковые наконечники находят широкое распространение в IX-XII вв. [Медведев, 1966, с.88]. Распространенность исключительно представленного типа наконечников можно связывать, как с недостаточной изученностью памятника, так и с универсальностью формы.

Отдел II – манки, используемые для охоты на боровую дичь, были необходимы для подражания звуков, издаваемых птицами. Всего в материалах городища Искор был встречен 1 манок. Изделие представляет полую трубочку небольшого размера (5 см) с отверстием, с помощью которого имитировались звуки птиц. Устройство манков в целом достаточно типично для всех памятников Пермского Предуралья, различия наблюдаются исключительно в размере изделий, что обусловлено исходным сырьем и формой отверстий. Вероятно, в зависимости от формы отверстия извлекались различные звуки. Аналогичные изделия имеют обширное распространение на Прикамских памятниках, в частности городище Анюшкар [Ленц, 2002, с. 222], городище Купрос [Белавин, Оборин, Сарапулов, 2012, с. 29], Саламатовском городище [Абдулова, 2016, с. 14]. Большое количество манков встречено в материалах городища

Иднакар, где они интерпретируются, как пищики-манки для охоты на рябчиков, что подтверждается этнографическими данными [Иванова, 1998, с. 150].

Группа III – предметы гигиены.

Подгруппа I – копоушки (2 экз.) необходимы для очистки ушных раковин от загрязнений. На территории Пермского Предуралья копоушки, как предмет гигиены, получает распространение на рубеже IX-X вв. [Крыласова 2007, с. 291]. Ввиду художественного оформления копоушек, распространено мнение об использовании их в качестве элемента костюма. Мужчинами копоушки привешивались к поясу, женщины могли крепить к сумке [Иванова, 1998, с. 162].

Отдел I – пластинчатые копоушки, имеющие подпрямоугольную основу (2 экз.) не имеют насечек по краю, отверстия для привешивания выполнены в виде подтрапецевидной петли (рис.1:13,14). Оба изделия имеют трапецевидное сечение. Поверхность копоушек покрыта геометрическим орнаментом: в одном из случаев орнамент представлен циркульными кружками, расположенными по всей плоскости предмета, второе изделие имеет орнамент в виде прочерченных линий, имитирующих «рыбий хвост». Аналогичные изделия были встречены в материалах Рождественского городища, Кудымкарского городища [Крыласова, 2007, с. 285]. За пределами территории Пермского Предуралья копоушки данного типа широко распространены в чепецких материалах, в том числе на городище Иднакар [Иванова, 1998, с. 162].

Группа IV – украшения и детали костюма.

Подгруппа I – амулеты.

Отдел I – амулеты-натуралии (10 экз.) являются наиболее распространенными среди деталей костюма. К амулетам-натуралиям принято относить части скелета млекопитающих, птиц, рыб, моллюсков, которые не были подвергнуты дополнительной обработке помимо создания приспособлений для ношения. Для Искорского городища характерно наличие амулетов из костей костно-хрящевых рыб (4 экз.), таранных костей бобра (2 экз.), клыков и когтей медведя (3 экз.). Аналогичные амулеты-натуралии находят широкое распространение в коллекциях памятников Пермского Предуралья. Наиболее обширные коллекции амулетов принадлежат городищу Аюшкар [Ленц, 2002, с. 235], Роданову городищу [Коновалова, Шмырина, 2021, с. 113], Рождественскому городищу [Крыласова, Косинцев, 2021, с. 82], селищу Запоселье [Археологические памятники Чашкинского озера, 2014, с. 337].

Подгруппа II – детали костюма представлены подвесками и накладками.

Отдел I – костыльковые подвески (3 экз.) (рис.1:9-11) носили утилитарное назначение: за концы могли привешиваться наконечники, ножны и прочие предметы, при креплении к поясу [Белавин, Крыласова, 2008, с. 389]. Подвески имеют дугообразную форму с подквадратным или овальным выступом с отверстием для привешивания. Одно изделие имеет точечные орнамент, две другие подвески не орнаментированы. Аналогичные изделия представлены в материалах Рождественского городища [Белавин, Крыласова, 2008, с. 389], городища Иднакар, где они интерпретируются как застёжки для конской упряжи [Иванова, 1998, с. 128], Болгара, где данные подвески именуются застёжками недоуздка [Закирова, 1988, с. 226].

Отдел II – костяные накладки представлены в единственном экземпляре (рис.1:16). Накладка выполнена в форме ромба и имеет треугольное сечение. Со всех четырех углов накладка имеет отверстия, которые могли использоваться для пришивания. Поверхность изделия покрыта геометрическим орнаментом в виде прочерченных линий и циркульных кружков.

Группа V – предметы досуга в коллекции костяных изделий Искорского городища представлены игровой шашкой (1 экз.). Шашка представлена круглым плоским изделием с выточенными рельефными концентрическими кругами (рис.1:15). Аналогичные изделия известны, как на булгарских памятниках [Закирова, 1988, с. 231],

так и на пермских. В частности аналогичные шашки были встречены на Троицком городище [Корчагин, 2004, с. 23].

Группа VI – предметы неопределенного назначения, заготовки и отходы производства (11 экз.) включают костяные предметы, которые не удалось идентифицировать, как самостоятельные изделия, либо же, как составные части предметов. Значительная часть предметов имеет следы сверления, прочерченные линии, что может говорить о том, что они являются заготовками. Также встречены обрезки лосиных рогов, используемых для изготовления необходимых в быту предметов.

Представленная коллекция костяных изделий городища Искор является достаточно типичной для средневековых поселенческих памятников Пермского Предуралья. Рассмотренные 90 костяных предметов были разделены на шесть групп, исходя из их функционального назначения, что позволило сделать вывод о широком распространении использования костяного сырья среди населения городища Искор. Значительная часть изделий имеет аналогии в материалах археологических памятников, как Пермского Предуралья, так и сопредельных территорий. Существующее мнение об использовании площадки памятника в качестве городища-святилища подтверждается и коллекцией костяных изделий. В частности, об этом могут свидетельствовать умышленно сломанные вещи, предметы, которые возможно относить к обрядовым практикам троицко-семицкого цикла.

Библиографический список

1. Абдулова С.И. Противоаварийные исследования Саламатовского городища // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь: ФГБОУ ВО ПГГПУ, 2016. – С. 1-35.
2. Археологические памятники Чашкинского озера / Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Скорнякова С.В.. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2014. – 565 с.
3. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2008. – 603 с.
4. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Рукояти шильев в угорских древностях // Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Москва: «Ломоносовъ», 2010. – С. 97-102.
5. Белавин А.М., Оборин А.В., Саранулов А.Н. Городище Купрос: итоги полевых исследований // Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Пермь: Перм. гос. гуманитарн.-пед. уни-т., 2012. – С. 4-83.
6. Закирова И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988. – С. 218-242.
7. Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX—XIII вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. – 294с.
8. Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера». Вооружение, военное искусство и военная история Волжской Булгарии X-XIII вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. – 206 с.
9. Корчагин П.А. Отчет об археологических исследованиях на городище Искор Чердынского района Пермской области в августе-сентябре 2001 г. // Архив ГИООКН ПК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 122/7.
10. Корчагин П.А. Отчет об археологических исследованиях на Троицком городище в г. Чердыни и на городище-святилище Искор в Чердынском районе Пермской области в 2004 году // Архив ГИООКН ПК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 152.
11. Коновалова К.Ю., Шмырина М.Е. Костяные украшения и детали костюма из материалов средневековых поселенческих памятников бассейна Р.Иньва // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции, 2021. – № 19. – С. 112-118.

12. Крыласова Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2007. – 352 с.
13. Крыласова Н.Б., Косинцев П.А. Амулеты-натуралии из костей млекопитающих в средневековом Пермском Предуралье // Вестник Пермского университета. История. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. – С. 81-93.
14. Ленц Г.Т. Косторезное производство в Верхнем Прикамье // Очерки археологии Пермского Предуралья: Учебное пособие для студентов и аспирантов. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2002. – С. 213 – 239.
15. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Луки, стрелы, самострел VIII – XIV вв. // Археология СССР. Свод археологических исследований. Москва: Наука, 1966. – 184 с.
16. Оборин В.А. Отчет о раскопках в Пермской области в 1976 году // Архив ГИООНК ПК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 12.
17. Пальцева Д.У., Шакиров З.Г., Худяков А.В. Костяные предметы быта средневекового населения Биляра // Филология и культура: Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань), 2012. – С. 208-215.
18. Пальцева Д.У., Шакиров З.Г., Худяков А.В. Предметы вооружения и снаряжения Биляра из кости // Филология и культура: Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань), 2012. – С. 324-330.
19. Ремесло и домашние производства средневекового Предуралья: учеб. пособие / Н.С. Батуева, А.М. Белавин, Р.В. Бубнова и др. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т., 2017. – 138 с.
20. Скорнякова С.В. Отчет об археологических раскопках на территории объектов культурного наследия федерального значения «Мелехино I, могильник», «Искорское городище – древнейший центр раннефеодального княжества Перми Великой в XII – XV вв.» в Чердынском районе Пермского края в 2020 г.
21. Шмырина М.Е. Костяные орудия труда для домашних производств и предметы быта из материалов средневековых поселений бассейна р. Иньва // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции, 2021. – № 19. – С. 103-111.

Сведения об авторе

Шмырина Мария Евгеньевна, специалист научного отдела Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, магистрант Пермского государственного национально-исследовательского университета. E-mail: mashah98@mail.ru

Shmirina Maria, specialist of the scientific department of Perm State Humanitarian Pedagogical University, master student of Perm State University. E-mail: mashah98@mail.ru

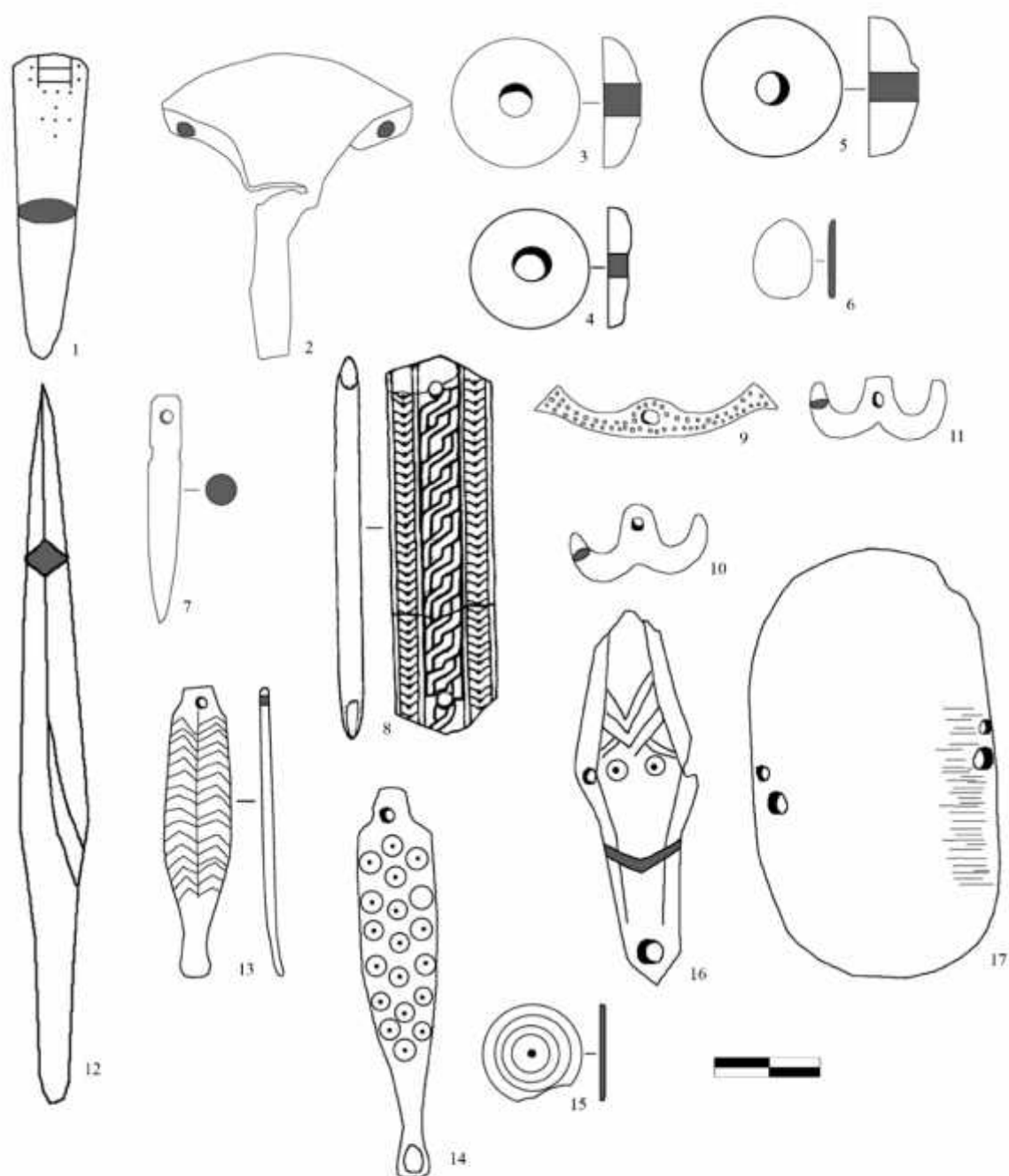

Рис.1. Костяные изделия городища Искор

УДК 903

DOI: 10.24412/2658-7637-2022-21-103 -113

А.В. Курбатов¹**РАЗВИТИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КОЖЕВЕННОЙ ЛЕКСИКИ
И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ**¹Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

На примере кожевнного ремесла показаны возможности разных научных дисциплин для всестороннего изучения данного направления материальной культуры в средневековом обществе. Учитываются исторические особенности русского средневекового общества, где сведения в письменных источниках о таких аспектах древней деятельности до XVI в. единичны, а для XVI – XVIII вв. отрывочны, выборочны и неравномерно сохранились по регионам. Этнографические сведения XIX – начала XX вв. показывают региональные и этнические традиции в способах выделки кож для Восточной Европы и Сибири, вероятно имевшиеся и ранее, но сегодня еще плохо вычлняемые в археологическом материале. Кроме того, определяются современные задачи и методы археологического изучения средневекового кожевнного ремесла.

Ключевые слова: русское средневековое кожевнное ремесло, историческая лексика кожевнного дела, развитие лексики и материальной культуры.

A.V. Kurbatov¹**DEVELOPMENT OF THE MEDIAEVAL LEATHERWORKING VOCABULARY
AND MATERIAL CULTURE IN RUSSIA**¹Institute for the History of Material Culture RAS, St. Petersburg, Russian
Federation

At the example of the leatherworking craft, the possibilities of different scientific disciplines for a comprehensive study of this area of material culture in the mediaeval society have been demonstrated. The historical peculiarities of the Russian mediaeval society are taken in consideration. Only in single instances information from written sources on these early aspects of such activities had survived until the 16th century while, for the 16th–18th centuries, it is fragmentary, selective and had not uniformly continued throughout different regions. Ethnographic evidence of the 19th – early 20th century suggests the existence of regional and ethnic traditions in the techniques of leather dressing in East Europe and Siberia. These traditions probably had been practiced earlier too, but now they are poorly distinguishable in the archaeological materials. In addition, the paper defines modern tasks and methods of archaeological investigation of the mediaeval leatherworking craft.

Keywords: mediaeval Russian leatherworking craft, historical leatherworking vocabulary, evolution of lexis and material culture.

Введение. Возможность сопряжения разных гуманитарных дисциплин была объективно заложена в работах филологов по русской исторической лексикографии [Ковтун, 1977]. Попыты соотнесения исторических наименований предметов древней культуры с самими материальными вещами средневековой эпохи можно видеть в монографических работах по терминологии древнерусского строительного дела [Поппэ, 1962] и военной лексике XI – XVII вв. [Сороколетов, 1970], а также в статьях по истории кожевнного ремесла [Курбатов, 2001a; Kowalska, 2009, s. 193 – 247].

В последние десятилетия для такого подхода сложились необходимые условия. Так, в научный оборот вводятся общие и региональные словари русского языка (Архангельский, Псковский и Новгородский областные, Этимологический словарь славянских языков, Словарь русских народных говоров, Словари русского языка XI –

XIV вв., XI – XVII вв. и XVIII в.), использующие наиболее полную академическую языковую базу – Картотеку словаря древнерусского языка в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Часть этих словарей опубликована не полностью, тем не менее, они вводят в научный оборот огромный блок исторической лексики, активно используемой историками материальной культуры.

Кроме того, с филологической и исторической точки зрения разобраны все берестяные грамоты, найденные в древнерусских городах. Они дают исследователям массив живой славянской, карельской, немецкой и иной разговорной диалектной лексики XI – XV вв. Также, обработаны и доступны отечественным исследователям записи слов и выражений русских, составленные в XVI – начале XVII вв. иностранцами, жившими в России [Ларин 2002]. На этой основе были рассмотрены данные по кожевенному делу [Курбатов, 2001б, с. 10 и сл.].

Не вызывает сомнений утверждение, что названия сортов кожи, орудий труда кожевников, оснащения мастерских, а также обуви и других кожаных изделий, на каждом историческом этапе, связаны с конкретными предметами материальной культуры. В разное время одни и те же инструменты и изделия могли называться по-разному и наоборот, одно наименование могло постепенно распространяться на различные предметы. При этом надо учитывать и случаи, когда было возможно одновременное существование нескольких названий – и общих, и локальных (местных или региональных).

В целом, следует полагать, что объем специальной профессиональной лексики прямо зависит от общего уровня развития технологии и техники ремесла. Поэтому представляется возможным проследить связь между вариантами названий в русском языке и технико-технологическим развитием средневекового кожевенного ремесла по археологическим материалам [Курбатов, 1999, с. 23 – 26; 2001а, с. 399 и сл.; Kowalska, 2005, s. 165 и сл.].

Определенное влияние на развитие бытовой и профессиональной лексики в истории оказывали переломные события в жизни государств и народов – изменение территории государства, смена правителей, развитие институтов управления и другое. В такие периоды происходили интенсивные языковые заимствования, в том числе, для ремесла. В частности, активнее внедрялись новые формы изделий и декора, в той степени, в которой привносимое новое отвечало укладу жизни и занятий населения. Надо полагать, что материальные новшества и способы их производства усваивались в новой среде вместе с названиями вещей и производственной терминологией.

Производственно-технологические аспекты историко-филологического исследования, рассмотренные с позиции историка материальной культуры, открывают новые ракурсы для понимания техники и технологии древних обществ, исторических закономерностей «скачков» в техническом прогрессе, дают новые интерпретации, казалось бы, устойчивым научным представлениям и хрестоматийным примерам, взятым из письменных источников. Например, среди историков признано, что наименования изделий из кожи, в частности, кожаной обуви, с позиции филолога достаточно полно и обстоятельно разобрал И.С. Вахрос [Вахрос, 1959]. В то же время, накопление огромного массива археологического материала, а также препарирование и издание лексического материала выявили необходимость дальнейшей разработке темы и пересмотра отдельных положений и выводов работы И.С. Вахроса.

Примером такого пересмотра уже с точки зрения историка материальной культуры можно назвать понимание содержания слова «лапоть». И.С. Вахрос дан наиболее полный разбор этого названия, а также показано, как в работах филологов [Вахрос, 1959, с. 16-32], историков-археологов [Арциховский, 1948, с. 236] и этнографов [Маслова, 1956, с. 717-718] название прочно стало ассоциироваться именно с берестяной плетеной обувью, которая прочно связалась с извечной бедностью крестьян. Однако десятилетия масштабных археологических раскопок в древнерусских

городах показали, то берестяных лаптей до XVI в. в них не было. Такое необъяснимое противоречие заставило по-новому взглянуть на вопрос. Надо полагать, что слово «лапоть» в древности относилось к низкой, примитивной, но кожаной обуви. Поэтому представление о древнем употреблении плетеной берестяной обуви уходит на второй план, а вопрос о бедности «лапотников» приобретает иной социальный подтекст. В контексте статьи ПВЛ под 985 г. пленным болгарам, обутым в сапоги, противопоставляются «лапотники». Здесь надо видеть, что племена болгар были кочевниками, для которых сапоги были основной обувью. Тогда как «лапотниками» Добрыня назвал сельских жителей, живших оседло, отчего и дань с них собирать было удобнее [Курбатов, 2001в, с. 230-231].

Надо отметить, то проделанная филологами работа дала возможность историкам материальной культуры использовать древнерусский лексический фонд при изучении археологических комплексов русского средневековья. Появились работы, в которых средневековая кожевенная терминология корректно сопоставлена с материалами археологии, например для Мангазеи первой половины XVII в. [Курбатов, Овсянников, 1999] и для Пскова начала XVII в. [Курбатов, 1994]. Проведен разбор известной древней терминологии с точки зрения развития технологии выделки кожи по материалам археологии и этнографии [Курбатов, 1997]. В целом, для изучения кожевенной лексики автор привлек практически весь пласт названий, связанных с кожевенным ремеслом, взятых из русских средневековых документов, включая материалы, инструменты, оборудование, приемы работы, массовые изделия и их детали [Курбатов, 2009, с. 284 и сл.].

Археологические материалы позволяют зримо конкретизировать терминологию, известную по письменным и изобразительным памятникам. Впервые были найдены плетеные «сандалии», которые в древнерусской письменной традиции прочно ассоциируются с монашеством и церковслужителями вообще [СлРЯ XI – XVII вв., 23, с. 56-57]. Их нашли в контексте двора и постройки первой половины XI в., открытой на Борисоглебском раскопе в Старой Руссе. Здесь был встречен выразительный комплекс церковных древностей: тонкие восковые свечи, деревянный сосуд с крестом в придонной части и орнаментом в виде рыбьей чешуи по бортику [Мусин, Торопова, Торопов, 2002, с. 174-187]. «В непосредственной близости от нее (постройки – А.К.) обнаружены детали обуви, плетеной из лыка и бересты с фрагментами веревок (сандалии?)» [Торопова, 2003, с. 92].

Анализ всего массива терминов и названий по теме кожевенного дела в русских средневековых документах показывает, что только с XVI – XVII вв. появляются наборы (заводы) специализированных названий инструментов, материалов, приспособлений и производственных операций. Сложение этого особого производственного глоссария протекало долгое время. Много восточных названий обуви и терминов в кожевенном ремесле появилось в русском языке с XIV – XV вв. Эти термины связаны: 1) с выделкой кожи — *лабаз, тузлук, шакиша, шадрик*; 2) с отделкой и сортами кожи — *булгара, мусат, сафьян, бахтарма, башка* [Поварнин, 1912, с. 234, табл. XIV]; 3) с наименованиями одежды и других предметов — *башмак, чулок, калита, карман* [Козырев, 1974, с. 9-25].

Развитая техническая лексика, сложившаяся в русском языке в XVI в., показывает значительные изменения в технологии выделки кожи и расширение сортамента кож, произошедшие к этому времени. Примером тому служит слово *юфть*, известное в русском языке с конца XV в. Специальное изучение этого названия показало, что источником для него служил персидский термин *джофт* — «пара». Трансформация звучания слова в *юфть* произошло уже в русском языке, при этом первоначальное значение слова сохранилось. Взрыв торгового интереса в обществах Запада и Востока к *русской коже* в XVI – XVII вв. привел к переносу слова в европейские языки — славянские, немецкий, английский, французский и другие, где оно

стало обозначать сорт кожи. Из этих языков слово возвращается в Россию уже в значении сорта «русской кожи». В обоих значениях слово бытовало в Московской Руси уже в первой половине XVII в. Хотя в документах XVI – XVII вв. *юфт* преимущественно означала счет парами и только с XVIII в. получило однозначное и повсеместное значение сорта кожи [Курбатов, 2002, с. 158 и сл.].

Крупный пласт инородной лексики вошёл в русский обиход при освоении Севера и Сибири в XVI – XVII вв. Так, в русском языке укоренились новые типы обуви вместе с их названиями – *коты*, *пимы*, *кисы*, *торбасы*, *тобуры* (*табуры*) и другие. Тогда же в русский язык вошли многие слова и термины, имевшие общеевропейское бытование, проникшие в Московию через Польшу, Литву, Румынию и Молдавию, в частности *боты* и *башмаки* [Курбатов, 2004, с. 81-89].

Сегодня можно говорить о различных формах взаимодействия разных дисциплин при изучении древнего кожевенного ремесла. Углубленное рассмотрение в исторической литературе и письменных документах позволяет установить значение отдельных терминов. Это касается не совсем понятного названия – «голизные кожи». Несколько лет назад на него указал и просил прокомментировать Денис Андреевич Хотимский из г. Бостон (Массачусетс, США). Сбор всех доступных письменных источников показал следующее. «Голизные кожи встречаются около 20 раз в документах XVII и XVIII вв. и преимущественно связаны с печатным делом. Так, в документах Московского печатного двора за 1649 г. читаем: «505 борановъ голизныхъ на матцы, цена по 14 рублей сто», а в документах о печатании книг и грамот в 1694 г. записано: «Книжные запасы: шездесят девят баранов голизных на матцы, ценою за баран по пяти алтынъ» [СлРЯ XI – XVII вв., 4, с. 61; Лихачев, 1898, с. 112-126].

При этом постоянно упоминание именно «голизных баранов» должно иметь техническое обоснование. «Матцы» в этом контексте – это кожаный мешочек, набитый шерстью, с рукоятью, служивший для набивания краски на литеры. Слово – это измененное итальянское «*mazzo*», означавшее «молот, колотушка, трамбовка» [Скворцова, Майзель, 1963, с. 504]. Встречаются и другие варианты употребления, как-то – «голизные выростки на тимпаны», где «тимпан» – это деталь печатного станка [СлРЯ XI – XVII вв., 9, с. 47]. Кроме того, в контексте переплетного и печатного дела упоминаются «голизные квасцы» (для посыпки на матцы) и просто «голизна» – как конкретный запасаемый материал, которым могли быть и «голизные квасцы», и «голизные бараны». Здесь же мы находим и «гвозди матцовые»: «[1649] 17900 гвоздей матцовых, цена по 5 алтын, по 4 денги тысяча» [там же].

Как выглядела «матца» нам известно по гравюрам XVI – XVII вв. На одной из них показана работа в мастерской-книгопечатне. На переднем плане мастер просматривает качество оттиска на листе, а справа от него стоит помощник и держит в каждой руке какой-то круглый инструмент, диаметром примерно 15 см, на ручке. Нижняя – рабочая – часть его не видна (рис. 1). Это и есть «матца». На второй гравюре «матца» лежит под столом, на боку и у нее хорошо видна нижняя, рабочая поверхность – выпуклая, полукруглая (рис. 2). Надо полагать, что это кожаная деталь, заполненная шерстью для придания объема. А закреплялась она на круглой деревянной основе по краю упомянутыми «гвоздями матцовыми».

Единственный известный случай употребления «голизных кож» вне явной и определенной связи с печатным делом – это «овчинные голизны» в качестве товара на Макарьевской ярмарке в 1720 г.: «Бурмистр казанского суконного завода Гаврило Никитин привез на продажу казенных 1800 овечьих «голизн» и 200 «козлов шерстяных» [Кафенгауз, 1958, с. 139].

Значение слова «голизный» вполне определенно видно по словарю XVIII в., это состояние голого («голизна тела, руки») или место, где ничего не растет [СлРЯ XVIII в., 5, с. 152]. Применительно к коже надо считать, что они были очищены от шерсти, но при этом способ выделки кожи остается неясным. Количество и контекст упоминаний

слова показывают ограниченный круг его использования и, что характерно, только в масштабе Московского печатного двора.

Такое положение заставляет присмотреться к первым мастерам книгопечатания в Москве, самым известным из которых является Иван Федоров. В книге, посвященной его жизни и деятельности, Е.Л. Немировский пытается ответить на вопрос о месте рождения мастера [Немировский, 1985, с. 14-22]. За основу он взял типографский знак Ивана Федорова, который определил как польский дворянский герб «Шренява» и «Дружина». В этом автора поддержал В.К. Лукомский, подтвердив идентичность знака с гербом «Шренява» белорусского дворянского рода Рагоза. Имя Федоров являлось не фамилией, а отчеством первопечатника. В архиве Краковского университета найден документ, говорящий о том, что в 1532 г. будущий книгопечатник был удостоен ученой степени бакалавра в Краковском университете под именем «Иван Федоров Москвитин». Исходя из того, что молодые люди записывались в университет в 15 – 18 лет и получали степень бакалавра через 2 – 3 года, Е.Л. Немировский предположил, что Иван Федоров родился около 1510 года.

В записях Краковского университета есть отметка 1529 г. о «Иване Федорове из Петковиц», что на территории Белоруссии, который окончил в 1532 г. курс и получил степень бакалавра. Польский исследователь В. Вислоцкий пришел к выводу, что это и есть «Иван Федоров, обычно называемый Москвитином». Также «Федор бакалавр свободных искусств» упоминается в пяти актах 1533-34 гг., как живущий в бурсе «Иерусалим» в Краковском университете.

Дальнейшие действия его неизвестны, но в 1564 г. в послесловиях к Апостолу 1564 г. и Часовнику 1565 г. Иван Федоров назван «дияконом» «Николы чудотворца Гостуньского», церкви, которая существовала в Москве с XV в.

На наш взгляд именно место рождения и привитый ему с детства язык объясняют появление в московском делопроизводстве печатного двора названия кож, нигде больше не фиксируемых, кроме одного упоминания на Макарьевской ярмарке. В украинско-русском словаре 1964 г. имеется слово *Гóлий* в двух значениях: 1) прил. голый; нагой; обнаженный; 2) суц. разг. голыш, нагота; разг. Голизна́ [Украинско-русский словарь, 1964, с. 137].

Сформулируем основные результаты изучения древнерусской лексики, связанной с кожевенным ремеслом и основанной на общем изучении древнерусской лексикологии [Черных, 1956]:

1) Для XI – XIV вв. профессиональная лексика в русской разговорной и письменной традиции почти полностью отсутствует; в древнерусское время названия кож не имели специального деления по сортам или способам их выделки на Руси, кроме терминов *деланая* и *неделаная* кожа и привозная сафьянная кожа — *тим*; некоторые названия обуви (*поршни*, *черевики*, *боты*) попали в относительно ранние источники при их позднейшей переписке и не отражают употребления слов в средневековой речи и письменности; отдельные названия, читаемые в берестяных грамотах (*гудзики*, *измази*) требуют иной трактовки при их соотнесении с материальной культурой [Курбатов, 20016];

2) Распространение в русском языке специальной лексики, связанной с кожевенным ремеслом, можно относить ко времени не ранее XIV – XV вв., но широкое распространение она получает только в XVI веке;

3) Значительное влияние на сложение профессиональной кожевенной терминологии и появление в лексике специфических наименований кожевенной продукции связано с усвоением определенных культурных блоков восточного происхождения в XIV – XV вв., а также позднее, при освоении русским населением Сибири и Севера в XVI – XVII вв.;

4) В XVI – XVII вв. определенное влияние на терминологию оказало расширение связей России со странами Западной Европы;

5) Археологические материалы и построенные на их основе этапы развития ремесла в русских городах соответствуют периодам изменений и заимствований, выделенных по письменным источникам.

В качестве сравнительных источников информации можно привлекать средневековые западноевропейские документы. В настоящее время их круг в значительной степени ограничен материалами, использованными в работах историков. Например, в работе Роя Томпсона приводятся строки епископа Элфрика (Aelfric) XI в., вложенные в уста саксонского мастера: «Я купил шкуры и кожи и Я (подготавливаю) их своим ремеслом, и Я делаю из них башмаки разных видов, кожаные голенища, туфли, кожаные чулки (рукава), бутылки и ремни упряжи, фляжки и *bougets*, кожаные воротники, кожаные завязки для шпор, недоуздки, сумки и кошельки и никто не желает провести зиму без моих изделий» [Курбатов, Матехина, 2004, с. 351].

Кожевенное ремесло представлено большим объемом археологических материалов в городах лесной зоны Восточной Европы, где культурный слой хорошо сохраняет органические остатки. Эти материалы ещё не дали ответов на широкий круг вопросов организации, технологии, техники выделки кож и пошива кожаных изделий. Сейчас проблематика выглядит шире, чем было ранее, а число направлений изучения значительно увеличилось. Однако сохраняются лакуны в хронологии и географии археологических и письменных данных. В разной степени города обеспечены источниками для каждого исторического периода (Киевская Русь, Ордынский, Московский) и более дробных временных диапазонов (столетий и их фаз). Сохранность древних слоев различается по регионам и даже в одном городе, примером чему можно назвать Владимир-на-Клязьме — классический город с «сухим» культурным слоем [Курбатов, 2008а, с. 171 и сл.].

Всестороннее изучение средневекового ремесла требует использования методов разных наук, например, для оценки сырьевой базы и способов выделки кож. Данные письменных источников о таких аспектах древней деятельности до XVI в. единичны, а для XVI – XVIII вв. отрывочны, выборочны и неравномерно сохранились по регионам. Этнографические сведения XIX – начала XX вв. показывают региональные и этнические традиции в способах выделки кож для Восточной Европы и Сибири, вероятно имевшиеся и ранее. Но в археологическом материале эти традиции ещё плохо вычлняются.

Кожевенное ремесло надо рассматривать как комплекс действий специалистов-кожевников по обработке животного сырья (шкур) для получения материала с иными свойствами (кожи), а также пошив из неё различных изделий. Это производство представляет технически и технологически сходную (для каждого региона, города) выделку кож определенными партиями. Последнее объясняется длительностью полного цикла выделки и потребностями жителей в регулярной замене кожаных изделий.

Объектом археологического изучения служит весь комплекс кожаных предметов, найденных на каждом участке раскопок памятника (города), а также предметы и объекты, связанные с пошивом, эксплуатацией и утилизацией кожаных изделий и отходов ремесла. Единицей изучения следует считать полный набор всех находок, включая мелкие обрезки, в рамках каждой таксономической единицы полевой фиксации (слой, квадрат, комплекс). Современное исследование ставит задачу максимально полного раскрытия возможностей средневекового общества преобразовывать сырой животный материал в искусственный — кожи, а также показ всей широты использования кожи в жизни и способы утилизации отходов. Объем наших знаний сегодня определяет перспективный комплекс задач и методических подходов:

1. Максимально полный сбор материалов на каждом памятнике, помогающий определять назначение каждой археологической находки;

2. Фиксация археологического контекста и выявление участков производственной деятельности кожевников, мест и способов утилизации отходов производства;

3. Определение назначения отдельных деталей в изделиях, реконструкция формы, техники конструирования, пошива и декора изделий для последующей их систематизации и типологии;

4. Археологическая интерпретация и связь находок со строительными комплексами, конкретизация особенностей пошива и использования изделий, разделение участков застройки по характеру деятельности, определение изменений в ремесле по историческим периодам;

5. Конкретизация места кожевного ремесла в хозяйстве древнего социума в контексте историко-культурной интерпретации археологических данных.

Методика исследований включает комплексный анализ письменных, археологических и изобразительных источников, данные этнографии и современного кожевного производства. Массовость археологических кожаных предметов позволяет применять статистический анализ коллекций, учитывающий планиграфию находок. Для изучения древних вещей привлекаются естественнонаучные методы, в том числе гистология кожи и спектрально-эмиссионный анализ металлических деталей.

В изучении ремесла выделяются три основные направления: технико-технологическое, вещеведческое и историко-культурное, которые предельно широко охватывают все виды источников. Принципиально важным является дальнейшее увеличение объема археологических материалов и расширение географии изученных памятников, что позволит выделить региональные черты кожевной деятельности. Здесь можно отметить введение в научный оборот материалов, полученных в городах, где ранее кожаные предметы не находили, например в Вологде [Андрианова, Федоров, 2012; Ганина, 2000]. Приоритетом остаются представительные коллекции с «узкими» хронологическими рамками отдельных комплексов. На их основе строятся типохронологические колонки по видам кожаных изделий в каждом городе. Одно из направлений — это изучение ремесла в контексте развития средневекового города, в частности, размещение кожевенных мастерских, их техническое оснащение, специализация и профессиональное обучение в средневековой Руси [Курбатов, 2011а, с. 157-158].

Комплексное изучение позволяет дать археологическим кожевенным материалам новую историко-культурную интерпретацию. Например, статистическая оценка массовых предметов (обуви) помогает решать вопросы палеоэтнографии средневекового города. Определяется половозрастной состав горожан, специфика повседневного ношения, специализация отдельных видов обуви, деформация и заболевания ног. Стандарты массового пошива позволяют выявить в русских городах единичные вещи западного и восточного изготовления [Курбатов, 2011б, с. 183 и сл.].

Особое направление изучения средневековой культуры составляет история одежной моды. Сегодня внесены коррективы в оценку длительности бытования в русских городах идентичных видов обуви. Становится очевидной тенденция изменения формы изделий, техники пошива, способов и мотивов декора в рамках 2-х поколений (40 – 50-и лет). Смена технических и декоративных приемов отражает стилевые направления в кожевенной продукции и собственно «моду». Сходные тенденции отмечены и в странах Западной Европы [Курбатов, 2005, с. 231 – 244; 2008б, с. 472 – 476].

Принципиальная широта подхода к изучению средневекового русского кожевного ремесла требует создания всеобъемлющей источниковой базы. Этот подход реализован в работе автора, куда включены представительные археологические коллекции из 16-и городов Восточной Европы и Сибири [Курбатов, 2012]. Кроме них привлечены находки и аналитические разработки и других городов средневековой Руси

– России. Сравнительное изучение проведено на широком фоне материалов из разных регионов Восточной и Западной Европы.

Библиографический список

1. Андрианова Л.С., Фёдоров А.С., 2012. Кожаная обувь из раскопок на Кремлёвской площади в Вологде// Археология Севера. Вып. 4. Череповец: Череповецкое музейное объединение /Ред. А.В. Кудряшов/ С. 82-91.
2. Арциховский А.В., 1948. Одежда // История культуры древней Руси. Домонгольский период. Т. 1. Материальная культура. Под ред. Н.Н. Воронина, М.К. Каргера, М.А. Тихановой. М.-Л.: Изд. АН СССР. – С. 234-262.
3. Вахрос И.С., 1959. Наименования обуви в русском языке. 1. Древнейшие наименования до петровской эпохи // Ежегодник Института по изучению СССР и Финляндии. Приложение к № 6/10. Хельсинки.
4. Владимиров Л.И., 1988. Всеобщая история книги. Древний мир. Средневековье. Возрождение. XVII век. М.: Книга. – 312 с.
5. Ганина Ю.В., 2000. Обувь жителей древней Вологды // Вологда. Краеведческий альманах. Гл. ред. М.А. Бензин. Вып. 3. Вологда: Русь. – С. 78-92.
6. Кафенгауз Б.Б., 1958. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века (по материалам внутренних таможен). М.: Издательство Академии наук.
7. Ковтун Л.С., 1977. Древние словари как источник русской исторической лексикологии. Л.: Наука. – 110 с.
8. Козырев И.С., 1974. К вопросу об изучении тюркизмов в русском языке // Тюркизмы в восточнославянских языках. М.: Наука. – С. 9-25.
9. Курбатов А.В., 1994. Опыт исторической интерпретации изделий кожевенно-обувного производства// Древний Псков. Исследования средневекового города. Материалы конференции, СПб, 20-21 мая 1992 г. СПб. – С.86-90.
10. Курбатов А.В., 1997. Данные этнографии в реконструкции русского средневекового кожевенного производства // ПСКОВ. Т. 1. СПб-Псков. – С.367-373.
11. Курбатов А.В., 1999. Кожевенная терминология и материальная культура // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. ТД НК. М. – С. 23-26.
12. Курбатов А.В., 2001а. Кожевенная терминология и материальная культура // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск. – С. 399-416.
13. Курбатов А.В., 2001б. Кожевенное производство в лексике берестяных грамот // Староладожский сборник. Вып. 4. СПб-Старая Ладога. – С. 10-21.
14. Курбатов А.В., 2001в. К истории лаптя на Руси (жизнь историографических мифов XVIII в.)// ТАС. Вып. 4, т. II. Тверь. – С. 225-233.
15. Курбатов А.В., 2002. «Юфть»: историко-археологический комментарий // Староладожский сборник. Вып. 5. СПб-Старая Ладога. – С. 158-174.
16. Курбатов А.В., 2004. Этапы развития кожевенного ремесла в средневековой России // НАЧ. 2. Вел. Новгород. – С. 81-89.
17. Курбатов А.В., 2005. История обувной моды в Скандинавии и восточноевропейские параллели. Рец.: June Swann. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Prehistory to 1950. Stockholm. 2001. P. 357, fig. 443// АВ. № 12. – С. 231-244.
18. Курбатов А.В., 2008а. Археологические данные о кожевенно-обувном ремесле в древнем Владимире // АВСЗ. Вып. 2. М.: ИА РАН. – С. 171-190.
19. Курбатов А.В., 2008б. Этапы технического совершенствования в кожевенном деле средневековой России// Труды II (XVIII) ВАС в Суздале 2008 г. Т. II. М: ИА РАН. – С. 472-476.

20. Курбатов А.В., 2009. Инструменты и приспособления для пошива кожаных изделий в средневековой России // *Stratum plus*, № 5. 2005 – 2009. Русское время. 2009. СПб-Кишинев-Одесса-Бухарест. – С. 284-310.
21. Курбатов А.В., 2011а. Программа изучения средневекового русского кожевенного ремесла// Материалы III (XIX) ВАС, Великий Новгород-Старая Русса, 2011 г. Отв. ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. Т. II. СПб-М.-Великий Новгород. – С. 157-158.
22. Курбатов А.В., 2011б. «Инородные» кожаные предметы в средневековой Руси: движение людей и вещей// *Stratum plus*, 2011. № 5. – С. 183-200.
23. Курбатов А.В., 2012. Кожевенное ремесло в средневековой России. АДД. СПб.
24. Курбатов А.В., Овсянников О.В., 1999. Изделия кожевенного производства в городах русского Заполярья (Мангазея) // *АВ*. № 6. 245 – 271 с.
25. Курбатов А.В., Матехина (Варфоломеева) Т.С., 2004. Мех и кожа в средневековой Европе. Рец. на сб-к.: *Leather and Fur. Aspects of Early Medieval Trade and Technology*. Edited by Esther Cameron. London. 1998// *АВ*. № 11. – С. 350-357.
26. Ларин Б.А., 2002. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI – XVII веков. СПб.
27. Лихачев Н.П., 1898. Документы о печатании книг в 1694 г. // Сборник Археологического института. Кн. 6. Под ред. Н.П. Лихачева. СПб: Синодальная типография. – С. 112-126.
28. Маслова Г.С., 1956. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в.// ТИЭ. Новая серия. Т. XXXI. Восточнославянский сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. М. – С. 543-757.
29. Мусин А.Е., Торопова Е.В., Торопов С.Е., 2002. Христианские древности Старой Руссы (вопросы топографии и археологического контекста)// ННЗИА. Вып. 16. Вел. Новгород. – С. 174-187.
30. Немировский Е.Л., 1985. Иван Федоров. Около 1510 – 1583. Отв. ред. А.А. Чеканов. М.: Наука.
31. Поварнин Г.Г., 1912. Очерки мелкого кожевенного производства в России. Ч. 1. История и техника производства. СПб.
32. Поппэ А., 1962. Материалы для терминологического словаря древнерусского строительного дела X – XV вв. Вроцлав: Изд. ПАН. – 87 с.
33. Скворцова Н.А., Майзель Б.Н. /состав./ 1963 Итальяно-русский словарь. М.: ГИЗ иностранных и национальных словарей.
34. Словарь русского языка XI – XVII вв. М. Вып. 4 (1977), 9 (1982), 23 (1996).
35. Словарь русского языка XVIII в. Л.: Наука. Вып. 5. 1989.
36. Сороколетов Ф.П. 1970 История военной лексики в русском языке XI – XVII вв. Л.: Наука.
37. Торопова Е.В., 2003 Новые данные о времени возникновения Старой Руссы// Ежегодник НГОМЗ 2002. Вел.Новгород. 2003. 91 – 94.
38. Украинско-русский словарь /Под ред. В.С.Ильина/. Киев: Наукова думка. 1964.
39. Черных П.Я., 1956. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М.: Изд. МГУ. – 243 с.
40. Kowalska A.B., 2005. Рец.: Курбатов А.В., 2001. Кожевенная терминология и материальная культура// Древние ремесленники Приуралья. Ижевск. 399 – 416 // РА. Т. 53. Wrocław. 2005. – С. 165-168.

41. Kowalska A.B., 2009. Archeologia o średniowiecznym skórnictwie na ziemiach polskich. Zarys problematyki// IN GREMIO – IN PRAXI. Studia nad średniowiecznym skórnictwem. Szczecin. 2009. – С. 193-247.

Список сокращений

АВСЗ – Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. М.

АВ – Археологические Вести. СПб.

АДД – Автореферат докторской диссертации.

ГИЗ – Государственное издательство.

НАЧ – Новгородские археологические чтения. Материалы НК.

НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник.

ННЗИА – Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород.

ПАН – Польская Академия Наук.

ПСКОВ – Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого 1919 – 1997. Отв. ред. А.Н.Кирпичников. Т. I – II. 1997. СПб-Псков: ПГОИАХМЗ; ИИМК РАН.

ТАС – Тверской археологический сборник. Материалы Тверской археологической конференции. Тверь.

ТД НК – Тезисы докладов научной конференции.

ТИЭ – Труды института этнографии.

РА – Przegląd Archeologiczny. Wrocław.

Сведения об авторе

Курбатов Александр Валентинович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН. Электронный адрес: alkurba@rambler.ru

Kurbatov Alexander Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, leading researcher at the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. E-mail: alkurba@rambler.ru

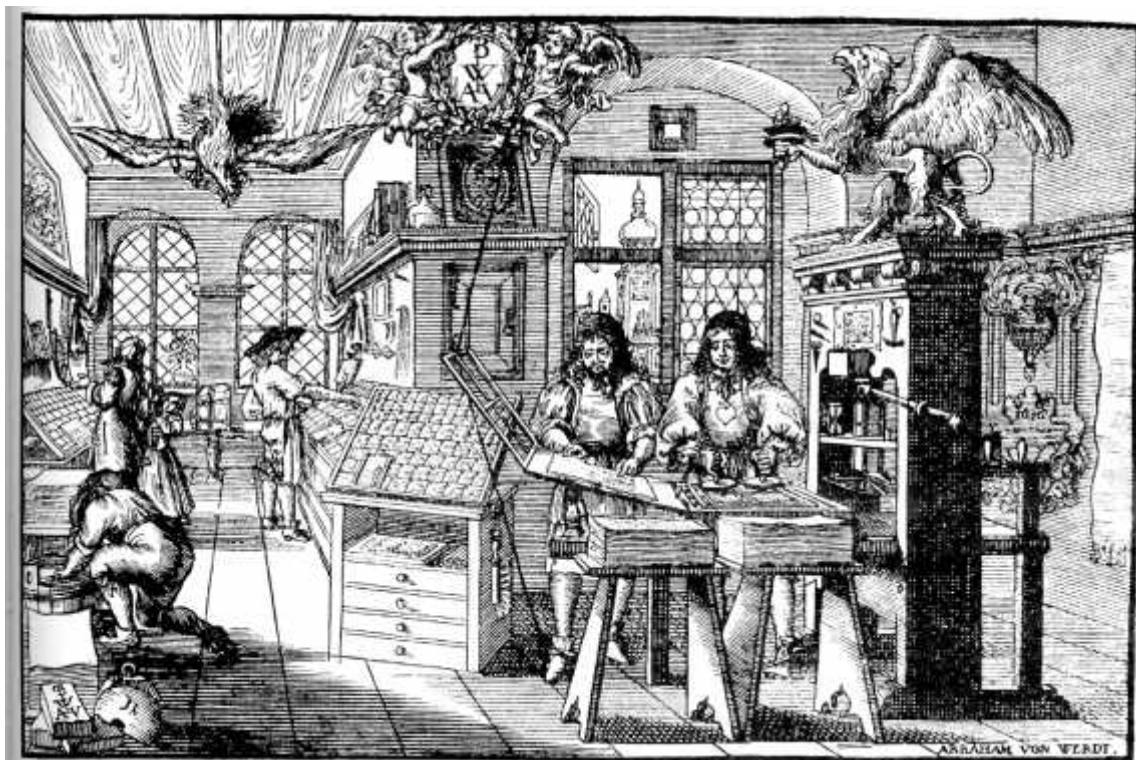

Рис. 1. Матцы. Иллюстрация: «В типографии. Гравюра XVII в.» Взято: Владимиров 1988, илл. на стр. 135.

Рис. 2. Матцы. Иллюстрация: «Издательский знак Йоссе Баде. Одно из первых изображений печатного стана. XVI в.». Взято: Владимиров 1988, илл. на стр. 153.

УДК 902.01

DOI: 10.24412/2658-7637-2022-21-114 -120

Д.С. Смирнов¹

НОВЫЕ НАХОДКИ КРЕСТОВ НА РОЖДЕСТВЕНСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ В ПЕРМСКОМ КРАЕ

¹Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь,
Российская Федерация

Актуальность исследования заключается в нарастающей популярности изучения археологическими методами эпохи Нового и Новейшего времени, в связи с развитием городской археологии и накоплением коллекций. Погребения средневекового Рождественского могильника в Карагайском муниципальном округе Пермского края перекрыты культурным слоем деревни Постаногово, которая существовала с первой половины XVII по середину XX вв., с чем, в основном, связаны находки крестов. Полная коллекция ставрографического материала с Рождественского археологического комплекса включает в себя 14 целых изделий и 10 фрагментов. Статья вводит в научный оборот ранее не опубликованные нательные металлические кресты XVIII – XX вв., найденные на Рождественском могильнике с 2009 по 2021 год в количестве 5 целых и 9 фрагментов, а также на Рождественском городище – 2 целых и 1 фрагмент. Цель сбора коллекции состояла в том, чтобы сохранить целостность находок памятника, поэтому в коллекцию попали не только самые «выигрышные» экземпляры, но и небольшие фрагменты. Основой для систематизации коллекции служат типологии Э.П. Винокуровой, А.К. Станюковича, В.И. Молодина. Предметам христианского культа даётся описание, типологическая характеристика и хронологическая атрибуция. Все кресты-тельники, кроме одного, принадлежат к распространенным типам старообрядческих простых восьмиконечных крестов, вписанных в более удобную форму четырехконечного креста, имеющих несложные, упрощенные формы. Это является признаком массового производства периода с XVIII до начала XX в., который является расцветом крестечного дела в России.

Ключевые слова: ставрография, старообрядцы, крест, деревня Постаногово*

D.S. Smirnov¹

NEW FINDS OF CROSSES AT THE CHRISTMAS ARCHAEOLOGICAL COMPLEX IN PERM KRAI

¹Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

The relevance of the research lies in the increasing popularity of the study by archaeological methods of the epoch of Modern and Modern times, in connection with the development of urban archaeology and the accumulation of collections.. The burials of the medieval Christmas burial ground in the Perm Region of the Karagai Municipal District are blocked by the cultural layer of the village of Postanogovo, which existed from the first half of the XVII to the middle of the XX centuries, which is mainly associated with the finds of crosses. The complete collection of the stavrographic material from the Christmas Archaeological Complex includes 14 whole items and 10 fragments. The article introduces into scientific circulation previously unpublished metal crosses of the XVIII – XX centuries, found at the Christmas burial ground from 2009 to 2021 in the amount of 5 whole and 9 fragments, as well as at the Christmas settlement – 2 whole and 1 fragment. The purpose of collecting the collection was to preserve the integrity of the finds of the monument, so not only the most "winning" specimens, but also small fragments, got into the collection. The typologies of E.P. Vinokurova, A.K. Stanyukovich, V.I. Molodin serve as the basis for the systematization of the collection. The subjects of the Christian cult are described, typological characteristics and chronological attribution. All crosses, except one, belong to the common types of Old Believers

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Пермского края (соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.)

simple eight-pointed crosses, inscribed in a more convenient form of a four-pointed cross, having simple, simplified forms. This is a sign of mass production of the period from the XVIII to the XX century., which is the heyday of the cross business in Russia.

Keywords: stavrography, Old Believers, cross, village of Postanogova.

*Что дороже тельника (креста,
носимого на теле, на груди) могло быть для нее?
Эта святыня, благословление матери,
не покидала ее с самого крещения, охраняла ее от нездоровья
и всяких бед, от стрелы громовой, летящей днем, от навета
звезды, рассыпающейся во тьме ночной, соединяла ее с
небом, со всем,
чем пламенная вера населяла небеса, с
ангелом-хранителем ее.
И.И. Ложечников «Басурман» (1838)*

Древнейшую форму креста ученые видят в букве «тау» – Т, из которой впоследствии развились все те формы креста, которые известны ныне как в восточной, так и в западной церкви. Христиане еще долго не решались воспроизводить на кресте Распятого Христа, из-за отвращения к постыдной крестной смерти, а язычникам это служило постоянным предлогом для нападков, насмешек и преследований новообращенных в христианство [Уварова, 1908, с. 119]. На Русь крест приходит с принятием христианства и становится, прежде всего, предметом личного благочестия. Крест-тельник надевался на шею при крещении и оставался с верующим до конца жизни. Производство меднолитых четырехконечных нательных крестов известно на Руси с XII в., особенное развитие оно получило в гг. Киеве, Новгороде, Владимире, а с XIV–XV вв. также в гг. Твери, Старице и Москве [Куприянова, 2012, с. 55].

Полная коллекция крестов-тельников с Рождественского археологического комплекса включает в себя 14 целых изделий и 10 фрагментов.

Один из крестов-тельников был найден на Рождественском языческом могильнике, и один крест на городище, которые вошли в монографию А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой «Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск» 2008 года [Белавин, Крыласова, 2008, с. 454]. Позже А.М. Белавиным были опубликованы и описаны ещё два креста, найденные на Рождественском городище и могильнике, а также 3 креста, купленные Ф.А. Теплоуховым в 1885 году у М. Старкова в числе вещей, найденных на Рождественском городище [Белавин, 2008].

В ходе противоаварийных археологических исследований на Рождественском археологическом комплексе в Карагайском муниципальном округе Пермского края с 2009 по 2021 гг. Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета было найдено ещё 7 целых крестов-тельников и 10 фрагментов. Цель сбора коллекции состояла в том, чтобы сохранить целостность находок памятника, поэтому в коллекцию попали не только самые «выигрышные» экземпляры, но и небольшие фрагменты. Коллекция хранится в фондах Музея археологии и этнографии ПГГПУ.

Погребения средневекового Рождественского могильника перекрыты культурным слоем д. Постаногово. Из архивных документов известно, что с 1623-1624 гг. здесь существовал населенный пункт, упомянутый как починок Вотцкое городище [Шумилов, 2008, с. 63]. В Рождественской отказной книге 1785 г. Главного управления заводами и имением наследников А.В. Всеволожского также описывается д. Сыкыскор (Постаногова) [ГАПО, ф.174, оп.1, д.74]. Последнее найденное упоминание о деревне относится к 1951 году в Похозяйственной книге [Архивный отдел администрации Караг. муниц. района, ф.43, о.3, д.35]. Исходя из приведенных фактов, можно

предположить, что деревня Постановово существовала с XVII до середины XX века. В эту хронологию «укладывается» ставрографический и нумизматический материал [Смирнов, 2020].

Основой для систематизации коллекции служит типология Э.П. Винокуровой, в которой за основной признак принята вся форма креста – форма ветвей, форма средокрестия, количество и пропорциональное соотношение ветвей, лучи [Винокурова, 1999]. Существенное значение имеет и работа А.К. Станюковича, который сделал свою классификацию исключительно по типам крестов-тельников из частных собраний с описанием и аналогиями [Станюкович и др., 2003]. Также была рассмотрена типология В.И. Молодина для Илимского острога, которая базируется на классификационных разработках А.К. Жизневского и Э.П. Винокуровой [Молодин, 2007].

Крест №1 (40x20 мм) – четырехконечный с прямым углом в средокрестии и прямыми лопастями. На лицевой стороне – рельефное изображение восьмиконечного креста с копием и тростью по сторонам. Над крестом – надпись ЦАРЬ СЛАВЫ в две строки, по сторонам креста – монограммы: над основной перекладиной КРЕСТ ХРАН (Крест Хранитель), под ней – СЫН БЖИИ (Сын Божий), КТ (Копие, Трость); напротив ее концов – ІГ ХГ под титлами. Между древом креста и древками копья и трости размещена монограмма ННКА (Победитель) без титлов. Оглавление – в виде округлой петли.

Кресты №4 (46x23 мм), №9 (36x17 мм), №10 (36x17 мм), №16 (30x15 мм) четырехконечные с прямым углом в средокрестии и прямыми лопастями. На лицевой стороне – рельефное изображение восьмиконечного Голгофского креста с копием, тростью, ступенчатой Голгофой и Главой Адамовой в пещере; над крестом – надпись ЦАРЬ СЛАВЫ (Царь Славы) в две строки под титлами, по сторонам креста – монограммы: над основной перекладиной ІС ХС (Иисус Христос) под титлами, под ней – ННКА (НИКА = Победитель, Копие, Трость) без титлов.

На оборотной стороне крестов воспроизведен текст псалма 67 "Да воскреснет Бог".

Различаются кресты размерами и оформлением оглавления – №9 в виде округлой петли, у № 4, №9, №16 – в виде плоского ушка с тремя венцами вверх, символизирующими Святую Троицу.

По классификации Э.П. Винокуровой, они относятся к т.І подтипу 1 нательных крестов – простая форма [Винокурова, 1999, с. 334]. Напоминают тип 5-11 – крест №1, 5-12 – кресты №4, №9, №10, №16 по А.К. Станюковичу [Станюкович и др., 2003, с. 52]. Кресты №4, №9, №10, №16 относятся к т.1 подтипу 1 по В.И. Молодину, а №1 схож с типом 1, подтипом 1, вариантом 1 [Молодин, 2007, с. 40-43].

Нательные кресты этих типов различных размеров в XVIII – начале XX вв. являлись массовой продукцией старообрядческих меднолитейных мастерских.

Фрагменты крестов №2, №6, №8 невозможно точно атрибутировать из-за сильной фрагментации. На лицевой стороне помещен рельефный восьмиконечный Голгофский крест. Но, вероятно, они относятся к тому же типу, что и предыдущие кресты – это распространенный тип простых четырехконечных крестов с прямыми углами, имеющих несложные, упрощенные формы, что является признаком массового производства.

Крест №3 (49x33 мм) – по классификации Э.П. Винокуровой, относится к т.І подтипу 4 варианту 1 нательных крестов [Винокурова, 1999, с. 337], отдаленно напоминает тип № 5-19 по А.К. Станюковичу [Станюкович и др., 2003, с. 55], по В.И. Молодину похож на тип 4 подтип 2-5 [Молодин, 2007, с. 53-59]. На лицевой стороне помещен рельефный восьмиконечный Голгофский крест с Главой Адамовой в пещере.

Оглавление имеет вид округлого ушка. Данный тип крестов сформировался во второй половине XVII в., и уже в конце столетия подобные кресты встречаются на обширной территории вплоть до русского Дальнего Востока [Артемьев, 1996, с. 195]. Отличительной особенностью креста является особая композиция из текста и орнамента на тыльной стороне подвески, в которой текст с узором обрамлен дополнительной рамкой, заполненной текстом.

Особо выделяется крест №17 (25x15 мм) – четырёхконечный с овальными концами. В оглавлении на лицевой стороне в круглом щитке ЦГ (Царь Славы). На правой и левой оконечности монограммы IG и XG (Иисус Христос). В средокрестии – четырёхконечный крест с двухчастным завершением лопастей, выделенный контуром. На оборотной стороне в средокрестии, на левой и правой оконечности надпись в две строки ВМ ВАРВАРА (Великомученица Варвара), на верхней лопасти ГГ (Святая). На нижней оконечности – лик Великомученицы Варвары в трёхлучевом венце с линейным нимбом. Примерная датировка креста XIX – XX вв.

Фрагмент креста №12, по классификации Э.П. Винокуровой, относится к т.VI нательных крестов [Винокурова, 1999, с. 342] – с концами шлемовидной или луковичной формы. По В.И. Молодину – тип 8 [Молодин, 2007, с. 76-78].

Фрагменты крестов №5, №11, по классификации Э.П. Винокуровой, вероятно, относятся к т.VI подтипу 2 варианту 2 подварианту 1 тельников [Винокурова, 1999, с.344]. Их характерной особенностью являются «точки» на боковых и верхних венцах.

Фрагменты крестов №13, №14, №15, вероятно, относятся к т.III нательных крестов, по классификации Э.П. Винокуровой [Винокурова, 1999, с. 340], отдаленно напоминает тип № 5-6 по А.К. Станюковичу [Станюкович и др., 2003, с. 50]. Похож на тип 6 подтип 1-2 по В.И. Молодину [Молодин, 2007, с. 63-65]. Общепринятая датировка возникновения типа – вторая половина XVII – XVIII века [Даркевич, Пуцко, 1981, с. 230]. На всех крестах помещено рельефное изображение восьмиконечного Голгофского креста.

Фрагмент №15 – над крестом в прямоугольном клейме – монограмма ЦР (Царь Славы), в изножии – монограмма КЯ (сокращение от Ника-Победитель), на боковых оконечностях – монограммы Г и Х (сокращение от IG XG – Иисус Христос). Правда, на имеющемся фрагменте эти особенности не просматриваются по причине плохой сохранности.

Фрагмент креста №7 – плоское округлое ушко.

Из более ранних раскопок Рождественского комплекса найдены два креста, представленные в монографии «Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск» [Белавин, Крыласова, 2008, с. 387]. Первый крест напоминает тип 3-23 по А.К. Станюковичу [Станюкович и др., 2003, с. 28]. Интересной чертой является то, что на концах ветвей и в центре имеются шарики, имитирующих зернь. Такой крест был распространён в X-XII веках. Второй крест, по классификации Э.П. Винокуровой, относится к т. X подтип 1 [Винокурова, 1999, с. 347-348]. Его характерной особенностью являются лилиеподобные концы. По В.И. Молодину, напоминает тип 7 [Молодин, 2007, с. 67-76].

Выделим два креста, впервые описанные в работе А.М. Белавина «Находки крестов на Рождественском археологическом комплексе» [Белавин, 2008]. Один из них, найденный в развале хозяйственного комплекса д. Филлипово, принадлежит к типу V по Э.П. Винокуровой [Винокурова, 1999, с. 340-341], отдаленно напоминает тип № 5-14 по А.К. Станюковичу [Станюкович и др., 2003, с. 53]. По В.И. Молодину, относится к типу 5 [Молодин, 2007, с. 60-63]. Второй крест найден на Рождественском городище. По классификации Э.П. Винокуровой, относится к т.I подтипу 4 варианту 1 нательных

крестов [Винокурова, 1999, с. 337], отдалённо напоминает тип № 5-19 по А.К. Станюковичу [Станюкович и др., 2003, с. 55]. По В.И. Молодину, схож с типом 4 подтипами 2-5 [Молодин, 2007, с. 53-59]. Ещё 3 подобных креста были куплены Ф.А. Теплоуховым в 1885 г. [РА ИИМК, ф.48, д.1-2, тетр. XIV. С. 468.].

Всего при раскопках Рождественского могильника найдено 7 крестов-тельников и 9 фрагментов, на одноимённом городище – 7 крестов и 1 фрагмент.

В заключение следует отметить, что почти все кресты-тельники, найденные на территории Рождественского археологического комплекса, принадлежат к распространенным типам старообрядческих простых восьмиконечных крестов, вписанных в более удобную форму четырехконечного креста, имеющих несложные, упрощенные формы. Это признак массового производства периода с XVIII до н. XX в., который является расцветом крестечного дела в России. Интересен тот факт, что именно с XVIII в. до первых лет XX в. из-за позиций официальной церкви всё производство медных крестиков и иконок стало исключительной монополией старообрядцев [Тетерятников, 1977, с. 167].

После 1917 г. в нашей стране произошёл перелом – даже в литературе запрещалось упоминать слово «крест», множество крестов было уничтожено. Именно этим, вероятно, объясняется относительная немногочисленность коллекции. Наличие фрагментов крестов, скорее всего, связано с воздействием плуга при распашке земли. Присутствие в коллекции нательных крестиков более древних типов могло быть обусловлено, прежде всего, устойчивой религиозной традицией передачи крестов по наследству. Очевидно, что нательный крест играл в народной мифологии довольно важную роль, не сводившуюся исключительно к охранительной [Панченко, 1998, с. 97].

Библиографический список:

1. *Артемов А.Р.* Останки непогребённых защитников Албазинского острога // *Российская археология*. 1996, №1. С.185-196.
2. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. 603 с.
3. *Белавин А.М.* Находки крестов на Рождественском археологическом комплексе // *Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья*. Пермь: ПГПУ. Вып.2. 2008. С.4-10.
4. *Винокурова Э.П.* Металлические литые кресты-тельники XVII в. // *Культура средневековой Москвы*. XVII век. М., 1999. С.326–361.
5. *Даркевич В.В., Пуцко В.Г.* Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970-1978 гг.) // *Советская археология*. 1981, № 3. С.218-232.
6. К руководству. О донесениях горному департаменту о беспорядках и забастовках на заводах. О предоставлении копии отчетов предст. в гор. Департамент – в Совет съезда горнопром. юга России / ГАПО, ф.174, оп.1, д.74.
7. *Крыласова Н.Б.* Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2011 году. Пермь: ПГПУ, 2011 / Архив Музея археологии и этнографии ПГГПУ.
8. *Крыласова Н.Б.* Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2012 году. Пермь: ПГПУ, 2013 / Архив Музея археологии и этнографии ПГГПУ.
9. *Крыласова Н.Б.* Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2016 году. Пермь: ПГПУ, 2016 / Архив Музея археологии и этнографии ПГГПУ.
10. *Крыласова Н.Б.* Отчет о раскопках Рождественского (языческого) могильника в Карагайском районе Пермского края в 2009 году. Пермь: ПГПУ, 2010 / Архив Музея археологии и этнографии ПГГПУ.

11. Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского (языческого) могильника в Карагайском районе Пермского края в 2014 году. Пермь: ПГГПУ, 2015 / Архив Музея археологии и этнографии ПГГПУ.
12. Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского (языческого) могильника в Карагайском районе Пермского края в 2017 году. Пермь: ПГГПУ, 2017 / Архив Музея археологии и этнографии ПГГПУ.
13. Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского (языческого) могильника в Карагайском районе Пермского края в 2018 году. Пермь: ПГГПУ, 2018 / Архив Музея археологии и этнографии ПГГПУ.
14. Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского (языческого) могильника в Карагайском районе Пермского края в 2019 году. Пермь: ПГГПУ, 2019 / Архив Музея археологии и этнографии ПГГПУ.
15. Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского (языческого) могильника в Карагайском районе Пермского края в 2020 году. Пермь: ПГГПУ, 2020 / Архив Музея археологии и этнографии ПГГПУ.
16. Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского (языческого) могильника в Карагайском районе Пермского края в 2021 году. Пермь: ПГГПУ, 2021 / Архив Музея археологии и этнографии ПГГПУ.
17. Куприянова О.И. Эволюция креста в отечественных и зарубежных ставрографических традициях // Власть. М., 2012, №2. С.53-56.
18. Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2007. 248 с.
19. Панченко А.А. Народное православие. СПб: Алетей, 1998. 306 с.
20. Похозяйственная книга №4 основных производственных показателей хозяйства колхозников на 1949-1950-1951/ Архивный отдел администрации Карагайского муниципального района, ф.43 о.3, д.35.
21. РА ИИМК, ф.48, д.1-2, тетр. XIV. С. 468.
22. Смирнов Д.С. Комплекс монет из д.Постаногово как источник для датировки периода её существования // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия *Studia historica juvenum*. № 1 (16) / 2020: научный журнал [Электронный ресурс] / ред. кол.: А.М. Белавин, Д.В. Шмуратко, А.Н. Сарапулов, К.В. Моряхина; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Пермь, 2020. С.56-65.
23. Станюкович А.К., Осипов И. Н., Соловьев Н. М. Тысячелетие креста. Произведения русской христианской металлопластики X–XX вв. из частных собраний. М., 2003. 62 с.
24. Тетерятников В.М. Медные кресты и иконы в народной жизни // *The New Review*, New York, №129. 1977. P.155-171.
25. Уварова П.С. Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова: Отд. VIII–XI. М: Синод. тип., 1908. 197 с.
26. Шумилов Е.Н. Исчезнувшие населённые пункты Пермского края: Краткий исторический справочник. Изд. 2-е, испр. и доп. Пермь. 2008. 96 с.

Сведения об авторе

Смирнов Данил Сергеевич, студент 5 курса, ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»; г.Пермь ул.Сибирская, 24; e-mail: pohtadanila@mail.ru, телефон: 89523265574.

Smirnov Danil Sergeevich, 5th year student, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Sibirskaya str., 24; e-mail: pohtadanila@mail.ru, Tel.: 89523265574.

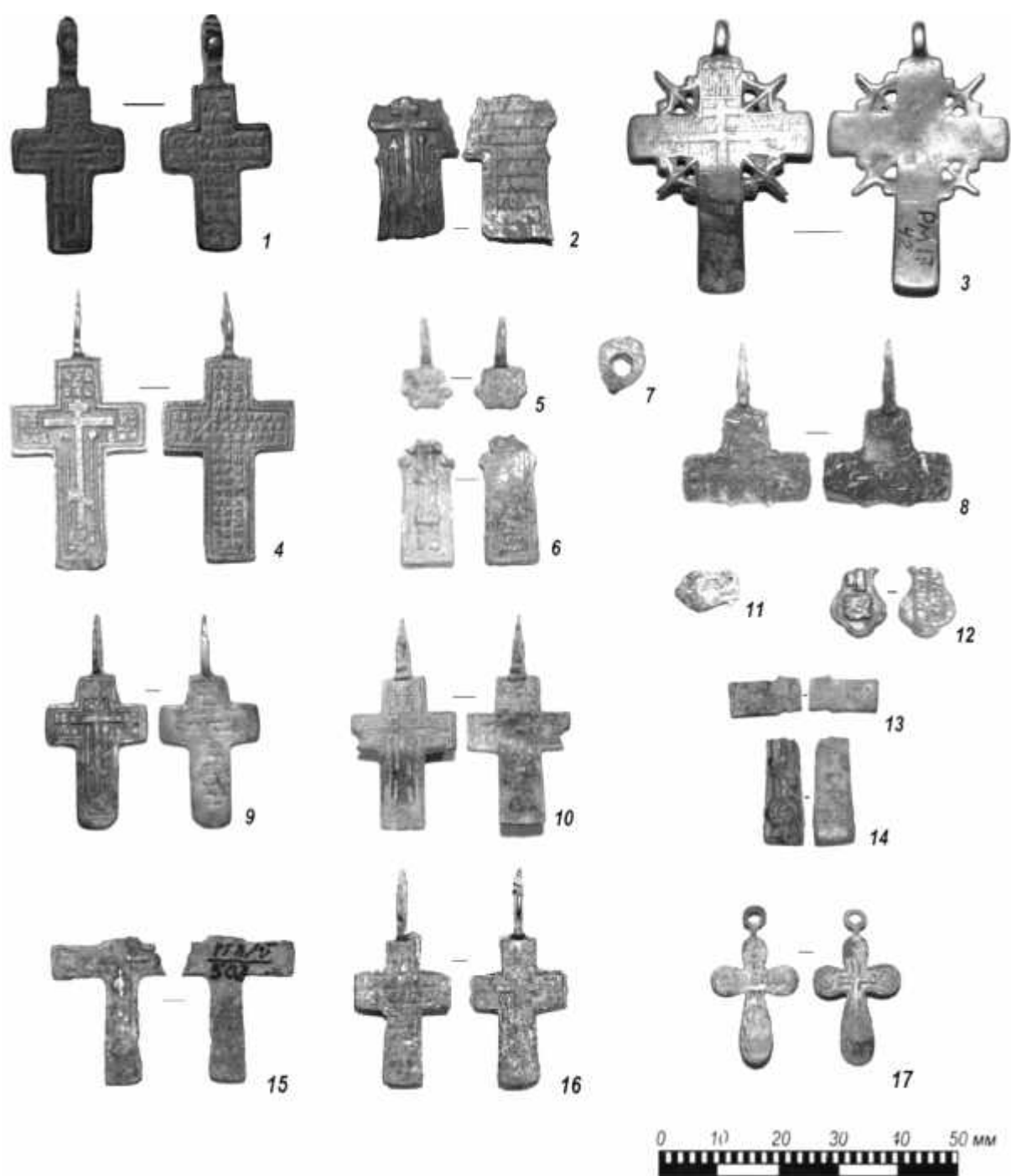

Рис.1. Нательные кресты и фрагменты из раскопок Рождественского археологического комплекса 2009-2021 гг.

УДК 908, 93/94, 913

DOI: 10.24412/2658-7637-2022-21-121 -133

А.В. Вострокнутов¹**ПРАВОСЛАВНЫЙ ЛАНДШАФТ Р.ЧУСОВАЯ: ОТ СЕЛ И ДЕРЕВЕНЬ К ГОРНЫМ ЗАВОДАМ**

¹Пермский национально-исследовательский университет, Пермь, Российская Федерация

В статье рассматриваются особенности формирования православного ландшафта реки Чусовая. Территориальные рамки исследования – современная Свердловская область и Пермский край. Временные рамки – XVI – нач. XX вв. При анализе православного ландшафта были сделаны следующие выводы. Формирование его происходило не равномерно, а локально: сначала в нижнем течении, позже – в верхнем, еще позже – в среднем. Сельскую модель православного ландшафта в XVIII в. дополняют горные заводы. Посвящение главных алтарей храмов имеют свои особенности. Так, например, в XVI – XVII вв. часто встречаются посвящения святым покровителям Строгановых, либо подчеркивается связь с центральной властью – Успенский храм, Петра, Алексия и Ионы. Позже сельская модель чаще всего представлена храмами в честь двенадесятых праздников. Горнозаводские храмы, наоборот, часто носят посвящения святым (Василия Амасийского, Ксении Миласской, Николая Чудотворца и т.д.). Подводя итог, мы можем заключить, что культурный ландшафт реки Чусовой (куда входит и православный ландшафт) формировался под воздействием традиционной сельской жизни и новой формирующейся горнозаводской идентичности.

Ключевые слова: культурный ландшафт, православие, река, завод, храм, село, пристань.

A.V. Vostroknutov¹**ORTHODOX LANDSCAPE OF THE CHUSOVAYA RIVER: FROM VILLAGES AND VILLAGES TO MINING PLANTS**

¹Perm State University, Perm, Russian Federation

The article presents the features of the formation of the Orthodox landscape of the Chusovaya River. The territorial framework of the research is the modern Sverdlovskii Region and Perm Krai. Time frame – XVI – XX centuries. We have some conclusions: Landscape's formation did not occur uniformly, it was locally: first in the lower reaches, later – in the upper, even later – in the middle. The rural model of the Orthodox landscape in the XVIII century is complemented by mining plants. The dedication of the main altars of temples have their own characteristics. For example, in the XVI – XVII centuries. There are some examples of finding of patron saints of the Stroganovs, or the connection with the central government is emphasized – the Assumption Church, Peter, Alexy and Jonah. Later, the rural model is most often represented by temples in honor of the twelve-hundredth holidays. Mining temples, on the contrary, often bear dedications to saints (Basil of Amasyis, Xenia of Milas, St. Nicholas etc.). Summing up, we can conclude that the cultural landscape of the Chusovaya River (which includes the Orthodox landscape) was formed under the influence of traditional rural life and the new emerging mining identity.

Keywords: cultural landscape, orthodoxy, river, factory, temple, village, pier.

Река Чусовая – особенная на карте Урала. Она единственная из водных артерий региона, которая пересекает его с востока на запад. Начинаясь на восточном склоне, в современной Челябинской области, она впадает в р. Каму уже на территории Пермского края.

Чусовая всегда служила естественной дорогой. Именно по ней казаки Ермака поднимались во время похода в Сибирское ханство. Здесь следовали многочисленные переселенцы, основавшие Тобольск, Тюмень и другие города за Уралом. В конце XVI в., с открытием Бабиновской дороги из Соликамска в Верхотурье, р. Чусовая на некоторое время утрачивает свой «дорожный» статус.

Однако, в XVIII в. эта река становится дорогой в центральную часть России – многочисленные горные заводы, стоящие на ее берегах, а также в отдалении, используют естественный весенний паводок для сплава своей продукции вниз по течению до г. Перми и далее на поволжские ярмарки.

Таким образом, служа естественной дорогой в Сибирь, р. Чусовая начинает заселяться русскими уже в XVI в. Освоение реки Чусовой заключалось не только в строительстве поселений, расчистке земель под пашни, прокладку дорог и т.д. Освоение сопровождалось также в наполнении смыслами обжитого пространства – происходило формирование культурного ландшафта Чусовой. Переселенцы приносят на ее берега православие.

В данной работе мы рассмотрим развитие православного ландшафта р. Чусовой. Хронологические рамки исследования определены нами как XVI – нач. XX вв. Нижняя граница обусловлена появлением первых русских поселений на Чусовой (соответственно и развитием православного ландшафта), нижняя граница – время упадка горнозаводской культуры, появившейся и распространившейся по р. Чусовой в XVIII в. В целом, мы рассмотрим динамику православного ландшафта на протяжении четырех веков. Территориальные рамки исследования включают в себя бассейн р. Чусовая от современного города Полевской (бывший Полевской завод) до устья этой реки в черте современной Перми.

Культурный ландшафт, по мысли В.Л. Каганского – это «всякое земное пространство, жизненная среда достаточно большой (само сохраняющейся) группы людей..., если это пространство одновременно цельно и дифференцировано, а группа освоила это пространство утилитарно, семантически и символически» [Каганский, 2001, с. 24]. Частью культурного ландшафта является и его сакральное пространство, т.е. места концентрации положительной и отрицательной информации [Калуцков, 1998, с. 80]. Таким образом, православный ландшафт, как пространство, которое наделяется местным населением определенными религиозными символами, и осмысливается этим населением является составной частью культурного ландшафта.

Река Чусовая начинает осваиваться русским населением в середине XVI в. В 1568 г. Строгановыми строится Нижне-Чусовской городок, ставший центром Чусовской слободы (волости) [На путях..., 1989, с. 16]. К 1579 г. в Чусовской слободе числится 5 деревень и 16 починков [Чагин, 1995, с. 37].

По переписи Михаила Кайсарова 1623-24 гг., во владении Андрея и Петра Семёновичей Строгановых при Чусовском городке на левом берегу реки существовали: 1 село, 7 деревень, 13 починков и 1 пустынь [Дмитриев, 1892, с. 114 - 119].

В 1584 г. земли по Чусовой были поделены между С.А. Строгановым и его племянником М.Я. Строгановым. Последнему отошел правый («Усолошный» – по р. Усолке, правому притоку) берег реки. Здесь, в месте впадения Усолки в Чусовую в 1616 г. был основан Верхний Чусовской городок [Дмитриев, 1892, с. 89].

Если разместить указанные населенные пункты на карте (местоположение большей их части определено), то становится понятно, что центр строгановских вотчин (Верхний и Нижний городки) находился к западу от остальных населенных пунктов. Крайняя восточная точка этой территории, село Камасинское, отстоит от Нижнего городка на более чем 60 км вверх по течению реки.

Позднее заселение Чусовой продолжилось освоением территорий в ее верхнем течении, где в середине XVII в. возникают русские поселения, а уже в начале

следующего столетия один за другим возникают металлургические предприятия – горные заводы и сопутствующая им инфраструктура.

Освоение Чусовой русским населением происходило на протяжении длительного времени, что отражается и в храмостроительстве в населенных пунктах этой реки. Следует отметить, что не во всех селениях сразу же были построены храмы. Напротив, многие из тех церквей, что будут описаны ниже, были возведены гораздо позже появления первых жителей. Менялось и количество храмов в некоторых населенных пунктах. Кроме этого, важной частью православного ландшафта являлись также часовни, построенные как в селах, где были храмы, так и в деревнях, входящих в приход. Окончательно православный ландшафт формировался благодаря крестным ходам к этим часовням, либо на реку.

Поместив на карту храмы и часовни, а также примерные пути крестных ходов бассейна Чусовой периода второй половины XVI – XX вв., мы отметим, что большая концентрация этих объектов сосредоточены в нижнем и верхнем течении этой реки. Эти «очаги» православного ландшафта соединены между собой узкой цепочкой храмов и часовен, расположенных в среднем течении.

Мы не можем выделить равномерного освоения реки от низовий к верховьям, соответственно, и формирование культурного (вместе с ним и православного) ландшафта шло не поступательно, а очагово. Следовательно, появление и развитие сакрального пространства интересующей нас реки мы будем анализировать не столько хронологически, сколько типологически (сельский и горнозаводской ландшафт) и географически (нижнее и верхнее течение Чусовой).

Для удобства восприятия большого количества дат основания и наименований храмов составлены таблицы 1 – 3. Населенные пункты в ней представлены соответственно дальнейшему повествованию.

Обратимся, непосредственно к теме данной работы.

Нижнее течение, сельское расселение

Поскольку Освоение Чусовой русским населением начиналось с низовий, то и формирование православного ландшафта происходило именно там. Обратимся к первым переписям, где указываются храмы, построенные при поселениях.

Самым древним русским населенным пунктом на Чусовой был Строгановский Чусовской городок (Нижний), построенный в 1568 г.

Исходя из писцовой книги Михаила Кайсарова 1623/24 годов, в Нижнем городке находился деревянный шатровый Богоявленский храм с двумя дополнительными приделами: Иоанна Богослова и Николая Чудотворца. В 1742 г. данный храм был перестроен в камне. Дополнительный придел остался один – в честь Петра и Павла [Дмитриев, 1892, с. 110 – 111; Шумилов, 2003, с. 65]. Помимо него, М. Кайсаров указывает также деревянный храм «под колокольницею», освященный в честь митрополитов Петра, Алексея и Ионы Московских Чудотворцев [Дмитриев, 1892, с. 110-111].

Как следует из справочника «Адрес-календарь Пермской епархии за 1909 г.» в начале XX в. в Нижнем городке имела лишь одна Богоявленская церковь [Адрес-календарь, 1908, с. 63].

Напротив городка, на правом берегу Чусовой, в 1571-1572 гг. поселяется будущий преподобный Трифон Вятский, построивший здесь часовню, давший начало Успенскому монастырю, образованному в 1580 г. [Головчанский, Мельничук, 2005, с. 52]. М. Кайсаров в своей переписи указывает в монастыре Успенский деревянный шатровый храм с приделом Усекновения главы Иоанна Предтечи [Дмитриев, 1892, с. 161-162]. Успенский монастырь был упразднен в следствие секуляризационной реформы Екатерины II в 1764 г. (указ от 26 февраля 1764 г.). Таким образом,

монастырский храм стал приходским. В 1864 г. он был отстроен в камне, дополнительный придел в данном случае был убран [Адресс-календарь, 1908, с. 63].

По переписи М.Кайсарова в Верхнем Чусовском городке, уже спустя 7 лет после основания, числилось 3 храма. Летний Никольский с дополнительными приделами Максима Исповедника и Прокопия Устюжского был выполнен в шатровом стиле. Теплый храм, освященный в честь Рождества Христова с приделом Климента папы Римского был пятиглавым. Еще один храм был устроен «под колокольницею» и освящен в честь апостола Иакова Алфеева с приделом в честь Евфимии Прехвальной [Дмитриев, 1892, с. 137-138]. Христорождественский храм был перестроен в камне в 1773 г., дополнительные приделы были освящены в честь Николая Чудотворца и Казанской иконы Божией Матери [Шумилов, 2003, с. 65]. По сведениям Адресс-календаря Пермской епархии за 1909 г. в Верхних городках находился лишь один Христорождественский храм. При перестройке данного храма у него появился Никольский придел, очевидно, призванный заменить летний Никольский храм, о котором упоминает Михаил Кайсаров. В этой связи логично будет предположить, что прежний Никольский храм существовал минимум до середины XVIII в. В таком случае, резонно будет предположить, что Иаковлевский храм существовал минимум до XVII в.

В заключение рассмотрения храмов в Городках отметим еще одну интересную деталь. Храмы в с. Успенка, Нижнем городке и Верхнем городке находятся на одной линии северо-запад/юго-восток. Возвышенный левый берег Чусовой в районе Успенки и низменная пойма в районе Городков позволяют нам говорить об их визуальном контакте в любой из этих трех точек пространства.

Следующий храм на момент переписи М. Кайсарова, находился на левом берегу в 60 км вверх по р. Чусовой в с. Камасинское. Главный престол его был освящен в честь Рождества Богородицы с дополнительным приделом Ильи Пророка [Дмитриев, 1892, с. 118]. В 1775 г. данный храм был построен заново, дополнительный придел был освящен в честь Николая Чудотворца [Адресс-календарь, 1908, с. 65].

В середине XVII в. в Чусовской вотчине Строгановых появляется новый храм в с. Верхнее Калино, освященный в честь Воскресения Христова, перестроенный в 1860 г. [Шумилов, 2003, с. 64]. Здесь во второй половине XIX в. существовало четыре крестных хода.

Приделы, освященные в память о двенадцатых праздниках и таких святых как Николай Чудотворец и Илья пророк довольно распространены. В этом плане интересно проанализировать возможные мотивы выбора посвящения храмовых приделов в честь святых Максима Исповедника, Евфимии Прехвальной, Климента Римского, апостола Иакова, а также Петра, Алексия и Ионы.

Выбор посвящения придела в честь Максима Исповедника в Никольском храме Верхнего Чусовского городка, очевидно, связан с принадлежностью его к вотчине Максима Строганова, чьим небесным покровителем и является этот святой. В таком случае, логично предположить, что придел в честь Евфимии в храме апостола Иакова, был освящен в память о сестре Максима и дочери Якова Аникиевича Строганова, умершей во младенчестве, о чем сообщает Орловский синодик [Купцов, 2005, с. 24]. В этой связи логично предположить, что храм евангелиста Иакова «под колокольницею», очевидно был освящен в честь святого покровителя Якова Строганова.

Священномученик Климент папа Римский почитался на Руси со времен крещения Владимиром Святославичем. Исследователи связывают это почитание, в том числе, с преданием об обнаружении мощей Климента Константином Философом (будущим преподобным Кириллом), просветителем славян [Назаренко /https://azbyka.ru/otechnik/Kliment_Rimskij/slovo-na-obnovlenie-desjatinnoj-tserkvi-ili-k-istorii-pochitanija-svjatitelja-klimenta-rimskogo-v-drevnej-rusi/]. Таким образом, освящение одного из приделов храма Рождества Христова в Верхних городках в честь святого Климента является отражением этого почитания.

Посвящение храма в честь митрополитов московских Петра, Алексия и Ионы можно связать с их вкладом в становление Московского княжества как самостоятельного сильного государства. В этом плане освящение в Строгановском Нижнем городке храма с таким наименованием являлось поддержкой царю Ивану IV Грозному. Тоже можно отнести и к освящению храма в честь Успения – именно Успенский храм в Московском Кремле бы на тот момент главным храмом страны.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что с начала освоения русским населением нижнего течения р. Чусовой до середины XVII в., т.е. чуть меньше, чем за 100 лет, в обжитых местах были построены 7 храмов, большая часть из которых имели более одного придела.

Формирование православного ландшафта Чусовой продолжилось в XIX в. строительством новых храмов в тех поселениях, где их ранее не было.

Так в 1853 г. в с. Красная Слудка строится каменная Вознесенская церковь [Адрес-календарь, 1908, с. 72].

В том же году, много выше по течению, в с. Вереинском возводится Свято-Троицкий деревянный храм [Адрес-Календарь, 1908, с. 64]. В нем сложилась традиция крестного хода к часовне в д. Плеговской (возможно, современной д. Плесо). Вечером перед Троицей иконы из часовни приносились в церковь, откуда следовали с крестным ходом обратно в деревню [Памятная книжка..., 1862, с. 19-20].

В 1856 г. вблизи Верхнего Чусовского городка в с. Красная горка строится кладбищенская Всехсвятская церковь, приписанная к храму в городках [<http://v-chus.cerkov.ru/main-page/istoriya-monastyrua/>].

В 1877 г. в с. Копально строится деревянная церковь в честь Покрова Богородицы [Адрес-Календарь, 1908, с. 64-65].

В 1895 г. в с. Сёла была освящена деревянная Пророко-Ильинская церковь. Она была построен рядом с существовавшей здесь еще с начала XIX в. часовней [Адрес-Календарь, 1908, с. 67; ПЕВ (неоф), 1896, с. 210].

Последний по времени постройки деревянный храм Покрова Богородицы в с. Куликово, был воздвигнут в 1904 г. [<https://pokolenia.permkrai.ru/news/view/214>].

Как видим, особенности посвящения на этом отрезке времени носят достаточно распространенный характер.

Верхнее течение. Сельское расселение (табл. 2)

Следующий этап освоения русским населением Чусовой начинается в середине XVII в. выше по течению, когда было основано с. Уткинская Слобода, ныне с. Слобода (1651 г.). В нем в 1690 г. была построена деревянная церковь Георгия Победоносца, перестроенная в камне в 1831 г. [Приходы и церкви..., 1902, с. 58-61].

Интересно отметить, что долгое время в начале XVIII в. в приход Георгиевского храма входили, в т.ч. горные заводы, такие как Новоуткинский, Уткинский, Шайтанский [Приходы и церкви..., 1902, с. 59].

В 1678 г. ниже по течению от Слободы на левом берегу появляется Нижнее село. Жители его долгое время относились к Уткинско-Слободскому приходу. Лишь в 1855 г. было начато строительство храма Архангела Михаила, освященного в 1860 г. Таким образом, Нижнесельский приход стал самостоятельным, включившим в себя также д. Треку, расположенную на правом берегу реки Чусовой, ниже по течению [Корнеева/ <http://www.okorneva.ru/ekaterinburgskiy-uezd/nijnee-selo/>; Приходы и церкви..., 1902, с. 50-52].

Посвящение храмов великомученику Георгию Победоносцу и архистратигу Михаилу не является редким. Отметим тот факт, что в Нижнем селе, ранее входящем в приход Слободы, церковь была освящена именно в честь архангела Михаила. На наш взгляд, это указывает на их взаимосвязь. Дело в том, что Михайлов день празднуется 8 ноября, в то время как второй праздник, посвященный Георгию (освящение храма в Лидде) празднуется на пять дней раньше – 3 ноября.

Среднее и верхнее течение. Горнозаводской ландшафт (табл. 3)

В XVIII в. на Чусовой, как и по всему Уралу, начинается активное строительство горных заводов. Роль реки как дороги в этом конкретном случае возрастает. Земли по Чусовой служили не только местом для поиска и разработки железных руд, но и сама река становится транспортной артерией, по которой ежегодно заводская продукция сплавляется на пристань Лёвшино, в черте современной Перми. Таким образом, в верхнем и среднем течении Чусовой начинается формирование нового типа поселений – заводских поселков, население которых из крестьян становится мастеровыми, а производство с сельского хозяйства переходит на металлургию.

Одним из первых, в 1724 г. был пущен в строй Полевской медеплавильный казенный завод. А в 1731 г. состоялось освящение деревянного храма Петра и Павла. Данный храм был перестроен в камне в 1793 г. При местном кладбище в 1796 г. была построена деревянная церковь в честь архидиакона Стефана. Храм этот сгорел в 1802 г. Помимо этих двух храмов, в 1897 г. был окончательно освящен строившийся 52 года Вознесенский храм с дополнительными приделами в честь Иверской иконы Божией Матери и Марии Магдалины. В Полевском заводе было также 4 часовни: Никольская, Вознесенская на Думной горе, мучеников Космы и Дамиана и Власиевская. Первые три были изначально построены в камне, Власиевская часовня была из деревянной перестроена в мраморе в 1864 г. [Приходы и церкви, 1902, с. 101-103].

Акинфием Демидовым в 1727 г. на левом берегу Чусовой при впадении в нее р. Шайтанка был построен Шайтанский завод (ныне село Чусовое) [Металлургические заводы..., 2001, с. 513]. Единоверческий деревянный храм в честь Рождества Христова был построен здесь только в 1840 г. [Адрес-календарь..., 1908, с. 161].

В 1729 г. был пущен в строй Староуткинский завод Демидовых [Металлургические заводы..., 2001, с. 441]. В нем лишь в 1885 г. была построена деревянная Покровская церковь [Адрес-календарь..., 1908, с. 159]. На полстолетия раньше, в 1838 г. в заводском поселке освятили деревянную единоверческую церковь в честь Николая Чудотворца [Адрес-календарь..., 1908, с. 160].

В 1731 г. появляется Васильево-Шайтанский завод Демидовых (ныне в черте г. Первоуральск), где в 1748 освящается деревянная церковь Петра и Павла. В 1820 г. храм сгорел, а на месте его престола в 1847 г. был построен кирпичный памятник с крестом. Сам храм был перестроен в камне в 1821 г. с двумя дополнительными приделами евангелиста Матфея и Иоанна Лествичника. Рядом с заводом существовали две часовни: в честь Вознесения (год постройки не известен) и в честь Кирика и Иулиты, построенная в 1877 г. в честь избавления селения от чумы [Приходы и церкви..., 1902, с. 46-47].

Недалеко от Васильево-Шайтанского завода в 1734 г. строится Ревдинский завод Демидовых. В нем в 1750 г. возводится деревянный храм в честь пророка Ильи. Позже, этот храм разбирается, а на его месте в 1826 г. строится новый каменный Михайло-Архангельский храм с дополнительными приделами Ильи Пророка и Николая Чудотворца. Примечательно, что из бревен первой церкви на другом месте была возведена еще одна – в честь святителей Петра, Алексия и Ионы (в 1837 г.). На одной из гор, находящихся в заводском поселке в 1835 г. была построена Вознесенская часовня. Во входящих в приход Михайло-Архангельского храма окрестных деревнях Починки и Барановой были построены деревянные часовни: в честь апостола Петра (1855 г., д. Починки) и Иоанна Крестителя (год неизвестен, д. Баранова) [Приходы и церкви..., 1902, с. 55-56].

В 1749 г. на р. Утке, впадающей в Чусовую слева, был построен казенный Новоуткинский завод. Местные жители начали обращаться к священноначалию по поводу строительства заводского храма еще в начале XIX в., однако построен и освящен в честь Успения Божией Матери он был только в 1838 г. [Приходы и церкви..., 1902, с. 57-58]. В приписанной к приходу Новоуткинской церкви д.

Крылосовой на средства прихожан была построена деревянная часовня в честь Николая Чудотворца [Приходы и церкви..., 1902, с. 58].

В 1754 г. пущен в строй Билимбаевский завод Строгановых. Еще во время строительства завода, в 1742 г. возводится деревянный Боягоялвенский храм, дополненный в 1754 г. Казанским приделом. После пожара данный храм вновь был отстроен в дереве в 1780 г., в 1793 г. к нему был подрублен дополнительный придел в честь св. благ. князя Александра Невского. Однако, после очередного пожара, храм был вновь отстроен в камне к 1855 г. Строительство продолжалось 35 лет. Храм был освящен в честь Святой Троицы с двумя дополнительными приделами – Богоявления и Казанской иконы Божией Матери. Также при кладбище в 1803 г. была построена деревянная Александро-Невская церковь, которую затем заменила каменная часовня того же святого [Приходы и церкви..., 1902, с. 41-43].

В 1755 г. Шуваловыми на правом притоке Чусовой – р. Серебрянке – строится одноименный чугуноплавильный завод, сплавлявший свою продукцию с пристани Ослянка на Чусовой [Металлургические заводы..., 2001, с. 423]. На заводе в 1844 г. была построена каменная Богоявленская церковь [Адрес-календарь..., 1908, с. 89].

В 1761 г. Строгановыми в среднем течении Чусовой был построен Кыновской завод. В заводском поселке в 1779 г. была построена деревянная однопрестольная Свято-Троицкая церковь, которая в 1848 г. была вновь перестроена в дереве, а в 1864 – в камне [Шумилов, 2003, с. 33].

В 1787 г. был пущен в строй Лысьвинский завод Шаховских [Металлургические предприятия..., 2001, с. 300]. Расположен он был на р. Лысьве, левом притоке Чусовой в 20 км от ее устья. Здесь в 1799 г. был построен деревянный Свято-Троицкий храм, который в 1899 г. был перестроен в камне. Кроме этого, в Лысьвинском заводе в 1850 г. был построен каменный Иоанно-Богословский храм [Шумилов, 2003, с. 33].

В 1881 г. выпустил первую продукцию Чусовской металлургический завод, построенный на средства Франко-русского общества (один из членов которого был С.М. Голицын) [Металлургические заводы..., 2001, с. 508-509]. Здесь в 1890 г. была освящена деревянная церковь в честь Ксении Миласской, построенная в память о спасении царской семьи во время катастрофы у станции Борки Харьковской железной дороги 17 октября 1888 г. [ПЕВ, 1891, с. 37–38]. Освящение в честь святой Ксении, очевидно, связано с тем, что одной из спасшихся в той катастрофе была великая княгиня Ксения Александровна, дочь императора Александра III, чьей небесной покровительницей и являлась эта святая.

Помимо самих заводов, местную транспортную инфраструктуру составляли отдельные пристани. Их было три.

В Ослянской пристани, построенной в 1735 г. [Бакшаев, 2018, с. 524], обслуживающей Серебрянский завод, находился деревянный Богоявленский храм (совпадающий по посвящению с храмом в Серебрянском заводе), который был построен здесь в 1894 г. [Адрес-календарь..., 1908, с. 89].

Илимская пристань, построенная в 1744 г. [Бакшаев, 2018, с. 523] использовалась для постройки барок для сплава продукции заводов казенного Гороблагодатского горного округа [Сутырин, 1964, с. 18]. В 1833 г. здесь была возведена деревянная Свято-Троицкая церковь [Адрес-календарь..., 1908, с. 89].

Еще в одной пристани, Усть-Утке из часовни Ильи пророка была построена одноименная церковь. Случилось это в 1900 г. [<http://усть-утка.рф/wordpress/2017/07/21/церковь-часовни/>].

Помимо пристаней, в культурный ландшафт Горнозаводского Урала входили также крепости, построенные для защиты заводов от набегов. Так для защиты Полевского завода в первой половине XVIII в. на правом притоке Чусовой, р. Полдней была основана Полдневская крепость, позже ставшая одноименным селом. Жители села, до освящения здесь в 1856 г. Свято-Николаевского храма, относились к

приходу Петро-Павловского храма Полевского завода. В память избавления Полевского завода от войск Пугачева мастеровыми было принято решение ежегодно приносить в завод чудотворный образ святителя Николая Мирликийского из Полдневского села. Таким образом, сформировалась местная традиция крестных ходов – для проводов этой иконы в Полевской в конце апреля и для встречи ее 9 мая [Приходы и церкви, 1902, с. 99-100].

Отметим также и сельский вариант расселения в этой горнозаводской местности. Речь идет о деревнях и селах, жители которых не были заняты в сельском хозяйстве, либо занимались им в меньшей степени. А основным родом деятельности их были работы на приисках, либо рудниках.

К такому типу поселений относится с. Курганово, возникшее в первой четверти XVIII в. Жители его были заняты на кварцедробильной мельнице, затем на работах в рудниках и на приисках. Самостоятельный приход здесь образовался лишь в 1891 г., когда был построен и освящен однопрестольный деревянный храм Николая Чудотворца. Помимо храма в селе имела также деревянная Александро-Невская часовня, построенная в память об императоре Александре II [Приходы и церкви..., 1902, с. 92-93].

Еще одно село, Кунгурское, расположенное на речке Кунгурке, левом притоке Чусовой, недалеко от впадения ее в Чусовую, жители которого работали на золотых приисках, возникло еще в середине XVIII в. как лесопильная мельница. Окончательно стало заселяться в 1826 г. В 1843 г. здесь была построена деревянная часовня в память о священномученике Василии Амасийском. Она была перестроена в камне в 1849 г, а в 1854 г. к ней были пристроены деревянные трапезная и колокольня. Полностью в камне часовня была отстроена в 1899 г. уже как храм. К приходу данного храма была также приписана деревянная часовня, к которой ежегодно 20 июля совершался крестный ход [Приходы и церкви, 1902, с.91-92]. Очевидно, что данная часовня имела посвящение пророку Илье.

Посвящение храмов, формирующих православный ландшафт горнозаводской части Чусовой имеет свои особенности. Прежде всего, это Троицкое посвящение (4 случая) и Петропавловское (2 случая). Данная тенденция полностью соответствует горнозаводским особенностям православного ландшафта, отмеченным нами ранее [Вострокнутов, 2021]. Празднование Троицы и дня Петра и Павла приходится на летний период, и остановка работы по случаю престольного праздника, в любом случае, совпадала бы с народными гуляниями. Кроме этого, Петропавловское посвящение можно связать с идеей государственности, как и в случае с Успенским посвящением, о чем было сказано ранее – XVIII в., на который приходится период появления и расцвета горнозаводского дела, напрямую связан с преобразованиями Петра I.

Интересно также отметить большое количество посвящений Богоявлению (3 случая). Данное посвящение довольно редкое для горнозаводских поселков. К примеру, из всех заводов, расположенных в Пермской губернии на территории, входящей в современный Пермский край только один храм был освящен в честь Богоявления (в Майкарском заводе) [Вострокнутов, 2021, табл. 3].

Остальные посвящения храмов горнозаводской Чусовой достаточно разнообразны. Они освящены в честь двенадцатых праздников (за исключением Троицы и Богоявления о которых говорилось ранее): Рождества Христова, Вознесения и Успения; в честь архангела Михаила; в честь святых: Иоанна Богослова, Ильи Пророка (2 случая), Николая Чудотворца (3 случая), Василия Амасийского, Ксении Миласской, Петра Алексия и Ионы Московских, Архидиакона Стефана.

Интересно отметить такую деталь: если главный престол нового храма освящался не в честь того святого, что у ранее стоявшей церкви, то это посвящение переходило на дополнительный придел (например, Пророко-Ильинский храм в Ревде

был вновь освящен в честь Святой Троицы с дополнительным приделом Ильи пророка).

Посвящения в честь Николая Чудотворца и Ильи пророка явно указывают на связь местного горнозаводского населения с сельским прошлым, где оба этих святых занимают важное место в праздничном календаре [Черных, 2009, с. 99, 144-147]. Другие единичные посвящения, как в случае с храмом св. Ксении, очевидно носят индивидуальный характер.

Особенностью культурного ландшафта Чусовой, связанного с горными заводами являются также прибрежные скалы-камни, которые здесь называются бойцы. Во время весеннего сплава заводской продукции суда, ее перевозившие, часто терпели крушения из-за ударов об эти бойцы. У каждого такого камня на Чусовой есть свое название: в честь человека, погибшего у него, морфологических особенностей, характера течения реки возле бойца и т.д. Но ни одного православного наименования. При том, что берега реки, как видно из вышесказанного, активно входили в православное пространство. Очевидно, это можно связать с характером «взаимоотношений» местного населения и камней-бойцов: поскольку они не несли только проблемы и горе, то, естественно, не возникало ситуации, когда какая-либо прибрежная скала получила бы православное название.

Проанализировав развитие православного ландшафта р. Чусовой, мы можем сделать несколько выводов.

Исторически обусловленное начало русской колонизации нижнего течения этой реки сопровождалось строительством храмов. За короткий срок с конца XVI по середину XVII вв. здесь было возведено 7 церквей. Строгановские вотчины на этой территории активно формировали православный ландшафт, начиная от Нижнего Чусовского городка на западе, заканчивая селом Камасино на востоке. Отметим сельскую направленность развития этой территории. Поскольку православное пространство Чусовой начинало формироваться на строгановских землях, то его особенности также были обусловлены данным фактом: возводимые храмы и их дополнительные приделы освящались в честь небесных покровителей хозяев земель. Также освящение храмов и приделов подчеркивало связь с государственным центром – Москвой: придел священномученика Климента, храм Петра, Алексия, Ионы Московских, Успения

Развитие православного ландшафта Чусовой продолжается во второй половине XVII в. гораздо выше по течению – в пригородной части современного Екатеринбурга. Связано оно также с сельским расселением. Однако очень быстро сельская парадигма освоения местных земель сменяется промышленной – со строительством Полевского завода начинается на Чусовой начинается эпоха горных заводов. Происходит это также в верхнем течении. Во второй половине XIX в. православный ландшафт Чусовой продолжает свое развитие вновь в нижнем течении.

Посвящения храмов в XVIII – XIX вв. несколько изменяется – преобладающим становится посвящение двенадцатым праздникам (Троицы, Рождества Христова, Вознесения, Богоявления) и таким святым как Илья Пророк, Николай Чудотворец, а также апостолы Петр и Павел.

Разница между горнозаводской и сельской моделей православного ландшафта также прослеживается. Особенно это становится видно в XIX в. – если в сельской местности в это время храмы освящаются по большей части, либо в честь двенадцатых праздников, либо в честь Богородицы, то на Горнозаводской Чусовой двенадцатое посвящение уступает посвящению святым (9 против 11 случаев в XIX в.).

Если картографировать приведенные нами данные, но на третьем этапе мы увидим концентрацию православных храмов в верхнем и нижнем течении реки, а

между этими двумя территориями находится пустое с точки зрения христианской сакральности пространство.

Это пространство стало также входить в православный ландшафт Чусовой как раз с развитием горного дела, когда помимо заводов формировалась и инфраструктура по доставке их продукции в центральную часть России. Освоение среднего течения реки в контексте православного ландшафта связано со строительством пристаней – Илима, Ослянки и Утки. Также возникают здесь и заводы – Кыновской на Чусовой и Серебрянский на одноименном правом притоке, однако, связанный с главной водной артерией.

Таким образом мы рассмотрели процесс формирования православного ландшафта реки Чусовая на протяжении четырех столетий. Процесс этот выделил две модели православного пространства – сельскую и горнозаводскую, имевшие свои отличия, несмотря на то, что формировались они долгое время синхронно. Дальнейшее изучение данной темы позволит нам более детально охарактеризовать православный ландшафт (а значит и культурный ландшафт) этой важной реки в исследуемом регионе.

Библиографический список

1. Адрес-календарь Пермской епархии за 1909 г. – Пермь: Электро-тип. В.А. Чердынцева, 1908. – 321 с.
2. Бахшаев А.А. Организация транспортировки продукции казённых горных округов Урала в первой половине XIX века // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2018. Том 28. Вып. 4. С. 522 – 532
3. Вострокнутов А.В. Особенности Наименования храмов горнозаводских поселков Пермской губернии // Труды КАЭЭ. 2021. Вып. 19. С. 153-166
4. Головачанский Г.П., Мельничук А.Ф. Строгановские городки, острожки, села. Пермь: Книжный мир, 2005. 232 с.
5. Дмитриев А.А. Пермская старина. Пермь: Типография наследников П.Ф. Каменского, 1892. Вып. IV: Строгановы и Ермак. 194 с.
6. Казанская свято-Трифоновая женская пустынь. История монастыря. [Электронный ресурс]. URL: <http://v-chus.cerkov.ru/main-page/istoriya-monastyrya/> Дата обращения 01.09.2022
7. Калуцков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А., Фадеева Л.В. Родионов Е.А. Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье / Семинар «Культурный ландшафт»: первый тематический выпуск докладов. – М.: Изд-во ФМБК, 1998. – 136 с.
8. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и Советское обитаемое пространство: Сборник статей. М: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
9. Корнеева О. Нижнее село. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.okorneva.ru/ekaterinburgskiy-uezd/nijnee-selo/>. Дата обращения: 29.09.2022
10. Куликовская Покровская православная церковь. Проект Государственного архива Пермского края «Поколения Пермского края» [Электронный ресурс] – URL: <https://pokolenia.permkrai.ru/news/view/214>. Дата обращения: 01.11.2022
11. Купцов И.В. Род Строгановых. Челябинск: Изд-во Каменный пояс, 2005. 224 с.
12. На путях из Земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии североуральского крестьянства XVII – XX вв. М: Наука, 1989. 352 с.
13. Назаренко А.В. «Слово на обновление Десятинной церкви», или к истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kliment_Rimskij/slovo-na-obnovlenie-desjatinnoj-tserkvi-ili-k-istorii-pochitanija-svjatitelja-klimenta-rimskogo-v-drevnej-rusi/ Дата обращения: 01.10.2022
14. Памятная книжка Пермской губернии на 1863г. Год Первый. - Пермь: Губернская типография, 1862

15. Освящение церкви на станции Чусовой Уральской железной дороги // Пермские епархиальные ведомости. – 1891. № 3. Отдел официальный. – С. 37–38
16. Постройка и освящение храма и дома для церковной школы в деревне Селах, Пермского уезда // Пермские епархиальные ведомости. – 1896. № 9. Отдел неофициальный. – С. 209-234
17. Печерская К. Церковь и часовни в Усть-Утке и Баронской [Электронный ресурс]. URL: <http://усть-утка.рф/wordpress/2017/07/21/церковь-часовни/> Дата обращения: 12.09.2022
18. Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург: Братство Св. Праведного Симеона Верхотурского Чудотворца, 1902. 647 с.
19. Сутырин Б.А. Из истории судоходства по реке Чусовой в XIX в. // Вопросы истории Урала. Вып. 5. Свердловск: УрГУ, 1964. С. 17 – 26
20. Шумилов Е.Н. Православные и единоверческие храмы Пермского края: краткий исторический справочник. - Пермь, 2003. - 71 с.
21. Чагин Г.Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII – первой половине XIX века. Пермь: Издательство Пермского университета, 1995. 364 с.
22. Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье. Часть III. Словарь хрононимов. -Пермь: Изд-во «Пушка», 2009. - 280 с.

Сведения об авторе

Вострокнутов Артем Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории теоретической и прикладной фольклористики Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Пермский государственный национально-исследовательский университет» (ПГНИУ).

Vostroknutov Artem Victorovich, candidate of Historical Sciences, Researcher at the Laboratory of Theoretical and Applied Folklore Studies Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Perm State National Research University» (Perm State University).

Табл. 1. Нижнее течение. Сельское расселение. XVI – XIX
(в скобках указаны дополнительные приделы)

Поселение	Кон. XVI	I пол. XVI I	II пол. XVII	I пол. XVII I	II пол. XVII I	I пол. XIX	II пол. XI X	Нач. XX
Нижний Городок	Богоявления (Иоанна Богослова, Николая Чудотворца)			Богоявления (Петра и Павла), кам.				
	Петра, Алексия и Ионы Московских		-					
Село Успенка	Успенская часовня	Успенский храм (усекновение главы Иоанны Предтечи)					Успенский, кам.	
Верхний городок	-	Никольский (Максима Исповедника, Прокопия Устюжского)			-			
	-	Рождества Христова (Климента Римского)			Рождества Христова (Николая Чудотворца, Казанской иконы), кам.			
	-	Иакова			-			

		Алфеева (Евфимии Прехвальной)						
Село Камасинское	-	Рождества Богородицы (Ильи Пророка)			Рождества Богородицы (Николая Чудотворца)			
Верхнее Калино	-		Воскресения Христова			Воскресения Христова		
Село Красная Слудка	-					Вознесения Господня		
Село Вереинское	-					Святой Троицы		
Село Красная горка							Всех Святых	
Село Копально							Покрова Богородицы	
Село Сёла						Ильи Пророка , часовня	Ильи Пророка	
Село Куликово								Покрова Богородиц ы

Табл. 2. Среднее и Верхнее течение. Сельское расселение. XVII – XIX вв.

Поселение	II пол. XVII	I пол. XVIII	II пол. XVIII	I пол. XIX	II пол. XIX	Нач. XX
Село Уткинская Слобода	Георгия Победоносца			Георгия Победоносца, кам.		
Нижнее село	-				Архангела Михаила	

Табл. 3. Среднее и верхнее течение. Горнозаводской ландшафт. XVIII – нач. XX вв.
(в скобках указаны дополнительные приделы)

Поселение	I пол. XVIII	II пол. XVIII	I пол. XIX	II пол. XIX	Нач. XX
Полевской завод	Петра и Павла	Петра и Павла, кам.			
	-	Стефана архидиакона	-		
	-		Вознесенский (Иверской иконы, Марии Магдалины)		

Шайтанский завод (с. Чусовое ныне)	-		Рождества Христова (единовер.)		
Староуткинский завод	-			Николая Чудотворца (единовер.)	
Васильево-Шайтанский завод	Петра и Павла		Петра и Павла (ап. Ев. Матфея и Иоанна Лествечника), кам.		
Ревдинский завод	-	Ильи Пророка	Архангела Михаила (Ильи Пророка, Николая Чудотворца), кам.		
	-		Петра, Алексия и Ионы Московских		
Новоуткинский завод	-		Успенский		
Билимбаевский завод	Богоявления (Казанской иконы)	Богоявления (Невского)	(Александра	Святой Троицы (Богоявления, Казанской иконы), кам.	
Серебрянский завод	-		Богоявления, кам.		
Кыновской завод		Святой Троицы	Святой Троицы (новый)	Святой Троицы, кам.	
Лысьвинский завод	-	Святой Троицы		Святой Троицы, кам.	
	-			Иоанна Богослова, кам.	
Чусовской завод	-			Ксении Миласской	
Ослянская пристань	-			Богоявления	
Илимская пристань	-		Святой Троицы		
Усть-Утка, пристань	-			Ильи Пророка, часовня	Ильи Пророка, храм
Полдневская крепость (село)	-			Николая Чудотворца	
Село Курганово	-			Николая Чудотворца	
Село Кунгурское	-		Василия Амасийского, часовня/храм	Василия Амасийского, кам	

УДК 316.4+39(470.531)

DOI: 10.24412/2658-7637-2022-21-134 -142

Т.Г. Голева¹**ЛЕС КАК МЕСТО ТАЙНОГО УБЕЖИЩА: ПО МАТЕРИАЛАМ XIX – НАЧАЛА XXI ВВ. ТЕРРИТОРИИ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ОКРУГА**

¹Институт гуманитарных исследований Уральского отделения РАН – филиал Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН, Пермь, Российская Федерация

Архивные и фольклорные источники свидетельствуют о том, что на территории Коми-Пермяцкого округа на протяжении нескольких веков существовали практики обустройства тайных убежищ в лесу. Причины ухода в лес и способы выживания в нем различались. Все известные случаи объединяет одно обстоятельство – беглецы пытались спрятаться от властей и наложенных ими обязательств и ограничений. Отмечается противостояние по экономическим, идеологическим и политическим вопросам. Подобные истории были широко распространены на территории Российского государства, способ скрыться в лесу был лишь одним из вариантов, который позволял остаться на свободе, выжить или давал надежду на будущее. В статье описываются известные примеры о тайных убежищах в лесах Коми-Пермяцкого округа, внимание обращается не только на причины и условия обустройства беглецов, но также на отношение к ним местного населения. Одна из исследовательских задач – на основе примеров о тайных укрытиях определить воззрения местного населения на лес. Анализ материалов показывает, что лес ассоциируется со свободой, безопасностью, иногда с достатком, вместе с тем негативные последствия деятельности некоторых скрывающихся людей усиливают чувства неизведанности и страха перед лесом.

Ключевые слова: Коми-Пермяцкий округ, воззрения на лес, бегство крестьян, социальный протест, предания о разбойниках, старообрядцы, рекрутчина.

T.G. Goleva¹**A FOREST AS A SPACE FOR A HIDING PLACE: BASED ON THE MATERIALS OF THE 19TH – EARLY 21ST CENTURIES OF THE KOMI-PERMYAK AREA**

¹Institute of Humanitarian Studies UB RAS – branch of the Perm Federal Research Center of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation

Archival and folklore sources indicate that on the territory of the Komi-Permyak Area for several centuries there were practices of arranging hiding places in the forest. The reasons for going into the forest and ways of surviving in it varied. All known cases are united by one circumstance – the fugitives tried to hide from the authorities and the obligations and restrictions imposed by them. There is a confrontation over economic, ideological and political issues. Similar stories were widely spread on the territory of the Russian state. The hiding in the forest was one of the options that allowed the fugitives to remain free, survive, or give hope for the future. The article describes examples of hiding places in the forest; attention is drawn not only to the reasons for escaping and living conditions of the fugitives, but also to the attitude of the local population towards them. One of the research tasks is to determine the views and attitude of the local population to the forest on the examples about hiding places. The study shows that the forest is associated with freedom, security, sometimes with prosperity,

*Работа выполнена в рамках государственного задания; номер государственной регистрации темы АААА-А19-119032590066-2; при поддержке Министерства образования и науки Пермского края (соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.) в рамках программы развития «Пермской археолого-этнографической научной школы».

however, the negative consequences of the activities of some hiding people increase feelings of unknown and fear of the forest.

Keywords: *Komi-Permyak Area, view of the forest, the flight of peasants, social protest, legends about robbers, Old Believers, recruitment to the army.*

Введение

Леса покрывают большую часть земель Коми-Пермяцкого округа. В течение многих столетий жизнь местного населения была связана с освоением новых лесных пространств и добычей лесных ресурсов. Как верно подметили исследователи, характеризующие северные районы округа, «уклад жизни во многом определила история леса: от подсек до типов отхожих промыслов, от заготовки и сплава солеваренных дров, строевого леса для пермских соляных заводов до интенсивного промышленного освоения в XX в.» [Алейников и др., 2018, с. 164]. Несмотря на постоянное хозяйственно-экономическое использование лесных угодий, в народных воззрениях лес остается природной стихией, которая в мифологическом сознании воспринимается как неокультуренное, «чужое» пространство. Данное отношение ярче всего выражается в народных поверьях о страшных местах, проявлениях демонических персонажей [Голева, 2010, с. 39–42]. Специфический взгляд на лес еще раскрывается при анализе фольклорных и документальных свидетельств о тайном укрытии в нем людей. Изучение таких историй позволяет дополнить народные воззрения на лес, установить функциональное и ценностное значение подобных социальных практик.

Истории о тайных убежищах в лесу фиксируются в нескольких типах источниковых материалов – это судебные и следственные дела, народные предания, семейные истории, слухи и толки, свидетельства очевидцев. Некоторые из них опубликованы, другие хранятся в архивных коллекциях, третьи были собраны в ходе современных полевых исследований на территории Коми-Пермяцкого округа и хранятся в личном архиве автора статьи.

Настоящее исследование ориентировано на решение двух связанных между собой задач: характеристика укрывательства в лесу как социального явления и определение на основе этого роли и значения леса в мировоззрении местного населения, в частности коми-пермяков. Исследование опирается на ряд исторических и фольклорных методов: комплексный, конкретно-исторический, сравнительный, изучение устной истории.

Предания о разбойниках

К более ранним примерам поиска убежищ в лесах на территории Коми-Пермяцкого округа можно отнести рассказы о разбойниках. В народных преданиях годы действия персонажей указываются редко, иногда их считают представителями древней мифической чуди. В отдельных же повествованиях рассказчики упоминают известные исторические лица или старшие поколения своих родственников (Ермак, Петр 1, Емельян Пугачев, дед), поэтому описываемые события условно можно отнести к годам их деятельности и очертить периодом с XVI в. до начала XX в. Истории об ушкуйниках были широко распространены в Прикамье, большинство их составляет цикл преданий о камской вольнице – о разбойниках, действовавших в бассейне Камы [Весновский, 1927]. Ряд преданий, записанных на территории Коми-Пермяцкого округа, можно отнести к этому циклу, так как в них разбойники тоже грабят поселения по берегам рек.

В народных повествованиях иногда называются места пристанищ разбойников, обычно указывается на определенный лес или местечко в нем (овраг, холм, бассейн реки): «От Баскоева одна гора, другая гора спускается, третья гора, как валы образовались, а это был сплошной дремучий лес, вот они в этих местах и скрывались» (ПМА. 2003 г., д. Бажино, Юсьвинский р-н); «А вот в Бажиной были, там лес-то был. <...> Там землянки были у них. Уже завалились все» (ПМА. 2003 г., д. Михеево, Юсьвинский р-н); «За деревней Андроновой есть бугор Дарьямыслодор. Где-то тут

зарыт золотой клад. Золото спрятано разбойниками, которые промышляли на Каме, а здесь у них было пристанище» [Заветный клад, 2007, с. 237]. Участники археологической экспедиции 1938 г. посетили два места в Кудымкарском районе, где, по преданиям, располагались в прошлом жилища разбойников. Одно место находилось у реки в поле, на нем не было обнаружено культурного слоя, второе – в лесу в 200 м от полей, там были найдены следы небольшой избушки [Дневник..., 2009, с. 41, 43]. То есть, предположительно, народные предания могли иметь реальную основу. В исторической памяти и народном мировосприятии отдельные локусы ассоциируются с местами тайного пребывания разбойников и скрытых ими богатств, причем тема о разбойничьих кладах в прошлом была довольно распространена. Своеобразной «зарубкой» в народной памяти о грабителях стали местные топонимы: Разбойничий лог, «Бор с большим домом» и т. п. [Арбат, 1970, с. 97; Заветный клад, 2007, с. 249].

Зачастую в народных рассказах разбойники называются пришлыми, неместными людьми. Причины появления грабителей в указанных лесных уголках определяются редко, среди озвученных – укрытие от преследований властей за причастность к крестьянскому движению во время Пугачевского бунта, бегство от работ по строительству Петербурга при Петре I (ПМА. 2003 г., Юсьвинский р-н), а также участие в покорении Сибири (АКНЦ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 54. Л. 77). Бегство и разбойничий промысел таких людей определяется как вынужденная мера: «...А грабить-то население... Раз скрывались, есть-то надо было что-то» (ПМА. 2003 г. д. Бажино, Юсьвинский р-н). Отметим, что в некоторых преданиях бывшие пугачевцы не идентифицируются как грабители, тем не менее по сюжету они тоже укрываются в местных лесах от властей: «Есть рядом деревня Пальницы – там пугачевцы жили. После разгрома Емельянова войска часть пугачевцев к нам добралась. Леса их скрыли» [Арбат, 1970, с. 97]. Отношение к разбойникам в преданиях населения Коми-Пермяцкого округа неоднозначное: в одних повествованиях звучит явное осуждение, в других имеются попытки оправдания, и формируется образ благородного разбойника [Заветный клад, 2007, с. 249-251]. В последнем случае указывается, что разбойники грабили только богатых или власть дала им волю с целью покорения Сибири, а грабеж был их попутным занятием, при этом в местных тестах не встречаются развернутые сюжеты о защите ими обездоленных крестьян, которые были известны на Урале и в Сибири [Соколова, 1970, с. 148]. Героический образ разбойников прослеживается в мотивах об их магической силе – способности отводить от себя пули и заговаривать зарытые сокровища; одновременно на преступный характер деятельности намекают заключительные части преданий о расправе над ними (казнь властями, поражение пулей из пуговицы).

Старообрядческие скиты и бегство от рекрутчины

Старообрядчество было слабо распространено среди коми-пермяцкого и русского населения территории Коми-Пермяцкого округа [Голева, 2019], но местные дремучие леса были привлекательны для сторонников старой веры. Известно, что в северной части округа 1840-1850-е гг. по р. Лупье находилось несколько скитов, в 1854 г. два из них были обнаружены властями по информации, данной арестованными раскольниками, бывшими прежде в этих местах. По материалам следственного дела, один скит для женщин был построен местными работниками. Строение было довольно вместительным: «Скит представлял собой новый деревянный дом (11х7 м), выстроенный из пихтового и елового леса. Внутри дома двое сеней, две избы с русскими печами, моленная и чулан. Во дворе – корова, 5,5 саж. дров, воз соломы» [Починская, 2003, с. 234-241]. Скиты находились в 3-5 верстах от д. Лупьи, друг от друга были отдалены на 1-2 версты. В каждом проживало по несколько человек. Их обитателями были жители местных деревень, Глазовского уезда Вятской губернии, Оханского и Соликамского уездов Пермской губернии. При одном ските пребывал крестьянин д. Лупьи, которого «выкрали» после взятия его в рекруты. По

следственным материалам, устроившая женский скит матушка Тарсила помогала бежать в лупьинские скиты и другим рекрутам, но доказательств этого найти не удалось [Починская, 2003, с. 242]. Участие местных жителей в строительстве и близкое расстояние от населенного пункта указывают на то, что места скитов могли быть известны лупьинцам и между ними были возможны редкие контакты.

В 1856 г. в Юмской волости в 7 верстах от д. Мыс местные крестьяне случайно обнаружили избушку, «вкопанную в угор оврага», и сообщили местным властям, так как опасались, что это убежище разбойников. Была организована облава, но жильцы успели уйти, оставив на столе заведенную квашню. Избушка имела по 5 аршин во все стороны, к ней были пристроены сени, внутри она была разделена тремя перегородками, имела глинобитную печь. Интерьер был скудным, был найден небольшой запас продовольствия, а также кадило, граф для письма и исписанные листы. На одном листе были отмечены изменения лунного календаря за год, на втором – написано проклятие разорителям: «Хто пустыных молелшиков зорит нарицаца антихрист тому мука вечна безсконча аминь», на третьем – сообщение о том, что автор ее посетил хижину накануне Вознесения и просит у ее хозяев благословения. Последнее письмо, по утверждению грамотных крестьян, было написано рукою бежавшего из дома весной 1854 г. раскольника Максима Егорова Ивановых. По разделению избушки на секции и наличию в ней двух столов и двух стульев можно судить о том, что в ней проживали двое или более человек. Во время розыскных работ была обнаружена тропка от избушки до д. Мыс, поэтому местных жителей подозревали в доставке продовольствия укрывавшимся в лесу людям (ГАПК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 462. Л. 5–6, 13 об.). В числе подозреваемых жильцов были местные крестьяне, бежавшие от рекрутства. Допросы населения ничего не дали. Во время розыска с поличным был взят только бежавший весной 1856 г. мастеровой Нижнетуринского завода (ГАПК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 462. Л. 14-17, 69).

Бегство старообрядцев на необжитые места было распространено на севере европейской части России, на Урале и в Сибири. Оно было связано с преследованием раскольников властями и обрело идеологическое значение, став одним из догматов веры (уход от греховного мира) [Пришвин, 1956, с. 149–160; Покровский, 1975, с. 19–20]. В Урало-Сибирском регионе раскольники создали целую сеть неизвестных властям убежищ, которые помогали беглецам [Александров, Покровский, 1991, с. 343]. Отчасти этот процесс затронул и северную часть территории Коми-Пермяцкого округа.

Рекрутская повинность была одной из причин ухода раскольников в скиты, и их отношение к службе совпадало с настроениями некоторых мирских крестьян, среди которых были распространены разные способы уклонения от данного обязательства: бегство, членовредительство, покупка рекрутских квитанций и др. [Бирюкова, 2013, с. 24; Голикова, 2021, с. 7], в том числе и у коми-пермяков (ГАПК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 61) [Янович, 1903, с. 152]. Таким образом, движение пустынночества привлекало к себе рекрутов-призывников и содействовало их уклонению от службы в армии.

Насельники скитов жили укромно, но не были полностью изолированы от остального общества, они имели регулярные связи с единомышленниками и сочувствующими жителями ближайших деревень. Судя по архивным записям, жители окрестных деревень, которые могли бы знать о наличии тайных лесных укрытий, никаких сведений об этом властям не предоставляли. Для самообеспечения укрывшиеся в лесах вели хозяйство, например, на Лупье держали корову, в Юмской волости по дороге к избушке было найдено удобное для пашни выгоревшее место, которое, возможно, планировали использовать ее жильцы. Раскольникам удалось скрываться в описанных скитах от 1 до 12 лет.

Не обозначенные на карте деревни, бегство от разорения

В начале 1930-х гг. властям впервые стало известно о существовании поселения, которое находилось на севере Гайнского района на р. Тимшер. В последующем

деревню называли Тимшор. О ней писали разноречивую информацию. По одной версии, первыми ее основателями были старообрядцы [Гайнский район, 2006, с. 31], по другой – бежавшие рекруты [Вылежнев, 1957, с. 3]. По версии Ю. Вылежнева, в 1932 г. один из потомков рекрутов пришел в Гайны и рассказал миру о неизвестной никому деревне. Журналисты А. Федоров и В. Баталов пишут о том, что первоначально на этом месте в 1860 г. поселился бежавший от рекрутства крестьянин д. Чуршиной или д. Лупьи, он прожил там 10 (по другому варианту 25) лет и вернулся в отчий дом. На рубеже XIX–XX вв. он привел на Тимшер трех крестьян из деревень Елево, Михалево и Иванчино, искавших богатое лесной дичью место, где можно было скрыться от властей, пошлин и поборов. На одного из них был наложен непосильного штрафа за порубку сосны. Через три года, после обустройства, мужчины перевезли на Тимшер свои семьи и пожитки [Федоров, 1962, с. 3; Баталов, 1965, с. 3]. Ко времени открытия деревни в ней насчитывалось уже 15 дворов [Гайнский район, 2006, с. 31]. В деревнях Елево, Чуршина и Михалево, откуда были выходцы неизвестной никому деревни, в начале XX в. отмечалось распространение старообрядчества [Голева, 2019, с. 50]. Возможно, среди ушедших в лес семей были приверженцы старой веры. Примечательно, что все жители Тимшора были грамотными [Вылежнев, 1957, с. 3], а традиция самостоятельного обучения чтению и письму была в практике старообрядцев.

Основными средствами пропитания для новопоселенцев были охота и рыболовство. Также они держали скот, сеяли рожь [Федотов, 1962, с. 3]. Вероятно, за 30 лет у тимшорцев все же были редкие контакты с другими людьми, родственниками или с зырянами, хотя свидетельств об этом нет. Известно, что в верховьях р. Тимшер коми-зырянами были основаны деревни Касево, Липино и Красная Гора [Гайнский район, 2006, с. 31]. Эти поселения в 1926 г. состояли в Устькуломском районе Коми области под названиями Тимшор первый, второй, третий [Список, 1930, с. 57]. Жители деревень жили самостоятельно, занимались подсечным земледелием, животноводством, охотой и рыболовством, связь с родным краем осуществляли через санную дорогу [Гайнский район, 2006, с. 31].

Убежища в лесу в советское время

После установления советской власти у людей появились новые поводы укрыться в лесу. Жесткая политика в период коллективизации привела к появлению групп несогласных и даже противоборствующих крестьян. Некоторым из них удалось объединиться и действовать сообща. В исторических повествованиях они обычно называются бандами. Их появление связано в первую очередь с отказом подчиняться властям. Сопутствующими сопротивлению действиями стали насилие и грабежи государственных учреждений, коллективных хозяйств (КПОГА. Ф. Р-252. Оп. 1. Д. 209. Л. 20об.–22, 25, 28–29) [Арбат, 1970, с. 144–146; Коньшин, 2004, с. 188]. По рассказам населения, участники банд пытались спрятаться в отдаленных небольших деревушках, но активные розыски заставили их покинуть населенные пункты. Вот как описывают лесное убежище Курая, крестьянина Косинского района: «Кёвригаас кытчöкö каясö да сэтшöм тёмной лесö пырасö, сэтöн шалаш керасö ния. Сэтöн пö тöкö мый и абу – шыдöсыс, пизыыс, ситечыс нылöн! Да вöл...» (Куда-то в сторону Ковриги уйдут да в такой темный лес зайдут, там они построят шалаш. Там чего только нет – зерно, мука, ситец у них! И лошадь...) (ПМА. 2012, с. Пуксиб, Косинский р-н). Леса и болота помогали скрываться бандам до двух и более лет. Продолжающиеся грабительские набеги обусловили активные действия властей, что привело к их разгрому и бегству в другие регионы (КПОГА. Ф. Р-252. Оп. 1. Д. 18. Л. 6) [Арбат, 1970, с. 146]. С позиций советской власти участники банд идентифицировались как преступники. В настоящее время их деятельность переосмысливается, и от населения можно услышать иные оценки: «Между прочим, он не разбойничал, он был купец. Он плохое ничего не сделал. Это просто была политика такая... Он помогал, наоборот» (ПМА. 2011, с. Пуксиб, Косинский р-н). Известно, что в бандах участвовало много местных

крестьян, имевших родственников в деревнях. Скорее всего, основную опасность они представляли для должностных лиц, хотя по описаниям А. Кривошекова, банда Г. Распутина в Кочевском районе терроризировала лесные поселки и деревни (КПОГА. Ф. Р-252. Оп. 1. Д. 209. Л. 21).

В те же годы в лесах прятались бежавшие с мест высылки раскулаченные крестьяне. Известна одна такая история о жителе Гайнского района. Пожилой мужчина вернулся из Усольского района, но не мог остаться в деревне, поэтому прятался в лесу: «Отец-то у бабушки сбежал оттуда с Усоля и где-то здесь в лесах скрывался, и там и умер. Похоронен на нашем кладбище» (ПМА. 2016. д. Данилово, Гайнский р-н). По-видимому, он поддерживал связь с родственниками, летом помогал им на покосе. Подробности истории неизвестны, так как в советское время люди остерегались делиться такой информацией.

Скудные истории также передаются о людях, уклонявшихся от службы на Великой Отечественной войне. В одном рассказе говорится о человеке, который жил в землянке в лесу, а время от времени перебирался в подполье своего дома. Заботиться о нем приходилось одной жене, что было для нее тяжелым бременем, поэтому, по словам рассказчицы, она его предала, и мужчину посадили на три года за дезертирство (ПМА. 2007, д. Важ-Пашня, Кудымкарский р-н). Среди населения Гайнского района были распространены слухи о бежавшем в лес от службы Игнате: «Игнат – это человек, который скрывался от советской власти»; «Все уехали на войну, а он оденется в женское да по лесу ходит». Рассказывают, что после окончания войны он вернулся домой. В записанных устных сообщениях проступают негативные оценки этого человека. Осуждают его за насилие по отношению к женщинам, якобы в лесу он ловил их и держал в своем убежище по несколько дней. Некоторые называют его колдуном, потому что он смог скрыться, и никто его за это не наказал (ПМА. 2005, пос. Кебраты; 2010, пос. Жемчужный, Гайнский р-н).

Обсуждение материалов

Все рассмотренные истории об укрытиях в лесу можно объяснить попытками уйти от власти. Почти никто из прятавшихся полностью не обрывал связь с обществом, поэтому нельзя утверждать об их уходе от семьи или от общины. Возможно, у насельников раскольничьих скитов было желание отгородиться от общества, но местное население, по-видимому, никоим образом не тревожило их, тогда как представители власти выискивали их убежища. Практики побега обычно определяют как пассивный социальный протест [Усенко, 2006, с. 76], но в случаях применения насилия (разбойниками и бандами) противостояние уже обретает активный характер. Среди приведенных примеров выделяются экономические (бегство от штрафа и налогов), идеологические (уклонение от рекрутчины и войны, раскольничьи скиты) и политические причины (противоборство раскулачиванию в 1930-е гг.), хотя в некоторых случаях разные основания связаны между собой (поиск новых удобных для хозяйства земель семьями раскольников, сопротивление экономической политике местных властей по созданию коллективных крестьянских хозяйств и репрессиям по отношению к кулакам).

Обозначенные истории имеют отношение к общим для российского населения историческим событиям и социальным явлениям. Похожие процессы бегства от каких-либо обязанностей или религиозного, идеологического влияния происходили в других регионах, где также известны примеры о лесных тайниках разбойников или раскольников. Следует отметить, что на территории Северного Прикамья подобный способ решения проблем использовался чужаками и местным населением в разные исторические периоды.

Т.С. Мамсик, исследовавшая побеги в Западной Сибири в XVIII в. пишет о том, что в общественном мнении «уход в знак протеста против “незаконных”, с точки зрения крестьян, действий воспринимался как поступок нравственно оправданный

перед представителем верховной власти» [Мамсик, 1978, с. 184]. У населения изучаемой территории не наблюдается явного осуждения актов тайного поселения в лесу, но отношение к героям рассказанных историй все же неоднозначное, в каких-то случаях оно основывается на причинах их побега, в других (обычно негативное) – складывается в зависимости от влияния их деятельности на жизнь местного сообщества.

Жизнь в лесу в достаточно суровом климате без подготовленных жилищных и хозяйственных условий требует от человека физической и психологической выдержки. Судя по материалам, обычно в лесу поселялись от двух и более человек. О длительном одиночном проживании повествуется лишь в истории о беглеце от рекрутчины на р. Тимшер, которая имеет разные версии и точные сведения о ней в настоящее время получить невозможно. Тактики выживания в лесу отмечаются разные. Так, разбойники и участники банд обеспечивали себя с помощью грабежей; старообрядцы и переселившиеся семьи держали скот и старались обзавестись пашнями; некоторые лица выживали благодаря охоте и рыболовству; бежавший раскулаченный крестьянин, по-видимому, тайно помогал своей семье и ждал помощи от них. Примеры развития хозяйственной деятельности тайными поселенцами можно назвать попыткой освоения новых земель, из которых удачной оказалась на р. Тимшер, поселок просуществовал там до 1970-х гг.

Изученные исторические и фольклорные факты указывают, во-первых, на восприятие леса как необъятного, полностью неосвоенного пространства, в котором можно найти укрытие и оставаться в недосыгаемости от преследований без приложения дополнительных усилий для своей безопасности. В случае обнаружения укрытия лесные чащи, лога, болота помогают скрыться от погони. Во-вторых, лес позволяет обеспечить человека необходимыми для жизни ресурсами – строительными, топливными, пищевыми. Поэтому в некоторых примерах лесная территория используется как альтернативное место для жизнедеятельности и достижения материального благосостояния, но при условии свободы от государственных ограничений. Таким образом, для беглецов лес символизирует три основных понятия – защиту, достаток, свободу. Вместе с тем насильственная деятельность некоторых укрывавшихся в лесу людей влияет на развитие у населения чувства боязни перед лесным пространством. Одним из выражений страха является наделение «лесных героев» мифическими качествами, сверхъестественными способностями, которым не может противостоять обычный человек. Скрытые землянки, скиты и избушки, неизвестные жильцы, спрятанные сокровища – все это усиливает загадочность леса, способствует поддержанию представлений о том, что он таит в себе много неизвестного и неожиданного. Так, крестьяне, нашедшие в лесах Юмского уезда избушку не стали входить в нее и окликать жильцов, так как не знали, что там их ожидает. Они предпочли уйти подальше от нее и переночевать в лесу (ГАПК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 462. Л. 5).

Заключение

Тайные убежища в лесу на территории Коми-Пермяцкого округа появлялись на протяжении нескольких столетий при определенных «кризисных» ситуациях. Все они, несмотря на разные причины побега и тактики выживания, были способом спасения от преследований, наложенных обязанностей и ограничений. Практику поселяться и скрываться в лесу можно назвать и формой протеста, и альтернативой обустройства на новом месте. Учитывая неоднозначные оценки лесных беглецов, в народном восприятии подобные истории, с одной стороны, формируют представление о лесе как способе сохранения свободы и безопасности, с другой стороны, усиливают поверья о таинственности леса и скрытой в нем угрозе.

Архивные источники

1. АКНЦ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 54. Грибова Л.С. Чудь по коми-пермяцким преданиям и верованиям. Этнографический материал, собранный в Пермской области. 127 л.
2. ГАПК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 61. Дело по обвинению крестьянина Гаинской волости Луки Анфалова в членовредительстве самого себя при взятии в рекруты. 1796-1797 гг. 144 л.
3. ГАПК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 462. О найденной избушке в лесу беглых бродяг-раскольников. 1856. 107 л.
4. КПОГА. Ф. Р-252. Оп. 1. Д. 18. Кривошеков М.А. Курай. Рассказ. 1931 г. 6 л.
5. КПОГА. Ф. Р-252. Оп. 1. Д. 209. Кривошеков М.А. От Истердора до Кудымкара (материалы рукописи).
- 6.

Библиографический список

1. Алейников А.А., Алейникова Н.И., Чагин Г.Н. Лесные участки как историко-культурные ценности: особенности их выявления и сохранения на северо-западе Пермского края // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 3. С. 163–173.
2. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 401 с.
3. Арбат Ю. Сорок памятных зарубок. М.: Советская Россия, 1970. 272 с.
4. Баталов В. Где течет студеный Тимшор // По ленинскому пути. 1965. 29 августа. С. 3.
5. Бирюкова А.Б. Рекрутская повинность мещанского населения поволжских городов в первой половине XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 5. Ч. 2. С. 21–26.
6. Весновский В. Камская вольница // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1927. Вып. 3. С. 64–80.
7. Вылежнев Ю. Тайна таежной реки // Молодая гвардия. 1957. 1 ноября. С. 3.
8. Гайнский район: страницы истории. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2006. 432 с.
9. Голева Т.Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. СПб.: Изд-во «Маматов», 2011. 272 с.
10. Голева Т.Г. Старообрядцы на территории Коми-Пермяцкого округа // Технологос. 2019. № 1. С. 46–60.
11. Голикова С.В. Рекрутчина как социокультурное явление (по материала Урала XVIII-XIX вв.). Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2021. 264 с.
12. Дневник И.И. Крохалева по поездке с археологом М.В. Талицким по изучению мест древних поселений (городищ и селищ) // Наш край. Сборник научно-краеведческих статей. СПб.: Изд-во «Маматов». 2009. С. 41–44.
13. Заветный клад: избранная коми-пермяцкая проза и поэзия / перевод с коми-перм. и сост. В.В. Климова. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2007. 392 с.
14. Коньшин А.Е. История коми-пермяцкого народа 1917-1940 гг. Учебное пособие. Кудымкар: Филиал Удмуртского гос. ун-та в г. Кудымкаре, 2004. 344 с.
15. Мамсик Т.С. Побег как социальное явление. Приписная деревня Западной Сибири в 40-90-е гг. XVIII в. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. 206 с.
16. Покровский Н.Н. Крестьянский побег и традиции пустынножительства в Сибири XVIII в. Крестьянство Сибири (классовая борьба, общественное сознание и культура). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. С. 19–49.

17. Починская И.В. «Дело по ведению следствия о раскольнике Ситникове А....» (М.Е. Салтыков и старообрядцы) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2003. Вып. 5. С. 231–245.
18. Пришвин М.М. В краю непуганых птиц. Очерки Выговского края // Пришвин М.М. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 2: Путешествия. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1956. С. 5–160.
19. Соколова В.К. Русские исторические предания. М.: Наука, 1970. 288 с.
20. Список населенных мест Коми области. Сыктывкар: Изд-во Коми Обплана, 1930. 123 с.
21. Усенко О.Г. Социальный протест в России до начала XX в.: терминология и классификация // Из архива тверских источников. Тверь: Новая книга, 2006. Вып. 6: Сборник воспоминаний и научных трудов. К 70-летию со дня рождения профессора М.М. Червяковой. С. 60–70.
22. Федоров А. Из столетнего плена // Молодая гвардия. 1962. № 137. С. 3. № 138. С. 4.
23. Янович В.М. Пермь // Живая старина. 1903. Вып. 1-2. С. 52–171.

Список сокращений

- АКНЦ – Архив Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.
- ГАПК – Государственный архив Пермского края.
- КПОГА – Коми-Пермяцкий окружной государственный архив.

Сведения об авторе

Голева Татьяна Геннадьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований УрО РАН – филиал Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН, г. Пермь, ул. Ленина, 13а. E-mail: golevat@yandex.ru, Tel.89028031986

Goleva Tatiana Gennadiyevna, Candidate of Sciences (History), Senior Research Associate, Institute of Humanitarian Studies UB RAS – branch of the Perm Federal Research Center UB RAS.614990. E-mail: golevat@yandex.ru, Tel.89028031986

УДК 81'25

DOI: 10.24412/2658-7637-2022-21-143 -150

И.А. Подюков¹

НАЗВАНИЯ ЛОДОК КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИКАМЬЯ

¹Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация

В статье рассматриваются особенности пермской диалектной лексики и терминологии, представляющей тематическую группу народных названий речных лодок. Выявляются вышедшие из употребления, исторические названия больших грузовых лодок и барж, связанные с перевозками металла, соли, леса, и современные обозначения, отражающие традиции деревянного судостроения в Прикамье (рыбацкие, транспортные, прогулочные лодки). Анализируется происхождение ряда пермских названий, связанных с внутренним заимствованием из других подсистем русского языка (местные говоры, профессиональная речь), с заимствованием из европейских (голландский, немецкий языки) и из финноугорских языков, отмечается семантическая, фонетическая и морфологическая адаптация заимствований к особенностям русского языка. Рассматриваются основные мотивирующие признаки, отраженные в этимологии и внутренней форме названий лодок (признаки, указывающие на место изготовления и водоемы использования, на выполняемые функции, физические качества, конструкционные особенности, способы изготовления). Прослеживается постепенная утрата традиции лодочного промысла в крае, связанная с технологическими изменениями и с адаптацией судов к современным условиям. Делаются предположения о семантических изменениях пришедших из других русских говоров номинаций в условиях самостоятельного диалектного развития на территории Пермского края.

Ключевые слова: диалектная лексика, промысловая речь, региональные особенности номинации средств водного транспорта.

I.A. Podyukov¹

THE NAMES OF THE BOATS AS A REFLECTION OF THE TRADITIONAL ECONOMIC CULTURE OF THE KAMA REGION

¹Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

The article discusses the features of the Perm Krai's dialect vocabulary and terminology, which is a thematic group of folk names for river boats. It also reveals the obsolete historical names of large cargo boats and barges associated with the transportation of metal, salt, timber, as well as modern designations reflecting the traditions of wooden shipbuilding in the Kama region (fishing, transport, pleasure boats). The paper analyzes the origin of a number of Perm Krai's names associated with internal adoption from other subsystems of the Russian language (local dialects, professional speech), with adoption from European (Dutch, German) and Finno-Ugric languages, it also notes semantic, phonetic and morphological adaptation of the loanwords to the peculiarities of the Russian language. The article deals with the main motivating signs reflected in the etymology and inner form of boat names (signs indicating the place of manufacture and reservoirs of use, functions performed, physical qualities, design features, manufacturing methods). It retraces the gradual loss of the tradition of boat business in the region, associated with technological changes and with the adaptation of ships to modern conditions, and makes assumptions about the semantic changes of the nominations that came from other Russian dialects in the conditions of independent dialect development in the Perm Krai's territory.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 20-412-590002 «Промышленные горнозаводские субкультуры Прикамья в языковом отражении»

Keywords: *dialect vocabulary, trade speech, regional features of the nomination of water transport means.*

Старинное транспортное средство, лодка, представляет значительную историко-этнографическую и научно-техническую ценность. Дело не только в том, что лодки используются для перевозки людей, грузов, незаменимы в ряде промыслов (охота, рыболовство, лесосплав), популярны как средство отдыха и развлечения. Лодки и их названия, особенно диалектные, – ценный источник информации об уровне развития народных технологий, о практических потребностях и культурных предпочтениях того или иного культурного сообщества. В них так или иначе отражается специфика природно-климатических условий конкретных территорий, по ним можно судить о хозяйственных и культурных связях народов, о путях расселения людей при освоении новых земель.

Наименования лодок не раз привлекали внимание исследователей. Е.П. Лопорт, например, установила, что продуктивной семантической моделью в прошлом было образование названий лодок от имен собственных — топонимов и этнонимов [Лопорт, 2016]. Так, в создании оттопонимических названий типа *двинский, холмогорский карбас* участвует не только финноугорское заимствование (ср. вепское *karbaz*), но и топоним, обозначающий локальный центр судостроения; в образовании номинации *белозерка* о широкой, развалистой осиновой лодке содержится указание на название озера, где активно использовался этот тип лодки. Т.И. Орехова [Орехова 2000] исследовала семантические модели названий речных судов с учетом типа мотивировочного признака: образования по местности и водоему, по особенностям конструкции (количество весел, особенности бортов и днища), по материалу изготовления, основной функции и пр. Описанию народных названий лодок посвящен объемный энциклопедический словарь П.А. Филина и С.П. Курноскина «Народное судостроение России» [Филин, Курноскин, 2016]. В словаре дано описание 950 видов и названий судов и других плавсредств, представлена технология изготовления и характеристика способов их использования. Книга В.В. Подмаскина и Г.П. Турмова [Подмаскин, Турмов, 2014] представляет старые изображения судов и описывает термины, которые используются для называния плотов, катамаранов и лодок, используемых разными народами в повседневной деятельности. В настоящей статье исследуются диалектные и промысловые номинации лодок, распространенные в Пермском крае в прошлом и в современности, в том числе и перенесенные в Пермский край с других территорий России.

Пермский край отличается широко развитая гидрологическая сеть (более 30 000 рек, около 800 озер). Реки стали главным транспортным путем заселения Урала, по рекам же началось активное промышленное освоение Урала в нач. XVIII века. Водным путём осуществлялась доставка готовой продукции: по рекам-притокам грузы поступали в Каму и далее отправлялись в Центральную Россию. Для строительства судов на местных верфях строились крупные суда (в Соликамске большие плоскодонные ладьи и бархоты для нагрузки соли, по рекам Вишера, Колва, Сытва, Чусовая – барки). Строили также суда меньшего размера, так называемые *коломенки, шитики, расшивы, тихвинки, каюки, подчалки, гусяны* (см. о судостроительстве в Пермском крае в прошлом [Михайлов, 1877]). Во второй половине XIX в. в крае получило развитие баржестроительство; построенные на чердынских верфях суда-баржи (строилось по 60-70, иногда до 90 барж за сезон [Андерсон 1974: 34]) были известны на Вятке, Печоре, в Сибири.

Заимствованные названия.

Как и в других промышленных сферах, в строительстве лодок использовался опыт других народов, соответственно часть названий относится к заимствованиям. Это деревянное плоскодонное судно с малой осадкой для перевозки грузов с названием

плашкот (*Плашкоту к цинку наливай! Акчим Красновиш.*). Происшедшее от нидерландского слово *Plaatschuit*, где *plaat* – плоское, *schuit* – лодка, стало использоваться (очевидно, после выхода таких судов из прямого применения) для обозначения другого плавательного сооружения: небольшого плота из толстых бревен, который использовался как звено заграждения гавани плота (*Плашкот – из брёвен плоты такие. В ширину метров шесть. Из плашкотов ставится гавань. Акчим Красновиш.; Деревя четыре собьют, это плашкот. Рукав длинной, а плашкот короткий. Плашкот делали, чтобы лес на берег на косу не попал. Велгур Красновиш.*). В ряде мест слово стало также обозначать небольшой плот для разбираения заторов из сплаваемого леса (*Сплав – сделали плашкоты, перетянули перетяги, был мост, плотина, лес идёт, забивает во все дыры, надо вытаскивать. Разливы уносили лес на луга далеко-далеко. Светлица Кос.*). Общим у исходного и позднего значений при этом остается указание на небольшую ширину плавательного средства и наличие у него плоского дна (ср. уральское: *На Гогольской лопатине найден плашкот, дно и стены – в две доски* [СРНГ 27 – 1050]).

К заимствованным также относится название плоскодонного судна без палубы для перевозки грузов *барка*: *Барка для сплава железа, чугуна, меди, хлеба, необработанных брёвен. Барки ходили караванами* (Чусовой). Оно родственно нем. *Barke* или франц. *barque*, итальянск. *Barca*, которые восходят к лат. *barica* название судна, лодки [Фасмер I: 127]. *Барки* строились в Чердынском и Соликамском уездах (на реках Колва, Вишера и Мошевица); в Кунгурском уезде (на Сылве, Барде и Чусовой); в Оханском для перевозки металла. *Барка* отличается большим размером (низкие борта длиной до 8-9 метров, ширина до 2 метров), поэтому позднее она стала использоваться для осмотра и выемки крупных сетей-мереж. Судно *барфот* (*бархот* – искаженное нидерландское *berghout*, от *bergen* «охранять» и *hout* «дерево» [Фасмер 2, с. 118]) названо так по наличию пояса-обшивки из досок (*Барфоты в барже; оне, как рёбра, обвязывают бока. Толстик Сол.*). Этим словом также называли небольшие суда типа ладей с заостренными носом и кормой: *бархоты*, камские солевозные суда, строились в Соликамском уезде, на Каме, при Новом Усолье и горном городе Дедюхине, главное их назначение – сплав соли от Дедюхинских и Усольских соляных промыслов до Перми и Нижнего Новгорода (по прибытии на место суда продавались на постройки).

Заимствованным является название большой лодки *каюта* [СРНГ, 13, с. 155] (*Большие лодки, называемые здесь каютами, могут ходить все лето к самому устью Еловки*). В основе слова немецкое *Kajüte* из нидерландского *kajuit*; восходит к франц. *cahute* «хижина». Название большой лодки с широкими бортами, с палубой *лайба* (*На твоей лайбе хоть чё увезёшь. Пянтег Черд.*) имеет финское происхождение (финское *laiva* «лодка, судно»). Позднее так стали называть лодку-долбленку для перевоза через реку (Добр. [СРНГ, 16, 240]). Вероятно, вариантом этого названия является слово *ладьба* (уральское [СРНГ, 16, с. 240]) – как попытка «прояснить» затемненное *лайба* соотносением с глаголом *ладить*, с существительным *лад*); известен также вариант *лайда*, где, очевидно, произведена замена губного [в] на [д] как более простой в артикуляции. Название рыбацкой лодки *пыж* [СРНГ, 33, с. 186]) заимствовано из финноугорских языков (ср. удмуртское *piž*, марийское *piž*, финское *pursi* «лодка» [Фасмер 3, с. 417]).

Любопытный и редкий пример тюркского заимствования (позднего, возможно, уникального) – название небольшой прогулочной лодки *гайсá* (*Была у барина на пруду гайса – лодка такая небольшая. Емаш-Павлово Чернуш.*). Слово по происхождению связано с фонетически измененным именем одного из самых почитаемых в исламе пророков *Иса* (со временем стало татаро-башкирским мужским именем). Название лодки *гайсá* зафиксировано в Прикамье на территории, которая в прошлом была башкирской (в с. Емаш-Павлово находились владения П.Д. Дягилева, позднее имения купца Макарова, необычно нарядный дом и пруд с плотиной [Власова]; экзотическое

название барского прогулочного судна, к тому же с командой в морской форме вполне вписывается в необычную для сельского поселения среду). Впрочем, возможна и связь названия с глаголом *гайсать* 'прыгать' (общее с белорусским и северно-украинским в том же значении [СРНГ, 6, с. 101]).

Заимствованные названия лодок в основном восходят к голландскому языку: Голландия в свое время (XVIII в.) была страной передового кораблестроения. В основном они распространяются на крупные грузовые суда, отличаются при этом затемненностью внутренней формы, фонетически варьируются, адаптируясь к особенностям русской фонетики.

Используемые на мелких реках Прикамья лодки обычно носят названия с прозрачной мотивировкой. Вслед за Т.И. Ореховой [Орехова, 2000] выделим несколько групп, представляющих семантические модели названий лодок по мотивировочному признаку: по особенностям конструкции (количество весел, особенности бортов и днища), по выполняемой функции и предназначению (для ловли рыбы, перевозки грузов), по способу изготовления (долбление, сшивание).

Названия по местности и водоему. *Коломенка* – беспалубная с плоским дном барка, которая строилась в Соликамском уезде на р. Каме, в Красноуфимском уезде на р. Чусовой, в Екатеринбургском на р. Чусовой и в Кунгурском (на р. Сылва). В основном она назначалась для сплава разного рода металлов (отчего на Волге называлась *железняк*). Баржа названа по городу Коломна, где было начато строительство этих судов, хотя главной мотивацией, по мнению А. Иванова (его писатель высказал в книге «Чусовая», гл. 6 «Железные караваны»), считается обозначение чусовских барок-коломенок по материалу: они строились из «коломенных» брёвен, т. е. бревен столетних сосен. Поскольку название Коломна, как считается, восходит к сочетанию с пространственной семантикой – «коло менка», т.е. около рынка, версия с коломенными бревнами носит достаточно спорный характер. В то же время любопытно, что шутливая оценка очень высокого человека верста коломенская также связана с идеей высокого дерева, имеющего отношение к Коломне: царь Алексей Михайлович уделял особое внимание дороге в подмосковное Коломенское и в качестве указателей велел поставить по ней огромные верстовые столбы.

Плоскодонная баржа *сурянка* (меньшего размера, чем *коломенка*) получила название от Сура, большая река, правый приток Волги. В Чердынском уезде, на р. Колве из соснового и елового леса строили баржи для сплава соли от Пермских соляных промыслов до Нижнего-Новгорода тихвинки. Названием они соответствовали деревянным грузовым баркам, которые широко использовались в XIX веке на реках Тихвинской водной системы (от Волги до Балтики) [Талыгин]. Легкостью, чистотой отделки отличается уральская казачья *бударка*, которая изначально изготавливалась из выдолбленного ствола дерева (в селении Бударинский, в прошлом казацкий форпост Бударино [Курносин, 2013, с. 129]). Весельные суда *городецкие*, на которых чердынские купцы поднимались по Колве и Вишерке [СРНГ 7, с. 57] названием связаны с нижегородским Городцом, одним из ведущих центров строительства барж (в Городце в конце XIX в. спускали на воду каждый год приблизительно по 65–70 судов). Лодки *гусянки*, грузные, но легкие на ходу, первоначально строились на реке Гусь в Рязанской губернии.

По топонимическим отсылкам, к собственно пермским относится большая тупоносая лодка-плоскодонка *орляна*, в которой возили железо (*Орляны называли баржи у нас, в которой не было палубы верхней и нос был загнутый вот так. Чё-то такое нагрудят, троса да что да. «Давай поставь мне орляну, мне надо такелаж везти».* Рябинино Черд.). В п. Орел Усольского района работала судоверфь, строили баржи и лодки еще в годы Великой Отечественной войны. Лодка *вишерянка* (*вишерка*) с плоским узким днищем в одну широкую доску и длиной до

семи метров активно используется рыбаками на Вишере и в наши дни (ее конструкция оптимальна для прохождения вишерских перекатов и порогов: *Вишерками зовут наши лодки. Они и сейчас есть, долгонькие и узенькие*, с. Редикор Черд.). Другие ее названия – *чалдонка, северянка* (*Северянки сейчас с моторами, а раньше под вёслами ходили*. Вёлс Красновиш.; *Кто вишерка назовёт, кто чалдонка нашу лодку*. Красновишерск). Обозначение *чалдонка* связано со словом *чалдон*, о происхождении которого нет единого мнения; по некоторым предположениям, это тюркское название коренного жителя Сибири или Урала, когда-то заимствованное из монгольского языка для характеристики бродяги, беглого. В последнее время *вишеркой* стали также называть небольшую лодку особой формы, изготовленную из узких досок (раньше дощатых лодок на Вишере не делали, плавали по большей части на долбленках-осиновках: *Лодки у нас большинство осиновки. Есть тоже колвинки. Колвинка – их делают из мелких досок. У нас колвинок нету, тут их не делают*; Акчим Красновиш.). Колва на рубеже XIX–XX веков была центром судостроения; лодки-трехдосковки с бортами – набоями обслуживали мелководный колвинско-печорский волок, постепенно они приобрели популярность и на Вишере. Известно также глухое упоминание о лодке-обвинке [СРНГ 22, с.10]; широко распространены дюралевая гребно-моторная лодка *сибирячка*, выпускаемая в Новосибирске, лодка *волжанка*, производимая в Самаре, *казанка*, которая изготавливается в Казани.

Указание на **способ изготовления** содержат и крупные суда, и мелкие. *Расшивные лодки*, или *расшивы* строились не только на Волге, но и в Чердынском и Соликамском уездах, на реках Вишере, Колве и Мошевице, из соснового и елового леса. *Гибёжная лодка* для перевоза металла ходила по Чусовой, Каме и Волге [СРНГ 6, с. 168]; название указывает на изогнутые формы судна (*гибёж* обозначает «загибание», Даль 1, с. 861). Вид баржи, плоскодонное речное судно *шитик* использовалось по Колве, Вишере, Каме и Волге, до Нижнего Новгорода, преимущественно для перевозки соли (позднее для паромной переправы: *Раньше народ на шитиках перевозили. Сперва паром на одном шитике был, а теперь на двух шитиках ходит*, Тетерино Сол.). В описаниях лодки выделяют крупный размер, закругленные формы (*Делали шитики из досок, бока закруглены. Городище Юсьв.; Шитик как большая лодка, в него ставили лошадей десять и плыли*. Искор Черд.). Название мотивировано старым значением слова *шить* ‘скреплять, соединять, связывать что-л. из древесины’ (*Комод сам шил*. Нилиги Ильинск.; *Лодку сосед надумал шить*. Тюлькино Сол.). Скрепление частей корпуса и нашивание бортов производилось ремнями или вицами (запаренными и размятыми прутьями можжевельника, черемухи и ели).

Способ изготовления лодки «учтен» в названиях узкой лодки из цельного бревна *долб(л)ёнка* (*долб(л)янка, долбинка* (*Долблянка – это лодка. Выдалбливают из осин. Их осиночками зовут*. Акчим Красновиш.; *Лодок – долбинок у нас не было, у нас из досок. Раньше, наверное. Б. Гадья Черд.; Лодки-долбянки сами делали, из осины обычно. Сосновка Орд.*). Долбленая лодка, выдолбленная из одного бревна, также называлась *долбушка, долбёшка* (Оханск. [СРНГ 8, с. 104]). Кроме глагола *долбить*, мотивирует название такой лодки глагол *бóтать/ ботáть* ‘выгонять рыбу из кустов в заранее расставленные сети при помощи ботала, шеста с воронкой на конце, удар которого по воде образует громкий звук’ [Филин, Курносин, 2016, с. 55]. От *ботать* образуется название лодки для перевозки грузов и небольшой долбленой рыбацкой лодки *ботник* (волжское, костромское, вологодское, пермское [СРНГ 3, с. 136]: *Рыбачья лодка называлась ботник или осиночка. Сдвоенные тоже делали осиночки – долблёнки, сети ставить. Это осины выдолблены и укреплены как плот*. Тюинск Окт.). С обозначением удара связано и название долбленой лодки *батик* (*На батиках сетки ставили, не с берега. Усть-Иргино Сукс.; ср. батить пермское ‘ударять’*). Скорее всего, к звукоизобразительным комплексам *боч-, боть* относятся также названия маленькой лодки *бочатка* (*Помню, бочатка была, маленькая такая лодочка, мы с папой*

рыбачить ездили. Орёл Ус.), ботяска (Ботяска – на себе унесешь лодка, маленькая. Орёл Ус.). Любопытно совмещены при образовании названия два признака в чердынском названии небольшой долбленной лодки долдонка (Лодка-долдонка была. Сначала вычертят фасон, потом выбирают внутри. Б. Долды Черд.). Название соотнесено с топонимом (деревня Долды Чердынского района), т.е. указывает на место изготовления и использования лодки и одновременно на способ изготовления (долдонить – не только «упрямо твердить одно и то же», но и вообще «производить монотонные, однообразные звуки как при долблении»).

Материал, из которого изготавливается лодка, указан в названиях осиновка (Сенокосили мы на том берегу. Переправлялись туда на осиновке. Деревянная такая лодка. Её из осины выдалбливали. Бондюг Черд.), кедровик (редкий вид северной лодки, выдолбленной из кедра [СРНГ 13, с. 174], дощаник (дощатик), дощанка (дощатка, дощеница) о плоскодонной лодке из досок (У меня дощеница, а у тебя осиновка, она тяжельше будет. Вильва Сол.; А есть еще дощатик. Так-то из досок шили, а вёсла-те из ёлки да осины делали; а осиновки лучше дощатика, они на ходу легче. Бондюг Черд.; Моторы не ставили на осиновки, ставили на дощанки. Лодки дощаные. Светлица Кос.). Этот признак использован и в более поздних названиях дюралька о металлической лодке, резинка о надувной лодке, чугушка о моторной лодке с корпусом из металла (Идет чугушка тык-мык. Романово Ус.). По используемому материалу были также названы лоды, большие плоскодонные суда (строились в Соликамском уезде, на Каме, при Усольских и Ленвенских соляных промыслах). Слово заимствовано из старославянского языка, где оно является производным от *olda «челн, лодка» (которое предположительно восходит к праславянскому корню *old- ‘ствол дерева’; примечательно, что в говорах до сих пор сохраняются номинации судна типа дерево (лодка, выдолбленная из одного дерева, откуда онежское ехать на дереве «ехать в подобной лодке» [СРНГ 8, с.14]). Как название короткого отрезка толстого бревна и как название лодки-долбенки также используется слово колода (В колоде по реке плыл. Зориново Караг.).

Названия отмечают конструктивные особенности лодки. К этой группе относятся наименования большого размера лодки косная лодка [СРНГ, 15, с.60], коснуха длинная лодка с высокой острой кормой и носом (коснуха – это очень широкая лодка, а концы – узкая. Акчим Красновиш.), косовушка лодка средних размеров для перевозки людей и грузов [СРНГ 15, с. 63], косуха большая лодка баркас, косовая судно лодейного типа (т.е. большая гребная лодка). Название связано либо с понятием косить на парусах ‘идти круто к ветру’, либо с термином кус, который обозначал наживку, на которую в Астрахани ловили рыбу [Традиционное судостроение... 2021, с. 413]. Наличие прибитых бортов отмечено в слове насада (насадик) (Добр. [СРНГ 20, с. 148]). На наличие высокого борта указывает название бортничек ‘плоскодонная лодка’ (Я маленькая была, так помню, на свадьбу запрягут лошадь в лодку, такие маленькие лодки были, бортнички, свекровку-то в этой лодке-то и катают, чтобы веселя было. Куделю-то у свекровки зажгут, прядёт она, с пресницей едет. Турлавы Ус.). По особенностям днища названа круглодонка лодка с круглым (обычно металлическим) дном (Круглодонку сосед мне сделал, дно железное. Вёртка получилась. Чусовой), плоскодонка небольшая лодка с плоским дном (Есть килевая лодка, есть плоскодонка с плоским дном – для браконьерства обычно. Её и протащить можно везде по мелкой воде, она осажена в воде сантиметров на пять. Орёл Ус.). Конструктивные особенности лодки отмечает название двухопружка лодка-долбенка с двумя ребрами-шпангоутами (Лодки маленькие были, двухопружки, трёхопружки. Два, три опруга были. Вот осина выкопана. Её разведут, осину, и вот этот опруг как коромысло, внутри. Светлица Кос.). Двухвеселка о плоскодонной лодке под два весла (Хоть и мелкая речушка, но у берегов привязаны двухвёселки. Андреево Киш.) также содержит «количественные» характеристики (они используются в уральских названиях

двоёнка или двойня, двойчатка лодка для двоих, девятёрка большая лодка для команды из 9 человек [СРНГ 7, с. 288, 323].

Функции лодки, ее свойства. Предназначенность лодки может специально отмечаться в ее определениях – *ухватная (ухватительная) лодка* дощаная лодка-плоскодонка, использовавшаяся при сплаве леса для подтягивания плотов или бревен к берегу ([СРНГ 17, с.106]: *Ухватные лодки из досок шились; оне к копаням пришивались.* Жуланово Сол.), лодка *рыболовочка* (уральское [СРНГ 35, с. 300]), лодка *неводница (неводник)*, с которой выметывают невод (*Неводник тоже дощаной, когда неводом рыбачишь. Большая лодка* [СРНГ 20, с. 352]). Свойства лодки обозначает архангельский термин *завозня* о большой лодке из досок, которую использовали для перевозок через реки больших и громоздких тяжестей, как например, телег с лошадьми и проч. (еще одно значение слова – лодка для завозки якоря, который забрасывается впереди судна: *Где бежали бечевой, а где якоря завозили на завознях,* пермское, [СРНГ 9, с. 330]. (*Завозни – это большие лодки были. Они, это, тоже все срошенные были, из одних досок.* Бондюг Черд.). Основное значение слова *завозня* – амбар, помещение для хранения обмолоченного зерна и даже крытый двор (Харюшина Сол.). Баржи для перевозки товаров в мешках назывались *кулевозки* (*Кулевозки по Каме ходили, разные товары на их перевозили, до 30 тонн возили.* Юрина Сол.).

Разные свойства лодки обозначают названия *надувашка* о резиновой лодке (*В сарае надувашка, надо бы её проклеить.* Сосновка Орд.), *сороходка* небольшая лодка для передвижения с шестом (*Лодки назывались сороходки, быстрые. Угребались шестом, не вёслами.* Тиминская Черд.), *самоходка* большая моторная лодка (*С орляну самоходка-та, но меньше катера.* Сёйва Гайн., *подвеска* лодка с подвесным мотором (*Сюда к нам с Чуртана приезжали на подвесках, кедр рвать.* Монастырь Гайн.; *Сколько подвесок ездило, искали утопленников-то.* Сёйва Гайн.), *колыбучка* малоустойчивая узконосая лодка с низкими бортами (*У нас речка-то совсем маленькая, вот колыбучек наделают, они маленькие, ступить некуда, да плавают, для себя только.* Данилов Луг Красновиш., *душегубка* о неустойчивой маленькой лодке, выдолбленной из осины (*Душегубки – лодки маленькие, долбленные. А из тёсу дощанки делают.* Акчим Красновиш.).

Опыт традиционного деревянного, «народного» судостроения как исчезающей области культуры зафиксирован в системе лодочной терминологии. Ее значение к нашим дням трудно переоценить: деревянные суда в наши дни все больше вытесняются металлическими и пластиковыми. Спрос на них сохраняется только у любителей и энтузиастов, у рыбаков и промысловиков в пермской глубинке. Пермская лодочная терминология – свидетельство развитого лодочного промысла, имеющего в Прикамье в прошлом свои изобретения, творчески усвоившего пришедшие с Русского Севера и Поволжья технологии. Описанная лексика демонстрирует фонетическую и морфологическую адаптацию заимствований к особенностям местной русской речи. Очевидно и семантическое освоение пермскими говорами заимствований, обозначающих суда, – некоторые из них начинают использоваться в нетипичных значениях, связанных с сугубо пермскими условиями водного транспорта (лесосплав, перевозка соли и пр.).

Библиографический список

1. Андерсон Э. П. Судостроительная промышленность Чердынского уезда. – Из прошлого Чердынского края. – Пермь, 1974. С. 34–39.
2. Власова Т.Г. Радетель земли Емашинской, о котором и сегодня помнят старожилы села. raionka.perm.ru/mauyak-priuralya. (Дата обращения 15.10.2022).
3. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. Т.1-4. Изд.3, Спб., 1903.

4. *Еранцев А.Н.* О судостроении в Городце в конце XIX – начале XX вв. – Городецкие чтения. Городец, 23 – 24 апреля 2004 г.
5. *Курноскин С.* Казачья лодка будара. – Катера и яхты, №1, 2013, с. 128 – 131.
6. *Лопорт Е.П.* Оттопонимические и отэтнонимические наименования лодок в русских говорах Архангельской области. – Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 1. С. 178–190.
7. *Михайлов П.* Судходство по р. Каме и ее притокам Вятке, Вишере, Чусовой, Белой и другим. Санкт-Петербург: Тип. Министерства Путей Сообщения (А. Бенке), 1877. – 118 с.
8. *Орехова Т.И.* Формирование тематической группы названий водных средств передвижения в истории русского языка XVIII – XX вв. АКД. Барнаул 2000. 19 с.
9. *Подмаскин В.В., Турмов Г.П.* Лодки народов мира в визуальной антропологии (по материалам конца XIX – начала XXI в.) / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. – Владивосток: Изд. дом Дальневост. федерал. ун-та, 2014. – 304 с.: ил.
10. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1– 52. М. – Л. (Спб.), 1965 – 2021.
11. *Талыгин Анатолий.* Речная старина. – oldriver.ru. (Дата обращения 15.10.2022).
12. Традиционное судостроение как часть культурного наследия народов России. Т. 1 / под общей редакцией А. В. Огорокова. — М.: Институт Наследия, 2021. – 558 с.
13. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1 – 4. М.: Астрель-АСТ, 2007.
14. *Филин П.А., Курноскин С.П.* Народное судостроение России. Энциклопедический словарь судов народной постройки. Спб.: Гангут, 2016. 395 с.

Список географических помет

Гайн. – Гайнский район
Добр. – Добрянский район
Кос. – Косинский район
Красновиш. – Красновишерский район
Окт. – Октябрьский район
Орд. – Ординский район
Оханск. – Оханский район
Сол. – Соликамский район
Сукс. – Суксунский район
Ус. – Усольский район
Черд. – Чердынский район
Чернуш. – Чернушинский район
Юсьв. – Юсьвинский район

Сведения об авторе

Подюков Иван Алексеевич, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (ПГГПУ), 614056 г. Пермь, ул. Сигаева 2а, кв.3 E-mail: podjukov@yandex.ru , Тел. 89027983826

Podyukov Ivan Alecseevich, Doctor of Philology, Professor of Perm State Humanitarian Pedagogical University, E-mail: podjukov@yandex.ru , Tel. 89027983826

СОДЕРЖАНИЕ

БАТУЕВА Н.С., ДЕМАКОВ Д.А., ЛЫЧАГИНА Е.Л. СТОЯНКА КОСА III – ПОЗДНЕМЕЗОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК В ВЕРХНЕМ ПРИКАМЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2021 Г.)	3
БАТУЕВА Н.С., НЕМЦЕВА Д.К. СКРЕБКИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ПОЗДНЕМЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КОСА III В ВЕРХНЕМ ПРИКАМЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2021-2022 ГГ.).....	13
ДЕМАКОВ Д.А., ЛЫЧАГИНА Е.Л. ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАСПОЛОЖЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КАМСКОЙ И ВОЛГО-КАМСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР В ВЕРХНЕМ И СРЕДНЕМ ПРИКАМЬЕ.....	21
ЛЫЧАГИНА Е.Л., БРЮХОВА Н.Г. КОМПЛЕКС ПО ИЗГОТОВЛЕНИЮ ШЛИФОВАННЫХ ОРУДИЙ СО СТОЯНКИ ЧАШКИНСКОЕ ОЗЕРО II	34
СМЕРТИНА А.Ю. , ЛЫЧАГИНА Е.Л. КАМЕННЫЕ УКРАШЕНИЯ С ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ БАССЕЙНА СРЕДНЕЙ КАМЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ БОР I И СТОЯНКИ ЗАБОЙНАЯ II)	42
ДАНИЧ А.В. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ - СРЕЗНИ С ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ	48
МОРЯХИНА К.В. МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ УКРАШЕНИЯ ЩУКИНСКОГО МОГИЛЬНИКА	69
ПОДОСЁНОВА Ю.А., САРАПУЛОВ А.Н. ГРИВНА ИЗ ЮВЕЛИРНОЙ И ЛИТЕЙНОЙ МАСТЕРСКОЙ РОДАНОВА ГОРОДИЩА	80
РУДЕНКО К.А. КРИЗИСНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ В X – XIII ВВ. (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ)	86
ШМЫРИНА М.Е. КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ГОРОДИЩА ИСКОР	95
КУРБАТОВ А.В. РАЗВИТИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КОЖЕВЕННОЙ ЛЕКСИКИ И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ	103
СМИРНОВ Д.С. _НОВЫЕ НАХОДКИ КРЕСТОВ НА РОЖДЕСТВЕНСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ В ПЕРМСКОМ КРАЕ.....	114
ВОСТРОКНУТОВ А.В. ПРАВОСЛАВНЫЙ ЛАНДШАФТ Р.ЧУСОВАЯ: ОТ СЕЛ И ДЕРЕВЕНЬ К ГОРНЫМ ЗАВОДАМ.....	121
ГОЛЕВА Т.Г. ЛЕС КАК МЕСТО ТАЙНОГО УБЕЖИЩА: ПО МАТЕРИАЛАМ XIX – НАЧАЛА XXI ВВ. ТЕРРИТОРИИ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ОКРУГА.....	134
ПОДЮКОВ И.А. НАЗВАНИЯ ЛОДОК КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИКАМЬЯ.....	143

Научное издание

ТРУДЫ КАМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ
Выпуск XXI

На обложке – футляр от расчески, кость, Рождественское городище, XI-XIII вв.

Договор размещения издания в НЭБ eLibrary 697–11/2013. Издание включено в РИНЦ

Р е д к о л л е г и я :

Белавин Андрей Михайлович

(гл. редактор)

Батуева Надежда Сергеевна (отв. за выпуск)

Крыласова Наталья Борисовна

Сарапулов Алексей Николаевич

Подосенова Юлия Александровна

Издается в авторской редакции.

Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений, цитирования и использованных иллюстративных материалов.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ

«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Подписано в печать 28.012.2022. Формат 60х90 1/8

Бумага ВХИ. Печать на ризографе. Гарнитура «Таймс».

Усл. печ. л. 21,5. Тираж 100 экз. Заказ № 655

Редакционно-издательский отдел

Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

614990, г. Пермь ГСП, ул. Сибирская, 24, корп. 2, оф. 71,

тел. (342) 215-18-52, факс (342) 215-18-52 (доб. 332)

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии издательства «Книжный формат».

Адрес: 614000, г.Пермь, ул.Пушкина, 80